Вера Васильева

АЛЕКСЕЙ ПИЧУГИН

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

/БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК/

HUMAN RIGHTS PUBLISHERS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Журналист Вера Васильева известна своими хрониками судебных процессов по делу ЮКОСа, публиковавшимися в сетевых СМИ (HRO.org, «Грани.ру», «Каспаров.ру») и «Новой газете», а также книгами о процессах Леонида Невзлина, совладельца ЮКОСа, и Алексея Пичугина, бывшего начальника отдела службы безопасности компании.

Тяжелейшие обвинения, максимально жесткий приговор -

о том, что было в действительности, о том, что судом было сочтено доказательствами и что послужило основанием для пожизненного лишения свободы, рассказывается в книгах Веры Васильевой «Как судили Алексея Пичугина», «Третий суд Алексея Пичугина. Хроники “дела ЮКОСа”» и «Без свидетелей? Дело Невзлина: записки очевидца заочного процесса».

Предлагаемая вниманию читателей новая книга автора – рассказ о человеке, ставшем заложником в войне за контроль над нефтяными ресурсами и сохранившем в этих боях без правил честь и достоинство. О способах давления, ключевых моментах судебных процессов по делу Пичугина и том, откуда он черпает силы для своей борьбы, рассказывает сам Алексей, его коллеги и соратники, родные и друзья.

Для широкого круга читателей, интересующихся делом ЮКОСа и судьбами его фигурантов – не только главных, но и тех, имена которых остаются в относительной тени.

Отзывы на эту книгу можно присылать по электронной почте на адрес: *apichugin-hook@list.ru*

- Вера Васильева
  -
  - Детство и юность: мечты и стремления
  - Под знаком ЮКОСа
  - Заключенный
    - «Знакомиться с этим “мусором” не имеет никакого резона»...
    - Химия – царица наук
    - Свидетель с острова Огненный
    - Незаменимая судья и заменяемые присяжные
    - Наказание правосудием?
    - Показания или жизнь!
    - Казус судьи Усова
    - Свидетели многоразового использования
    - «Черный дельфин»

        - «Я оговорил Пичугина и Невзлина»...
    - Он свободен
    - Приложения
        - Справка о деле Алексея Пичугина
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

Вера Васильева
Алексей Пичугин – пути и перепутья (биографический очерк)

…О мучительной и фактически бесперспективной борьбе человека за сохранение… «права первородства» против тупой, слепой, напористой силы, не знающей ни чести, ни благородства, ни милосердия, умеющей только одно – достигать поставленных целей – любыми средствами, но зато всегда и без каких-либо осечек.

Борис Стругацкий, *«Комментарии к пройденному»*

«Дело ЮКОСа», точнее – уголовное преследование Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, меня интересовало давно, почти с самого его начала. С 2004 года я жадно поглощала все новости по этой теме, ходила на судебные заседания в Мещанский районный суд Москвы, участвовала в пикетах в поддержку обвиняемых. Постепенно, под влиянием увиденного и услышанного, у меня сформировалось свое представление об этом судебном процессе, которое отражено в моих публикациях того периода, хотя работала я тогда в той сфере журналистики, которая далека от судебных и политических перипетий.

С Алексеем Пичугиным все обстояло сложнее. Разбирательство по его первому делу, начавшееся в Мосгорсуде летом 2004 года, проходило за закрытыми дверями. Делать выводы об убедительности доказательной базы Генпрокуратуры и характере суда можно было только на основе комментариев, которые давали для СМИ участники процесса, но это казалось мне ненадежным. Между тем, вопрос о виновности подсудимого не выходил у меня из головы – уж очень серьезные преступления вменили Алексею Пичугину.

По этой причине я пришла на первое же судебное заседание в рамках его второго уголовного дела, слушания по которому были открытыми, 3 апреля 2006 года.

«Схожу на три-четыре заседания, составлю собственное мнение о том, виновен Пичугин или нет, и успокоюсь», – думала я.

У дверей зала 507 на пятом этаже Мосгорсуда никакого

ажиотажа не было. Кроме представителей процессуальных сторон – небольшая группа журналистов и еще несколько человек. Обстановка разительно отличалась от наблюдавшейся на процессе в отношении Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. В Мещанском суде по утрам к дверям маленького зальчика почти всегда выстраивалась длинная очередь из желавших посетить заседание, и путь им преграждал человек, представлявшийся Иваном Ивановичем и бывший, по слухам, сотрудником ФСБ.

Здесь же просторный зал суда буквально ошеломил меня своей пустотой. Возникло неприятное ощущение, будто я нахожусь на подиуме и все на меня смотрят. Я выскочила наружу, но рассердившись на саму себя за это малодушие, вернулась.

Алексей Пичугин, бледный, худой, физически измученный человек, держался спокойно и с достоинством. Поразило его внешнее сходство с одной из посетительниц, сидевших в зале. Глаза, волосы, черты лица... Я не представляла, что люди могут быть настолько похожи.

Потянулись дни судебного процесса, о котором я рассказывала в своем блоге в «Живом журнале». Происходившее в зале суда не увязывалось с моими представлениями о рамках допустимого в процессе судопроизводства, несмотря на мой предыдущий опыт. Тем временем, коллеги-журналисты совсем перестали приходить. Это бесконечно огорчало, но не слишком удивляло. Рутина судебного процесса, как правило, не дает прессе информационного повода, да и Алексей Пичугин не принадлежал к главным ньюсмейкерам в рамках процессов по «делу ЮКОСа».

«Спасибо за то, что Вы приходите», – услышала я однажды шепот у себя за спиной. Обернувшись, я увидела женщину, привлекшую мое внимание своим сходством с подсудимым в первый день процесса. Она оказалась матерью Алексея Пичугина Аллой Николаевной, с которой нас впоследствии связали тесные отношения на годы.

Переломной точкой в понимании происходящего для меня стала фраза гособвинителя Киры Гудим, произнесенная ею на судебном заседании 7 июня 2006 года в ответ на реплику адвоката Алексея Пичугина Георгия Каганера.

Кира Гудим, невысокая темноволосая женщина в очках, оглашала материалы уголовного дела весьма специфически: она опускала отдельные фразы, в результате чего общий смысл сказанного менялся. У судьи же Владимира Усова текста перед глазами не было, и он воспринимал все исключительно на слух.

«Кира Станиславовна, давайте будем более точно цитировать

материалы дела. Все-таки судьба человека решается», – не выдержал Георгий Каганер.

«Уже решена», – отрезала Кира Гудим.

К моему удивлению, судья продемонстрировал полное равнодушие к тому, что ему только что, по сути, указали его статус – свадебного генерала.

Вопросы об Алексее Пичугине, которыми я задавалась прежде, в значительной своей части получили ответы. Можно было на этом успокоиться и поставить точку. Но вместо этого, вернувшись домой, я отправила Алексею Пичугину письмо в следственный изолятор «Матросская тишина».

«Здравствуйте, уважаемый Алексей Владимирович! Вам пишет Вера Васильева из Москвы. Конечно, слова незнакомого человека не способны оказать реальную помощь, но пусть мои пожелания силы духа и надежды на то, что зло не победит, послужат Вам хотя бы какой-то поддержкой.

Безумно бесит собственное бессилие что-либо изменить, а также то, что предпринимаемые попытки не дают ощутимых результатов. Мне кажется, что выход – в консолидации общества, в пробуждении у людей гражданского самосознания. Давно пора понять, что права человека, в том числе на справедливое и беспристрастное правосудие, – для всех, вне зависимости от каких-либо обстоятельств», – написала я.

Ответа я не ждала, хотя до этого и получила несколько писем от Михаила Ходорковского, которому тоже отправляла письма сочувствия и поддержки. Но, в отличие от экс-главы ЮКОСа, Алексей Пичугин не был публичной фигурой, положение его было отчаянным, и то, что он станет тратить время на что-либо еще, кроме подготовки к судебным заседаниям и общения с близкими, казалось мне маловероятным.

Как-то на выходе из Мосгорсуда после очередного заседания меня окликнул Георгий Каганер, адвокат Алексея.

«Скажите, это Вы писали с N-ского проспекта?» – спросил он.

Я подтвердила.

«Алексей просил передать, если Вы сможете, то, пожалуйста, приходите еще», – сказал адвокат.

Дома я обнаружила в почтовом ящике письмо с синим штампом «Учреждение ИЗ-99/1» на красочном конверте. Оно было написано крупным аккуратным почерком на двойном тетрадном листе в клеточку.

«Здравствуйте, Вера. Пишет Вам Алексей Пичугин. Хочу от всей души поблагодарить Вас за Ваше письмо, за теплые слова поддержки и понимания. Сейчас, когда мне, моим родным и близким так нелегко, слово здравомыслящего, честного и доброго человека

является такой силой, которая помогает бороться, несмотря ни на что, бороться до победы, которая будет за нами, потому что правда и лучшие представители нашего общества на нашей стороне. А Ваше письмо – яркое подтверждение этому.

И совершенно неважно, что эти слова исходят от незнакомого человека, важно другое, важно то, что Вы и многие другие наши сограждане не остались равнодушными к нашей беде и ко всему происходящему. Это радует и вселяет веру и надежду на то, что для нашего общества еще не все потеряно, а значит, будет еще и на нашей улице праздник. Очень надеюсь, что ждать его придется недолго.

Вера, хочу еще раз выразить Вам свою признательность и благодарность за поддержку, добрые слова и пожелания. Я от всего сердца желаю Вам, Вашим родным и близким здоровья, мира, благополучия и всего самого доброго и светлого! Удачи.

С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями,

Алексей Пичугин».

Отложив письмо в сторону, я поняла, что успокаиваться мне рано и что я должна заняться этим делом.

Детство и юность: мечты и стремления

Для одних Алексей Пичугин – «убийца из ЮКОСа», для других – политзаключенный, узник совести, для третьих – «гэбэшник», которые, как известно, «бывшими не бывают». За ворохом этих определений и ярлыков совсем не видно живого человека, и мне пришлось по крупицам воссоздавать его портрет.

Алексей Пичугин родился 25 июля 1962 года. Родители – Владимир Михайлович, инженер по профессии, и Алла Николаевна, работавшая товароведом, – жили в подмосковном Орехово-Зуево. Алексей был первенцем, у него есть брат Андрей тремя годами младше.

Детство и юность Алексей провел в подмосковном Ногинске, куда семья перебралась спустя год после его рождения. Сначала поселились у родителей Аллы Николаевны, позднее получили квартиру. Жили всегда скромно, даже в период работы сына в одной из крупнейших нефтяных компаний мира.

Алексей и Андрей учились в одной и той же средней школе № 3 города Ногинск. Преподаватели хорошо помнят обоих братьев. Занимался Алексей, по воспоминаниям Аллы Николаевны, охотно, его в равной степени интересовали как гуманитарные предметы, так и математика, физика и все, что относилось к естествознанию.

Спустя годы, когда Алексей Пичугин окажется за решеткой по обвинению в организации убийств, его учительница Лидия Викторовна, встречая на улицах городка Аллу Николаевну и Андрея, будет вновь и вновь повторять, что то, что она слышит об Алексее из уст официальных лиц, не укладывается у нее в голове и совершенно не стыкуется с ее впечатлением об Алексее.

Алла Николаевна стремилась дать детям разностороннее воспитание. Кроме общеобразовательной, Алексей учился в музыкальной школе игре на аккордеоне, увлекался бальными танцами.

«Семейные праздники мы всегда отмечали вместе. Мой младший сын Андрей играл на гитаре, мы пели. Алексей прекрасно поет. Танцевали», – рассказала мне Алла Николаевна в одном из интервью для портала HRO.org – «Права человека в России»[1].

Позже, из переписки с Алексеем Пичугиным, я узнала, что он очень любит творчество Владимира Высоцкого.

Семья Алексея – верующая, исповедующая православие. Его

бабушка Ирина Ивановна, мама Аллы Николаевны, была человеком религиозным, посещала церковь и привила своей дочери, а потом и внукам православную культуру. Это не было, в отличие от тенденций наших дней, данью моде: на дворе стояли советские доперестроечные времена, когда за веру если уже и не часто преследовали, то и не жаловали.

Потом, в заключении, вера поможет Алексею Пичугину выжить, сохранить себя как личность.

«Алексею Владимировичу так держаться помогает Господь Бог», – поделился со мной впечатлениями бывший сокамерник Пичугина по «Матросской тишине» Александр Маркин[2].

В «Черном дельфине», колонии ФБУ ИК-6 города Соль-Илецк Оренбургской области[3], Алексей перечитает книги Александра Меня, Георгия Чистякова, Зои Крахмальниковой и других религиозных мыслителей, которые ему будут присылать сочувствующие.

При этом, насколько можно судить из переписки, в отношении Алексея Пичугина к религии нет ничего общего с фанатизмом и догматизмом. Вера для него – дело очень личное. Но, к примеру, обвинительный приговор бывшему директору Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова Юрию Самодурову и экзаведующему отделом новейших течений Третьяковской галереи Андрею Ерофееву, по версии суда, «разжигавших ненависть к христианству в целом и православию в частности» выставкой «Запретное искусство-2006», Алексей Пичугин не поддержал. При том что экспонировавшиеся там работы современных художников, с которыми Алексей ознакомился по публикациям в прессе, у него, мягко говоря, восторга не вызвали.

Речь идет об уголовном деле по факту проведения в Сахаровском центре в марте 2007 года выставки «Запретное искусство-2006». В соответствии с замыслом кураторов, Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева, на этой экспозиции были представлены художественные работы различных авторов, жанров и тематики, запрещенные в 2006 году к показу в российских учреждениях культуры без объявления законных на то оснований. Ее цель заключалась в исследовании проблемы внутримузейной цензуры. Таганский районный суд Москвы квалифицировал действия устроителей этой выставки как преступление, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 282 УК РФ – «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признаку религиозной принадлежности и с использованием служебного положения».

...Начало 2007 года, зима. Мы с Аллой Николаевной идем к

станции метро «Преображенская площадь» из СИЗО «Матросская тишина», куда только что отнесли для ее сына продуктовую передачу. Сумки всегда получаются тяжеленные, потому что продукты передаются с расчетом и на сокамерников. Алексей с ними всем делится. А Алла Николаевна ездит из Ногинска на электричке, поэтому я ей по мере возможностей помогаю. Передачи строго лимитируются по весу, по набору продуктов, причем в отношении последнего правила постоянно меняются. Подашь в окошко ненароком что-нибудь не то, в лучшем случае откажутся принять, а в худшем – сверток с «неправильным» содержимым полетит в твою сторону, сопровождаемый гневной отповедью.

Алла Николаевна предается воспоминаниям:

«По характеру Алексей всегда был мягким, добрым, открытым. В детстве, да и будучи взрослым, он никогда не обижался на мои замечания. А сколько Алеша бездомных кошек и собак домой приносил, ухаживал за ними! Однажды принес черного котенка, которому кто-то отрубил хвост. Он потом у нас долго жил. А в другой раз – собаку, дворняжку. Я ему: “Сынок, она же большой вырастет, а у нас так тесно!..” А он: “Мама, но мы ведь не можем ее бросить!” Пристроили на стройку, там за ней присматривали рабочие. Мы каждый день носили туда еду для Алешиного питомца».

Читатель-скептик наверняка заметит, что воспоминания матери всегда будут выдержаны в радужных тонах, каким бы ее ребенок ни был в действительности. Но вот впечатления совершенно постороннего человека – преподавателя из Петрозаводска Вадима Слуцкого, с которым у Алексея Пичугина, уже после того, как он оказался в «Черном дельфине», завязалась переписка:

«Его письма… поражают огромным интересом к жизни и к людям, искренностью – почти детской (что даже, на первый взгляд, странно для человека его профессии и опыта, притом, несомненно, сильного, твердого и мужественного), открытостью, какой-то удивительной чистотой души… Чаще всего в его письмах встречаются слова: “прекрасный”, “дорогие” и “спасибо”. Очень много восклицательных знаков»[4].

Алексей с детства хотел стать военным. В старших классах школы, чтобы поступить в военное училище, он начал заниматься спортом, к которому сохранил приверженность на всю жизнь, даже будучи в тюрьме.

Рассказывает сосед по «Матросской тишине» Александр Маркин:

«Алексей Владимирович занимался восточными

единоборствами и китайской гимнастикой. Рано утром, когда все еще спали, он делал растяжки и упражнения на концентрацию внимания и энергии. Другие, более подвижные, упражнения не позволяли выполнять размеры и обстановка камеры.

А в основном мы тренировались в прогулочном дворике с 8 часов утра. Всего 40 минут. Все еще зевали, а у Алексея Владимировича это была уже вторая тренировка. Он большую часть времени бегал, несмотря на маленькие размеры дворика. Затем выполнял упражнения из восточных единоборств. Я на полутора квадратных метрах занимался боксом, делал бой с тенью – это специальное боксерское упражнение. Двое остальных курили и смотрели на нас, как на сумасшедших.

В ИЗ-99/1 есть маленький спортзал. В нем две штанги, два станка, несколько гантелей и две шведские лестницы. Алексей Владимирович ходил на прогулку тренироваться в любую погоду. Когда было очень холодно, вертухаи [охранники] ныли и просили его вместо прогулки сходить в спортзал»[5].

По словам матери, один из любимейших фильмов Алексея Пичугина – «Офицеры» Владимира Рогового. И Алексей мечтал пойти по стопам любимых героев, для чего решил после школы поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

«Но я сказала: “Сынок, там огромный конкурс. Вдруг не поступишь?” И тогда он поехал поступать на учебу в Новосибирск. Позже я сильно скучала, даже жалела иногда, что сама так далеко его заслала», – признается Алла Николаевна.

В 1979 году Алексей Пичугин подал документы в Новосибирское высшее военное командное училище Министерства внутренних дел (НВВКУ).

«Пока шли вступительные экзамены, я жила в гостинице “Обь”, приехала туда вместе с другой родительницей. Нас поселили на раскладушках в коридоре – других мест не было. Алеша поступил, а ее мальчик нет. Потом, в годы учебы, на каникулах сын постоянно привозил к нам в гости своих друзей по училищу. В доме слышались звуки гитары, смех», – говорит Алла Николаевна.

«На выпуск я тоже приезжала. Было очень торжественно», – вспоминает она.

Армейскую службу Алексей Пичугин проходил в воинской части Министерства внутренних дел, куда его призвали после учебы. Военное училище Алексей закончил в 1983 году. В 1986 году он поступил на высшие курсы военной контрразведки (ВКВК КГБ СССР) в Новосибирске и после успешного завершения обучения перешел на работу в органы государственной

безопасности.

«Почему Алексей поступил в КГБ, в военную контрразведку?» – спрашиваю я Аллу Николаевну.

Спрашиваю с некоторым замиранием сердца, потому что для многих людей, особенно причисляющих себя к либералам, такой пункт в биографии – несмываемое пятно на репутации. Так, пару лет назад мне на глаза случайно попалась запись в «Живом журнале», автор которой сообщала о том, что какой-то знакомый прислал ей мою книгу «Третий суд Алексея Пичугина. Хроники “дела ЮКОСа”»[6], но читать ее она не будет, потому что Пичугин – чекист, и из этого ей про него все ясно.

Правда, после обмена со мной несколькими репликами автор записи передумала и решила, что в книгу она все-таки заглянет.

У Аллы Николаевны свой взгляд на вещи.

«Раньше ведь туда приглашали лучших людей, считалось, что это очень почетно. И он согласился и учился с удовольствием, окончил школу КГБ в Новосибирске, работал. У Алексея безупречная служба, столько наград! Он отдавал все силы служению Родине», – с гордостью говорит моя собеседница[7].

В числе этих наград, в частности, медаль «За безупречную службу», полученная Алексеем Пичугиным в 1989 году. В общей сложности он посвятил 15 лет своей жизни защите интересов страны в вооруженных силах и российских спецслужбах.

Все эти заслуги перед государством никак не повлияли на приговор суда. А в октябре 2006 года в ходе обыска на даче Алексея Пичугина в Голицыно наградные знаки отличия, полученные им во время службы, были изъяты вместе с некоторыми документами и зажигалкой в форме пистолета(!). Может быть,последнюю следователи сочли оружием «серийного убийцы»?

Рассказывает первая жена Алексея Пичугина Ирина:

«С Алексеем мы познакомились в городе Краснозаводск Московской области. Оба попали туда после учебы. Алексей – после окончания Новосибирского военного училища в 1983 году. В звании лейтенанта он получил должность взводного командира в войсковой части внутренних войск, дислоцирующейся в Краснозаводске.

Алексей оказался контактным, доброжелательным человеком. При этом он умел работать и с командирами, и с личным составом. Его очень уважали солдаты его взвода. Знаю об этом не с чьих-то слов, я сама работала в этой части. Алексей очень уважал свою профессию, было видно, что желание стать военным – это мечта с детства. Он сам гладил свою форму, сам пришивал

подворотнички.

Первый год все молодые лейтенанты чаще остальных офицеров заступают на службу на сутки в караул. В месяц у Алексея было шесть-семь суточных дежурств, а кроме того, обязательно – ночные проверки. В связи с этим вспоминаю один случай, как он пришел с ночной проверки с шишкой на лбу. Как оказалось, заснул на ходу и врезался в фонарный столб. Вот так уставал.

Через некоторое время на Алексея обратил внимание оперуполномоченный КГБ, в оперативном обслуживании которого находилась эта часть, и предложил ему направление на учебу в Новосибирск на высшие курсы военной контрразведки. Это было в 1986 году. Часть этого срока, пять из девяти месяцев, мы провели там всей семьей вместе с полуторагодовалым Андреем.

После окончания курсов Алексей получил направление на службу в органы КГБ СССР в Москву. В оперативное обслуживание ему дали три объекта: в Балашихе Московской области, в Мичуринске Тамбовской области и в Алексине Тульской области. И вот так по одной неделе на каждом объекте в таких отдаленных друг от друга местах ему удавалось работать, получая хорошие результаты.

Непосредственный руководитель Алексея приезжал на проверку в город Алексин, где мы жили в то время, и заходил к нам посмотреть, как мы устроились. Очень его хвалил, говорил, что с удовольствием читает его грамотные отчеты о проделанной работе.

Алексей гордился тем, что служил в органах КГБ СССР, ведь в то время отношение к этой организации было совершенно другое, чем теперь. Да, ее побаивались, зная о ее компетенции во многих вопросах, в том числе и в личных. Но хочу заметить, что тогдашний уровень профессионализма сотрудников КГБ заслуживал уважения, и осознание этого теперь, я считаю, приходит. Ведь и теракты готовятся не на пустом месте, и оружие из войсковых частей в наши дни перепродается спокойно. А в то время даже за патроны со стрельбищ отчитывались поштучно. Были, конечно, в органах и нечистоплотные люди, но их было ничтожно мало. Судя по моему опыту общения, основная масса сотрудников шла туда работать за идею, а не за “корочку”, с помощью которой можно открывать все двери».

Путч ГКЧП 19-21 августа 1991 года, видимо, стал немаловажной вехой для Алексея Пичугина. Во всяком случае, в письме ко мне от 2 сентября 2009 года в ответ на мой рассказ о том, как отмечали 18-летие этого события в Москве, он написал:

«Спасибо за воспоминания об августе 91-го... Да, 18 лет как не

бывало... Как-нибудь поделюсь с Вами воспоминаниями об этом периоде моей жизни...»

К сожалению, пока этого так и не произошло. Не произошло и в силу того, что формат обмена письмами не самый удобный для изложения воспоминаний, да и проблемы в жизни Алексея преобладают сейчас, увы, совсем иные.

Остается надеяться, что обещание будет выполнено в иной обстановке, более благоприятной для анализа событий августа 1991 года.

Быть может, Алексей из тех сотрудников спецслужб, для которых эти три драматичных дня стали поводом для переоценки каких-то ценностей, и именно это означали его слова?

Во всяком случае, именно это впечатление остается по прочтении письма. Но достоверно и подробно о том, что, где и как делал в это время Пичугин и чем те дни стали для него самого, мы можем узнать только из первых уст.

После августа начался процесс реорганизации спецслужб, и в июне 1994 года Алексей Пичугин уволился в запас в соответствии с приказом.

Причины были самые что ни на есть прозаичные. К поиску новой работы Алексея подтолкнуло, в частности, то, что зарплата была небольшой, а он к тому времени уже стал отцом двоих сыновей и, чтобы содержать семью, был вынужден в выходные дни подрабатывать в автосервисе, отрывая время от общения с родными.

Алексей Пичугин проработал в управлении военной контрразведки КГБ с 1987 по 1994 годы и уволился в звании майора.

В 1985 году у Алексея родился сын Андрей, в 1992-м Александр, а в 1997-м, во втором браке, – Сергей. Когда арестовали отца, Сереже не исполнилось и шести лет. Большая часть его жизни прошла вдали от отца, и сейчас мальчик знает папу скорее по письмам, нежели по собственным воспоминаниям.

В 2009 году Алексей стал дедушкой, внука Артема ему подарил старший сын Андрей.

Вспоминает Андрей:

«В силу своей занятости отец не очень много времени проводил со мной. Но если такая возможность выпадала, то я был очень рад. Очень любил ездить с ним в автосервис. У него друзья там работали, и иногда в выходной день мы туда ездили. Я мог посидеть в любой машине, полазить где-нибудь, поработать инструментами, поковыряться в старых запчастях. Для 9-10-летнего парня это было очень интересно. Эти поездки я очень

любил.

Еще мы ходили с ним в лес и на поле с озером. Это все располагается недалеко от нашего дома, и там очень красиво. Еще там рядом есть железная дорога, и я любил смотреть на поезда.

Вместе с отцом я ходил на карате. Занимались в одной группе какое-то время. Вообще, к спорту и автомобилям мне любовь привил отец».

«Были ли у вас с папой какие-нибудь еще совместные увлечения? Скажем, мне он писал, что любит музыку “Битлз”»...

«Нет, музыкой “Битлз” я не увлекаюсь. Но отец заразил меня любовью к творчеству “Машины времени”. А уже из этого пошло увлечение рок-музыкой и рок-культурой в целом, которое осталось у меня до сих пор. Увлекался я и коллекционированием моделей автомобилей. А отец в этом мне помогал».

«Доверительные ли у вас с папой были отношения? Бывало ли, что Вы именно с ним предпочитали посоветоваться, поговорить по душам, что называется, по-мужски?»

«Доверительные отношения были с обоими родителями. Просто по каким-то вопросам легче посоветоваться с мамой, по каким-то – с папой. А по-мужски... Родители развелись, когда мне было двенадцать. Тогда я не дорос еще до мужских разговоров. Позже, когда я стал учиться в старших классах, в университете, при встрече мы с отцом всегда разговаривали не только как отец и сын, но и как мужчины».

О дружбе с отцом, о влиянии, которое оказывал Алексей на подрастающих сыновей, о запавших в память ярких моментах детства – совместных походах на озеро, знакомстве с автомобилем, о любви отца к пению – вспоминает и средний сын Алексея Пичугина Александр:

«Помню, как мы все вместе ездили на озеро, где отец учил меня плавать. Он хотел, чтобы мы занимались спортом и были здоровы, привозил нам фрукты. Каждый день после школы я ему обязательно звонил, говорил, что у меня все хорошо и что я дома.

Я очень хорошо запомнил, как отец красиво поет. Они часто пели вместе с дядей, когда мы приезжали к родственникам.

Еще помню, как папа разрешил мне сесть за руль машины самостоятельно. Он сказал: “Теперь ты отвечаешь за машину, смотри”. Я не мог себе позволить съехать в кювет или врезаться в дерево, мне приходилось ехать так, как надо.

Помню нашу поездку на Останкинскую телебашню, которую я очень любил в детстве и мечтал на ней побывать.

Отец всегда старался проводить побольше времени со мной и моим старшим братом Андреем, а мы ждали его с нетерпением.

Мне всегда было интересно с ним.

Вообще, мои воспоминания об отце исключительно добрые. Он меня многому научил, давал мне много советов, которые я держу в уме и сейчас. Он запомнился мне добрым, отзывчивым и надежным человеком. Я ему благодарен за все, что он для меня сделал и делает до сих пор. Мы все его очень ждем и любим».

Когда Алексея Пичугина посадили в тюрьму, ни один из его сыновей не отвернулся от отца.

«Они знают своего папу как доброго, умного, заботливого и порядочного человека… Они очень любят его, тяжело переживают разлуку с ним, но верят в справедливый пересмотр приговора и возвращение папы к ним…» – рассказала мне Алла Николаевна в интервью, приуроченном к шестилетию со дня ареста Алексея Пичугина. (В надежде на перемены // HRO.org. – 2009. – 19 июня)

С каждым из сыновей Алексей ведет индивидуальную переписку. Старшие, Андрей и Александр, к тому же, ездят к отцу на свидания. Алексея Пичугина волнует все, что происходит в их жизни, и на встречах с адвокатами и родственниками разговор идет в основном об этом.

Рассказывают племянницы Алексея Пичугина – дочери его брата Андрея – старшая Елена и младшая Ирина.

Елена:

«Самые яркие воспоминания, конечно же, связаны с детством, когда дядя со своей семьей и мои родители жили вместе. С тех времен и до сих пор он называет меня очень ласково – племяшкой и Аленушкой. Сколько его помню, дядя всегда старался поучаствовать в наших с братьями играх и баловстве, часто таскал нас на себе, рассказывал нам увлекательные истории. Очень любил возиться с кошкой, бывать на даче, жарить там шашлыки… Иногда играл в шахматы. В праздники, когда собиралась вся семья, он всегда пел песни, танцевал, смеялся, любил подурачиться с папой.

Уже в более взрослом возрасте я, к сожалению, видела дядю реже, но мы всегда тепло общались и ждали его приезда, как праздника. Самое любимое наше общее дело, пожалуй, было выбираться на природу, ездить купаться на озеро.

Вот таким он мне и запомнился – всегда улыбающимся, жизнерадостным, открытым, теплым, любящим свою семью, душевным человеком.

Сейчас дядя постоянно ждет от нас писем и интересуется каждым событием в нашей жизни. Как-то раз, после одной из моих поездок, я получила его письмо.

Мой ответ шел очень долго. Дядя его не дождался и написал второе письмо, в котором узнавал, все ли у нас хорошо,

расспрашивал о впечатлениях от поездки, о том, что у нас произошло за последние дни.

Я пишу ему абсолютно обо всем, очень часто письма получаются на пять листов. Рассказываю о семье, о проказах домашних животных, о встречах, событиях, своих переживаниях, мыслях. Дядя меня поддерживает, делится своим жизненным опытом и взглядом на ситуации, рассказывает о прочитанных книгах.

Часто обсуждаем, как поедем вместе с ним в какие-нибудь новые места».

Ирина:

«В детстве я, наверное, не особенно задумывалась о характере дяди, о его стремлениях и интересах. Для меня было важнее скорее то, какое место он занимает в моем мире. Тогда я знала, что это – мой дядя, он член моей семьи, я не стремилась понять, что это за человек. Но атмосфера запомнилась мне очень хорошо. Я любила, когда он приезжал к нам – каждый раз у меня возникало чувство какой-то необъяснимой радости, задора. Именно с этим у меня ассоциируется дядя. Он невольно стал для меня воплощением лучшего для нашей семьи времени – мирного, веселого, доброго. Больше всего в дяде мне помнится его улыбка, его смех и искорка в глазах, от которых самой хочется улыбаться.

Теперь, когда мы с ним ведем переписку, мы лучше узнаем друг друга. Мне дорого осознание того, что я могу не только поделиться с дядей новостями, но и рассказать ему о своих впечатлениях, размышлениях. Он всегда этим интересуется, всегда задает вопросы, передает приветы родным. Я часто рассказываю о музыке, литературе, о новинках в киноискусстве и с удивлением обнаруживаю, что дяде нравятся зачастую те же вещи, что и мне. Часто он пересылает мне книги, так, например, я узнала о журнале “Эльф” Вадима Слуцкого, который стал мне очень близок и интересен. И это очень здорово. Все это сближает нас, а значит, делает сильнее».

Особо занимающий меня вопрос – отношение Алексея Пичугина к донскому казачеству. Мне доводилось слышать от посторонних ему людей, будто предки этой семьи происходили из данного войска, однако такую версию не подтвердила Алла Николаевна.

«Нет, просто Алексей очень проникся культурой донских казаков. И поэтому сам иногда называл себя казаком».

Служба в армии как долг перед Родиной, большие крепкие семьи, приверженность православию, регулярное посещение церковных служб, соблюдение обрядов – эти традиционные ценности донского казачества, перекликающиеся с кодексом

русской офицерской чести, Алексею близки и занимают важное место в его жизни.

«История казачества – любимая тема»... «Для меня Дон – не просто река», – будет писать мне Алексей Пичугин из «Черного дельфина». Он мечтает вновь увидеть Дон – великую русскую реку. Перечитывает биографии Ермака, Степана Разина, Ивана Краснощекова, Матвея Платова, Якова Бакланова и других прославившихся донских казаков.

Кроме интереса к истории жизни казачества и спорту у Алексея Пичугина много других увлечений. Например, японистика, творчество группы «Битлз», горы. А вот к охоте и рыбалке он, по словам близких, равнодушен.

«Как Алексей воспринял приход к власти Владимира Путина в 1999 году?» – интересуюсь я у Аллы Николаевны.

«Положительно, – отвечает она. – Алексей надеялся, что профессиональный работник спецслужб сможет победить коррупцию и другие виды преступности, процветавшей в 90-е годы».

Впоследствии по злой иронии судьбы именно Владимир Путин, в этом сходятся во мнениях множество экспертов, инициирует так называемое «дело ЮКОСа», которое начнется с ареста Алексея Пичугина. И Путин же с упорством, достойным лучшего применения, будет вновь и вновь называть Пичугина убийцей, а Михаила Ходорковского сравнивать то с аферистом Бернардом Мэдоффом, то с гангстером времен «сухого закона» в США Аль Капоне. Наиболее активно он станет это повторять не когда-нибудь, а именно во время второго судебного процесса по делу экс-главы ЮКОСа в Хамовническом суде Москвы. А также тогда, когда судья Виктор Данилкин уже будет находиться в совещательной комнате.

Сам Алексей Пичугин, за годы заключения утративший былые иллюзии, едва ли будет интересовать Владимира Путина. Но его дело будет использоваться Путиным для очернения Михаила Ходорковского в глазах недостаточно осведомленной и впечатлительной публики.

«Мама, я за всех молюсь – и за друзей, и за считающих меня врагом», – признался Алексей Алле Николаевне на одном из свиданий в «Черном дельфине».

«Как? И за тех, кто на тебя клевещет, молишься?» – удивилась она.

«Конечно. Я молюсь о том, чтобы Господь вразумил их».

Под знаком ЮКОСа

«После увольнения из ФСБ, – вспоминает Алла Николаевна, – сыну как ценному специалисту сразу стало поступать очень много предложений о работе».

«Почему из всех этих предложений он выбрал именно МЕНАТЕП и ЮКОС?» – спрашиваю ее я.

«Там люди все были порядочные, хорошие люди, умные»[8].

В 1994 году Алексей Пичугин устроился в службу безопасности банка «МЕНАТЕП». Спустя четыре года, в 1998-м, после приобретения банком «МЕНАТЕП» нефтяной компании «ЮКОС», он перешел в НК «ЮКОС» и возглавил в ней отдел внутренней экономической безопасности в составе службы безопасности. На этой должности Алексей Пичугин заработал репутацию настоящего профессионала, требовательного, но справедливого руководителя.

Чем Алексей Пичугин занимался в службе безопасности ЮКОСа, вокруг которой порождено столько мифов? Я пытаюсь выяснить это у его бывших коллег по банку «МЕНАТЕП» и ЮКОСу.

Познакомившись в Хамовническом суде Москвы на судебном процессе по второму уголовному делу Михаила Ходорковского и Платона Лебедева с инженером по телекоммуникациям Константином Шабельницким, я поинтересовалась его мнением относительно работы в ЮКОСе бывших сотрудников КГБ, в том числе Алексея Пичугина.

«В то время, когда я с Алексеем познакомился, в девяностые годы, мы знали, что такое силовые органы правопорядка, где он раньше служил. В большинстве своем там была занята самая интеллектуальная часть общества. В банке “МЕНАТЕП”, в котором мне посчастливилось работать, Алексей был одним из тех людей, которые произвели на меня чрезвычайно благоприятное впечатление», – отвечает Константин Шабельницкий[9].

Он рассказывает мне историю своего знакомства с Алексеем Пичугиным:

«После Красногорского механического завода – я считаю, одного из лучших в Советском Союзе – я пришел в МЕНАТЕП. Михаил Борисович Ходорковский поручил мне очень важные дела, связанные с телекоммуникациями. Я уже отработал года два, почувствовал себя таким “монстром”, уже кое-что сделавшим, вероятно, уважаемым где-то человеком. Когда меня познакомили с Алексеем Пичугиным, я ему сказал: “Алексей, я сейчас разговаривать с Вами не могу, приходите ко мне ровно во сколько-то, допустим, в шесть вечера”. Он опоздал на несколько

минут, а я, человек горячий, высказал ему за это. Я это помню не по своей памяти, мне Алексей это напомнил в одну из наших встреч. Алексей воспринял это нормально, не обиделся, и, несмотря на этот эпизод, у нас сложились хорошие отношения.

Почему я работал со службой безопасности? Мы занимались вопросами материальной части, то есть связанными с охранно-пожарной сигнализацией, телевизионным наблюдением, системой доступа, ремонтом копировальной, множительной техники, счетно-денежных машин и так далее. И приходилось ремонтировать, разумеется, обычную оргтехнику. Поэтому я знал очень многих своих коллег из управления безопасности. И вот, с Алексеем познакомились, и я был приятно удивлен его интеллигентностью, мягкостью, ироничностью. В общем, глубоко порядочный, потрясающий, изумительный человек.

И в этом, я думаю, что не ошибся. Мы с ним встречались нечасто, мы в разных совершенно плоскостях были. Но когда встречались – на праздниках МЕНАТЕПа, на праздниках ЮКОСа – мы всегда обнимались по-доброму, и всегда было, о чем нам поговорить»[10].

Расспрашиваю Константина Шабельницкого об отделе экономической безопасности, который возглавлял Алексей Пичугин.

«Я не знаю всех функций отдела. Понятно, что их задачей было исключить поползновения на какой-то криминал, на воровство в том числе. Все структуры у Ходорковского работали, как часы. Каждый делал свою работу, и мы все знали, что работа каждого заслуживает уважения.

Конечно, все, что мы покупали (а Михаил Борисович очень много денег тратил на оснащение, и все в банке было по первому слову, по лучшему слову, очень качественное), нужно было проверять. Мы все всегда визировали все требующиеся документы, платежи в управлении безопасности. Если у них были вопросы, то на эти вопросы мы просто старались отвечать»[11].

Руководителем службы безопасности ЮКОСа являлся Михаил Иосифович Шестопалов, по словам Константина Шабельницкого, «человек чрезвычайно компетентный и жесткий, в нормальном смысле этого слова».

Кстати, когда начнется «дело ЮКОСа», подавляющее большинство СМИ будут называть Алексея Пичугина «начальником службы безопасности», абсолютно забывая о том, что Алексей возглавлял лишь отдел в ней. Будет ли это делаться лишь по небрежности или же с чьей-то умышленной подачи – можно только предполагать.

Несколько вопросов я задала и непосредственно Михаилу

Шестопалову.

Как рассказал Михаил Иосифович, он состоял в должности первого вице-президента НК «ЮКОС» и курировал, кроме службы безопасности[12], центр пожарной безопасности и аварийно-спасательных работ (в том числе его региональные центры и базы), а также центр экологической безопасности (и его экологические структуры на местах).

Важность всех этих служб для нефтяной компании с большим числом взрыво- и пожароопасных объектов в комментариях не нуждается.

В ответ на мой вопрос «Мог ли Алексей Пичугин без Вашего ведома, напрямую, получать распоряжения Леонида Борисовича Невзлина?» Михаил Шестопалов заметил:

«В Вашем вопросе, на мой взгляд, крайне неверная посылка. Попытаюсь объяснить. За 10 лет работы службы безопасности банка “МЕНАТЕП”, а затем НК “ЮКОС” это единственный случай привлечения ее сотрудника к уголовной ответственности. Надеюсь, понятно, что инкриминируемые Алексею преступления не имеют никакого отношения как к нему самому, так и к службе безопасности.

Функции службы безопасности как банка, так и нефтяной компании были четко прописаны в соответствующем уставе, регламентах и должностных обязанностях каждого сотрудника. Такие же инструкции были утверждены по каждому руководителю компании. Смею Вас заверить, что ни в одном документе не было прописано кому-либо совершать преступления, а какому-то руководителю предоставлено право отдавать преступные приказы. Это изначальная глупость, нужная понятно кому и служащая единственной цели – “притянуть за уши” к этому сфальсифицированному уголовному делу руководителей компании.

Проблема “кто кому мог или не мог давать указание” – абсолютно надуманная. Уже всем ясно зачем, почему и кем было организованно это дело. Думаю, эти люди в дополнительных комментариях не нуждаются».

«Решали ли Вы кадровый вопрос о приеме Алексея Пичугина на работу в службу безопасности? Если да, то какие его характеристики приняли во внимание? Имел ли для Вас значение тот факт, что Алексей Пичугин ранее работал в КГБ?» – также спросила я.

«Кадровые и оргштатные вопросы по перечисленным службам, в пределах утвержденных смет расходов и структур, решались мною самостоятельно, в том числе издание приказов о

назначении их сотрудников и руководителей. Это было предусмотрено соответствующими регламентами компании.

На эти должности назначались, главным образом, офицеры и генералы запаса профильных организаций (министерство обороны, МВД, КГБ-ФСБ), имеющие соответствующее образование и значительный опыт работы.

В подразделения внутренней и экономической безопасности сначала банка “МЕНАТЕП”, а затем НК “ЮКОС” (и его организаций на местах) назначались, как правило, бывшие сотрудники ОБЭП (ОБХСС) МВД, а также особых отделов КГБ-ФСБ, так как они имели опыт работы с трудовыми коллективами, руководителями хозяйственных структур, в том числе на территории военных городков, и гражданским персоналом.

Именно таким офицером запаса являлся Пичугин.

За время работы Алексей зарекомендовал себя с исключительно положительной стороны. Неоднократно поощрялся и награждался в соответствии с теми нормативными актами, которые имелись в компании и в службе.

Отношения в коллективе у него были ровные, он был требовательным руководителем, в то же время правильно строил отношения с руководителями подразделений в обслуживающих структурах компании».

«Какие функции выполнял отдел экономической безопасности, который возглавлял Алексей Пичугин?»

«Функции отделов были четко регламентированы в соответствующих должностных инструкциях и регламентах. В частности, он отвечал за проведение различных проверок и внутренних расследований, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью и выявлением различных злоупотреблений в процессе этой деятельности, получение и последующую реализацию различных материалов во взаимодействии и при активном участии соответствующих оперативных аппаратов МВД и ФСБ (по линиям работы). Делал это он весьма успешно».

«Что Вы можете ответить на довольно распространенные рассуждения о “лихих девяностых”, о том, что, мол, в те времена никак не могло обходиться без внеправовых методов ведения бизнеса?»

«Службы безопасности банка “МЕНАТЕП” и НК “ЮКОС” прошли эти годы без потерь. Мы обеспечили выполнение возложенных на них задач.

Не имели никаких конфликтов с правоохранительными органами. Это действительно были сложные времена, но жизнь

показала, что при правильной организации работы можно было все делать в правовом поле».

Об отношениях Алексея Пичугина с Леонидом Невзлиным я говорила и с самим бывшим вице-президентом ЮКОСа, с которым познакомилась лично в ноябре 2008 года в Израиле, когда писала книгу о заочном суде над ним[13].

Мы встречались в Герцлии, где у Леонида Невзлина дом (кстати, совершенно не похожий на помпезные дворцы российских миллионеров, а напротив, значительно более скромный, чем может себе позволить человек с его капиталом). Хотя к тому времени у меня за плечами был многолетний журналистский опыт, перед интервью я нервничала, опасалась официоза и в результате минимума информативности. Подготовленные заранее вопросы должны были послужить своеобразной страховкой от односложных ответов и моей растерянности.

Однако волнение как рукой сняло, как только мы увиделись. Передо мной был потрясающе интересный человек, ни в малейшей степени не склонный демонстрировать свой статус, не вписывающийся в обывательские рамки представлений о преуспевающих людях и не имеющий абсолютно ничего общего с тем его образом, который навязывают аудитории отечественные официальные СМИ.

«На Вашем судебном процессе рядом с фамилией Невзлин постоянно звучала фамилия Пичугин. Вы говорили, что не были знакомы с Пичугиным и даже сожалеете о том, что не знали такого хорошего человека. Но в материалах Вашего дела есть видеокассета с фильмом об этой поездке [высокопоставленных сотрудников ЮКОСа на Кавказ], и на пленке, помимо прочих людей, запечатлены и Вы, и Алексей Пичугин. Некоторые усматривают в этом противоречие. Как Вы его объясните?» – спросила я о том, о чем меня саму очень часто спрашивают читатели.

«Малознаком. И теперь сожалею о том, что не смог построить с ним отношения, потому что, возможно, я потерял хорошего потенциального друга.

А по поводу этой поездки… Мы не занимались организацией поездки и уже на месте узнали, кого Шестопалов взял в сопровождение. Шестопалов, начальник службы безопасности, отдыхал вместе с нами, поэтому за безопасность он поставил отвечать своего подчиненного Пичугина. Вот на таком уровне мы сталкивались. И на кассете видно, что у нас с Пичугиным не было ни одного случая близкого общения…

…Я помню, тогда задал единственный вопрос Леше. Я увидел

его в первый раз не в форме – такой расстегнутый, а на груди у него был крест, и я его спросил: “Ты, оказывается, религиозен?” Он ответил: «Да, я православный». Вот это, по-моему, вообще единственное, что мы с ним тогда обсудили.

Я искренне сожалею, но система была выстроена так, что даже в период работы в ЮКОСе мои отношения по статусу строились с начальником службы безопасности, и прямое общение с его подчиненными без его участия и ведома было невозможно. Когда Шестопалов хотел, чтобы вышестоящие руководители – Ходорковский, я или еще кто-то – могли услышать доклад, что называется, из первых уст, он приглашал соответствующего человека на общую встречу. И с Алексеем у нас, может быть, были один-два таких рабочих эпизода.

Вообще, трудно себе представить, чтобы у нас были какие-то личные отношения. Да, люди работают долго вместе, но дистанция в такой огромной компании между руководством, акционерами и ответственными исполнителями огромная. Ничего не поделаешь – закон жанра».

История о том, как видео о полуделовой-полуразвлекательной поездке топ-менеджеров ЮКОСа в Кавказский государственный биосферный заповедник стало «уликой» против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина, на мой взгляд, показательна. Она дает возможность понять, на какого рода доказательствах строятся обвинения представителей опальной нефтяной компании в совершении тяжких преступлений.

Предложение о такой поездке поступило со стороны структур ЮКОСа, расположенных в том регионе. План поездки с описанием предлагаемых маршрутов, мест проживания, требуемой техники и тому подобного поступил руководству компании за несколько месяцев до самой поездки. В соответствии с существовавшим порядком он был передан на согласование в управление безопасности.

С учетом особенностей кавказского региона и оперативной обстановки в то время была создана передовая группа, в которую вошли сотрудники управления безопасности и местного филиала, представители местного управления МЧС и других подобных структур. Передовая группа прошла предварительно все маршруты, внесла коррективы как в план самой поездки, так и в план обеспечения ее безопасности, согласовав маршруты передвижения, места базирования. Были определены потребности в средствах связи, количестве и системе охраны, медицинского обеспечения и прочего.

С учетом военной подготовки Пичугина, а также принимая во

внимание то, что среди организующей стороны были однокурсники Алексея по военному училищу, он был включен в состав передовой группы, а затем и в качестве координатора служб охраны и безопасности при основной поездке.

Никакого значения его личные отношения с руководством компании и управления безопасности не имели. Это была просто обычная работа службы безопасности, которая, как это и бывает, осталась «за кадром» для большинства участников поездки.

...Лето 2002 года. Компания Михаила Ходорковского – один из лидеров мирового энергетического рынка с капитализацией в 40 миллиардов долларов США. До начала «дела ЮКОСа» остается ровно год.

Камера телеоператора запечатлела подъем в гору, прогулку на лошадях, сплав по горной реке... Видеоряд дополняется музыкой из популярных советских кинофильмов, шутливыми врезками. «Живое», по-домашнему теплое кино...

Михаила Ходорковского, Леонида Невзлина, Платона Лебедева, Василия Шахновского, Владимира Дубова, Михаила Шестопалова, Алексея Голубовича (которого пригласили «по дружбе» – в ЮКОСе он к тому времени уже не работал) и других руководителей нефтяной компании сопровождает Алексей Пичугин. Он отвечает за организацию работы охраны.

«Хорошее было время, красивые места, интересная и увлекательная поездка. Это не забывается... А фильм получился неплохо, с юмором и яркими моментами», – написал Алексей мне в одном из писем. Потом этот фильм будет изъят следователями при обысках и назван «уликой» прокуратуры. Алексей Голубович пойдет на сотрудничество со следствием и в итоге избежит ареста. Он поселится за границей и будет приезжать оттуда в Россию, чтобы свидетельствовать против своих бывших партнеров в судах.

Выступая в качестве свидетеля обвинения на третьем судебном процессе по делу Алексея Пичугина 18 мая 2007 года, Алексей Голубович заявил, что во время поездки на Кавказ «Невзлин и Пичугин общались как человек с человеком, а не как начальник с подчиненным».

Между тем, на видео, которое мне довелось внимательно посмотреть лично, этого самого «общения» почему-то совсем не видно. Неужели оно целиком осталось за кадром?

Как бы то ни было, само по себе «доказательство» наличия «преступной» связи – умение общаться с нижестоящим сотрудником, никак не подчеркивая разницу в «табели о рангах», – вызывает удивление. Неужели со своими подчиненными

Алексей Голубович разговаривает не как с людьми?

В еще большее удивление меня поверг протокол судебного заседания по делу Леонида Невзлина 28 мая 2008 года, на котором шла речь все о той же поездке, когда я его сравнила с аудиозаписью, сделанной стороной защиты, и с собственным репортажем.

В тот день допрашивали Сергея Шевелева – директора Кавказского государственного биосферного заповедника.

Аудиозапись и репортаж зафиксировали диалоги участников судебного процесса.

Прокурор Александр Кубляков (обращаясь к Сергею Шевелеву): «В вашем присутствии как Пичугин общался с руководством НК "ЮКОС" – на равных или придерживался в стороне?»

Сергей Шевелев: «Нет, не на равных. На равных были Лебедев, Шахновский, Невзлин и Ходорковский. Пичугин мог сказать "уберите здесь, подгоните машину туда-то" и прочее».

Адвокат Дмитрий Харитонов: «Он [Пичугин] организовывал все для них?»

Сергей Шевелев: «Да, то есть он говорил, куда едем и так далее, организовывал как бы отдых».

Между тем судебный протокол этот диалог передает иначе.

Александр Кубляков: «В вашем присутствии как Пичугин общался с руководством НК "ЮКОС" – на равных или придерживался в стороне?»

Сергей Шевелев: «На равных, Лебедев, Шахновский и Ходорковский с Невзлиным общались на равных, но Пичугин от них все говорил нам, что им нужно, я видел, что он на равных общается с Невзлиным и Ходорковским».

Дмитрий Харитонов: «Он организовывал все для них?»

Сергей Шевелев: «Да, и с ними был постоянно».

О том, что директор заповедника сказал «НЕ на равных», я готова свидетельствовать перед судом.

Интересно также сравнить полную версию фильма с той, которая демонстрировалась в одной из тенденциозных передач федерального телевидения об «убийцах» из ЮКОСа. Из почти часового сюжета ТВ отобрало минутный и единственный эпизод, в котором Алексей Пичугин и Леонид Невзлин стреляют. Мол, посмотрите, какие они кровожадные!

Вот только о том, что это был «салют» в честь долгого и трудного достижения горной вершины, телевидение предпочло умолчать.

Иногда я не могу отделаться от безумного предположения: если бы в числе стрелявших тогда оказались другие участники

поездки, то не был бы другим и выбор объектов преследования?

Алла Николаевна рассказывает, что ее сын – очень отзывчивый человек, и когда он поступил на работу в ЮКОС, начал регулярно получать от самых разных людей просьбы о помощи в трудоустройстве. Алексей Пичугин старался никому не отказывать, пытался сделать все, что от него зависит.

«Дверь в его кабинет никогда не закрывалась! Куда после ареста Алеши все эти просители подевались?» – восклицает Алла Николаевна.

Среди таких просителей оказался и тамбовский бизнесмен Сергей Горин.

Этого человека в Тамбове знали многие. В конце 1993 года он создал денежную «пирамиду», состоявшую из акционерного общества открытого типа «Инвестиционный фонд “Алгоритм”» и ЗАО «Алгоритм». В 1997 году «пирамида» рухнула и погребла под своими обломками примерно 200 миллионов долларов, вложенных в структуру Горина едва ли не половиной жителей Тамбова.

Против «пирамидостроителя» возбудили уголовное дело, и некоторое время Сергей Горин скрывался, опасаясь не только тюрьмы, но и обманутых вкладчиков. Но в итоге наказания ему удалось избежать, произошло это, по одной из версий СМИ, благодаря его связям в правоохранительных структурах и администрации города.

Этими связями Горин, по словам очевидцев, любил бравировать. К примеру, его знакомый Юрий Рогачев на предварительном следствии и суде по делу Алексея Пичугина рассказывал, что Горин говорил о своих личных отношениях с губернатором Тамбовской области Олегом Бетиным и, якобы, даже с Михаилом Ходорковским. По словам Рогачева, «если человек не знал Горина, то у него могло сложиться впечатление, что он решал все через Москву, но это было не так».

Между тем МЕНАТЕП открыл в Тамбове сначала свое представительство, а затем, когда осенью 1996 года оно было ликвидировано, началось создание филиала. На руководящую должность банку требовался кто-нибудь из местных, и кандидатура Сергея Горина сначала показалась подходящей. Устроил в МЕНАТЕП Сергей Горин и свою жену Ольгу.

Алексей Пичугин по долгу службы не раз ездил в Тамбов и встречался с Гориным.

Однако потом аудиторская проверка выявила в тамбовском МЕНАТЕПе хищения. Портила картину и громкая история с «Алгоритмом». В результате филиал банка в Тамбове Горин так и не возглавил. Его уволили в январе 1997 года, но дело о

хищениях, видимо, замяли.

Несмотря на эти неприятности, у Алексея Пичугина с Сергеем Гориным сложились дружеские отношения. В 1998 году Алексей во второй раз женился и пригласил чету Гориных на свадьбу. А в 2000 году Пичугин стал крестным третьего сына Горина, названного в честь него Алексеем.

Я не раз задавалась вопросом, что соединяло Алексея с Сергеем Гориным – человеком, скажем так, неоднозначной репутации. Вероятно, изначально он со своими разнообразными знакомствами (в том числе в криминальной среде) оказался для Пичугина, как сотрудника службы безопасности МЕНАТЕПа, полезным источником информации о ситуации в Тамбове.

Впоследствии у Алексея могла возникнуть и чисто человеческая привязанность к этой семье.

Со стороны Сергея Горина дружба, возможно, была не без расчета. Горин просил Алексея Пичугина снова устроить его и Ольгу в МЕНАТЕП либо ЮКОС.

В конце концов, Алексей Пичугин нашел для Сергея Горина место на одной из автозаправок Ростовской области. 21 ноября 2002 года Алексей ждал приятеля в Москве, куда тот должен был приехать для оформления документов.

Но не приехал.

Алексей Пичугин, не дождавшись Сергея Горина, позвонил ему домой. Телефонную трубку сняла мать Ольги Гориной Галина Дедова и рассказала ему о том, что ее дочь и зятя похитили.

Журналист Валерий Ширяев в своей книге «Суд мести» приводит слова водителя Алексея Пичугина Славы:

«Вы бы видели его лицо, когда он снял трубку и услышал, что Горины похищены! Мы сидели у него в кабинете и ждали, что приедет Горин. А Горина все нет и нет. Тут Пичугин снял трубку и позвонил в Тамбов. Видели бы вы его лицо! Это невозможно подделать! Да и не был он никогда актером: что на душе, то на лице всегда. Он был в самом настоящем шоке, сидел с открытым ртом, потрясенный и сказать ничего не мог»[14].

Алла Николаевна тоже рассказывала мне, что исчезновение друзей ее сын переживал очень тяжело. Оказывал всяческую поддержку Галине Дедовой. По сведениям Валерия Ширяева, заходила речь даже об усыновлении двухлетнего Алеши – крестника Алексея Пичугина.

...Горины жили в особняке в поселке Радужный под Тамбовом. Вечером 20 ноября 2002 года дети – четырнадцатилетний Дима Измайлов, сын Ольги Гориной от первого брака, пятнадцатилетняя Оля и Алеша – были дома одни.

Вдруг послышался дверной звонок. Когда Дима выглянул посмотреть, кто пришел, в дом ворвались несколько вооруженных людей в масках. Один из нападавших ударил его рукояткой пистолета по голове. Впоследствии, на суде над Алексеем Пичугиным, мальчик будет говорить, будто запомнил, что у этого бандита красное лицо и рыжие брови. Правда, неясно, как ребенок смог их разглядеть, если на преступнике была надета маска. Потом детей закрыли в ванной комнате. Дверь заперли и заблокировали снаружи комодом.

Ребята слышали, как бандиты называли клички: Кабан, Бык, Собака. Валерий Ширяев в своем расследовании[15] утверждает, что в то время в Тамбове орудовала группировка некоего Свина, и похищение Гориных очень похоже «по почерку» на преступления этой банды. Она занималась грабежами, похищениями и убийствами.

Вернулись родители. Ольга Горина попросила кого-то: «Включите хотя бы свет в ванной – им же темно...» И им зажгли свет.

Что произошло потом, дети не знают.

Около 4 часов утра пришел друг семьи Олег Смирнов, который должен был везти Сергея Горина в Москву. Как рассказывал Смирнов на судебном заседании по делу Алексея Пичугина 16 мая 2007 года, никто не открыл ему дверь, и с 4 до 8 утра он звонил Гориным на стационарный и мобильный телефоны, нажимал на клаксон автомобиля, окликал их, также лаяли собаки Горина в вольере, но никто из людей не показывался. Проникнуть внутрь двора и дома Смирнов не пытался.

Только в 8 утра, когда пришла няня Алеши, Смирнов перелез через запертую калитку и вошел в дом. В ванной комнате он обнаружил детей.

А Сергей и Ольга Горины исчезли.

Вместе со старшим мальчиком Смирнов обошел и внимательно осмотрел весь дом и хозяйственные постройки. Супругов Гориных не нашли – ни живых, ни мертвых. Собаки оказались запертыми в вольере, что было странным: обычно Горины, уходя, а также на ночь оставляли их бегать по двору.

Как будто накануне вечером приходил кто-то знакомый...

Странным мне кажется и поведение Олега Смирнова. Он утверждал, будто до появления няни не заходил в дом Гориных, поскольку боялся побеспокоить хозяев. Только звонил. Между тем у Гориных – маленький сын Алеша. От поднятого Смирновым шума – звонки по телефонам, автомобильные гудки, лай

потревоженных собак – он наверняка проснулся и расплакался. Но мама с папой почему-то не реагируют. А Смирнова это ничуть не тревожит. Он упорно ждет няню.

К тому же, что это за друг семьи такой, который вместо того, чтобы хватать в охапку ребенка с черепно-мозговой травмой от удара прикладом и мчаться в больницу, водит его повсюду, осматривается?

Может, Смирнов зачем-то хотел войти в дом обязательно со свидетелем?

Что он проверял в доме и во дворе, невзирая на то, что рядом – ребенок, нуждающийся в медицинской помощи?

Галина Дедова на судебном заседании по делу Леонида Невзлина 7 апреля 2008 года не скрывала своих подозрений о причастности Смирнова к преступлению в отношении ее дочери и зятя. Она, будучи в этом судебном процессе потерпевшей, спрашивала Смирнова – свидетеля обвинения, чего он так долго ждал у дома Гориных в день их исчезновения и не заходил внутрь, почему не сразу вызвал милицию, когда нашел детей, зачем шантажировал ее зятя и требовал от него пять тысяч долларов. При этом Дедова называла Смирнова «подлецом».

А вот об Алексее Пичугине Галина Дедова отзывалась как о «настоящем мужике» и говорила, что уважает его. Не правда ли, необычно, если принять во внимание, что к тому времени бывший сотрудник ЮКОСа уже давно был осужден как организатор убийства ее дочери?

О том, что у Ольги Гориной были плохие отношения со Смирновым, Галина Дедова утверждала и на судебном заседании по делу Алексея Пичугина 8 июня 2008 года.

Кстати, «послужной список» у Олега Смирнова тоже примечательный. Он работал в милиции, после увольнения оттуда в 2000 году – в Управлении исполнения наказаний города Тамбова. В августе 2002 года Тамбовский областной суд приговорил Олега Смирнова к условному лишению свободы сроком на 7 лет за организацию преступного сообщества, превышение должностных полномочий и кражу. Потом Смирнов, видимо, «проштрафился», и условный срок заменили на реальный.

На суд по делу Алексея Пичугина, где Смирнов свидетельствовал против него, ссылаясь на некие разговоры с исчезнувшим Гориным, бывшего милиционера привозили под конвоем и в наручниках. На процесс по делу Леонида Невзлина, где Смирнов тоже выступал свидетелем обвинения, он пришел уже сам: освободили условно-досрочно.

Интересно, за какие заслуги?

Но вернемся к исчезновению Гориных.

Пятнадцатилетнюю Олю Горину (дочь Сергея Горина от предыдущего брака, в данном случае совпадение имен и фамилий жены и дочери – просто случайность) Олег Смирнов отвез к ее маме, Диму Измайлова – к Галине Дедовой и оттуда в больницу. В доме остались няня с маленьким Алешей.

Следователи нашли в подвале взломанный бандитами потайной сейф. Там же оказалось несколько пятен на стене и лужа крови на полу. Кровь обнаружили и на дорожке из гравия во дворе дома. А в гараже – частицу, предположительно, «мозгового вещества» и три пули и две гильзы от пистолета. Это вещество оперативники упаковали в черный пластиковый пакет, а со всех пятен крови с помощью ватных тампонов взяли пробы.

Из вещей пропало принадлежащее Ольге Гориной дорогое колье. Вообще, надо заметить, что хотя в последние три года перед исчезновением Горин официально нигде не работал, деньги, тем не менее, в доме водились. К примеру, Сергей купил автомобиль «Соболь».

На вторые сутки после похищения следователи нашли «Волгу» Гориных. В машине никого не было, был помят бок и оторвана крышка бензобака.

Все биологические пробы, взятые на месте происшествия, были переданы на экспертизу в тамбовское бюро судебно-медицинской экспертизы при Минздраве. Эксперту Семибратовой было поручено определить группу крови образцов.

Вещество головного мозга оказалось четвертой группы, а кровь первой и третьей.

У обоих Гориных вторая.

Как видим, вариантов того, что могло произойти с Гориными, предостаточно: убийство Смирновым, похищение бандой Свина, месть кого-нибудь из обманутых вкладчиков, криминальные разборки... Не исключено, что Сергей Горин знал о каких-нибудь неблаговидных деяниях чиновников местной администрации. Так, по версии Валерия Ширяева, на исчезнувшие из «Алгоритма» двести миллионов долларов для них были куплены квартиры.

А может, и убийства никакого не было? Ведь Галина Дедова нашла в доме записку, написанную ее дочерью перед исчезновением. Там говорилось: «Мы вынуждены уехать, скоро вернемся». Кстати, Дима Измайлов на суде по делу Леонида Невзлина рассказывал о пропаже матери с поразившим меня хладнокровием. Как будто знал, что она на самом деле жива.

И группы крови не совпали...

Одним словом, следствие по делу об исчезновении Гориных

зашло в тупик.

Заключенный

«Знакомиться с этим “мусором” не имеет никакого резона»…

Утром 19 июня 2003 года произошло событие, которое послужило отправной точкой в уголовном деле, ставшем символом эпохи Владимира Путина. Но в тот четверг еще никто не мог предполагать, что список подвергшихся жесточайшему прессингу и преследованию будет насчитывать десятки фамилий, а нефтяной гигант ЮКОС прекратит свое существование.

Вспоминает Алла Николаевна Пичугина:

«Сын мне утром не позвонил. А он мне каждый день звонил и утром, и вечером, справлялся, как я. Я стала ему звонить сама – телефоны молчат. Я сразу поняла, что что-то случилось. Потом позвонил друг сына, царствие ему небесное, его уже нет, и сказал, что Алексей в прокуратуре, вызван в качестве свидетеля. И больше его не отпустили»[16].

По воспоминаниям Аллы Николаевны, тревожные сигналы были. Незадолго до ареста Алексей заметил за собой слежку. А еще ему по телефону звонили с предупреждениями анонимные доброжелатели. Об этих происшествиях Алексей Пичугин докладывал своему непосредственному начальнику Михаилу Шестопалову. Однако сотрудник ЮКОСа не собирался никуда уезжать – ведь он не чувствовал за собой никакой вины.

По словам адвокатов Алексея Пичугина, из задержания их подзащитного устроили «силовой шабаш». В «спецоперации» принимали участие 27 человек, из них 21 сотрудник ФСБ, а силовую поддержку осуществляло специальное штурмовое подразделение «Альфа».

Задерживали скрывающегося от органов правопорядка особо опасного преступника? Отнюдь нет. На тот момент Алексей Пичугин имел статус *свидетеля* по делу об исчезновении Гориных.

Рассказывает адвокат Ксения Костромина:

«Бойцы подразделения “Альфа” приехали к нашему подзащитному домой, их был целый автобус. Забрали его, привезли в Генеральную прокуратуру, в Технический переулок. И там допрашивали уже в качестве подозреваемого».

«А до этого, когда Алексей Пичугин имел статус свидетеля, он приходил добровольно на допросы? Может быть, он отказывался явиться, прятался?»

«Нет».

«Получается, что оснований для силового захвата не было?»

«Конечно! Это такая же ситуация, как с Платоном Лебедевым, когда его забрали в следственный изолятор прямо с больничной койки».

Похоже, не приходится сомневаться, что то, о чем говорит Ксения Костромина, было не просто задержанием, а в первую очередь – акцией устрашения.

«В связи с арестом Алексея я написала жалобу в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге на нарушение в отношении него статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (“незаконное содержание под стражей”)[17], – продолжает адвокат. – Ведь в материалах, представленных прокуратурой в Басманный районный суд Москвы в качестве подтверждения вины Алексея, ничего не было, никаких доказательств. Единственное, что там было – это показания самого Алексея, которые он ранее дал при допросе как свидетель. И никаких доказательств его причастности к убийству Гориных, если они вообще убиты, в суд представлено не было».

Не нашли «вещдоков» и в ходе обысков, проведенных 18 июня в квартире и на работе у Алексея Пичугина июня в квартире и на работе у Алексея Пичугина.

«Обыски проходили без адвокатов, – рассказывает Ксения Костромина. – Из кабинета Алексея был вывезен сейф, который потом осмотрели в здании Генеральной прокуратуры. Впоследствии ничего из изъятого как доказательство виновности по делу не проходило».

Тем не менее, 21 июня 2003 года Басманный суд выдал санкцию на арест Алексея Пичугина.

Сразу после взятия под стражу, 19 июня, сотрудника ЮКОСа поместили в московский следственный изолятор «Лефортово», на тот момент подведомственный Федеральной службе безопасности РФ.

«Мы, адвокаты Центра содействия международной защите, постоянно поднимали вопрос о том, что нахождение “Лефортово” в ведении ФСБ неправильно. Этот следственный изолятор должен, как и остальные такие учреждения, быть в ведении Министерства юстиции, – объясняет Ксения Костромина. – Когда я вступила в дело Алексея Пичугина, а это было в апреле 2004 года, то сразу написала первоначальную жалобу в ЕСПЧ на нарушение его прав во время предварительного следствия[18]. В этой жалобе я указала на то, что Алексей содержится в следственном изоляторе, который находится не в ведении

Минюста, и это нарушение, а также на то, что к нему там применяли пытки.

Еще я написала в Европейский комитет против пыток, а в мае 2004 года в посольстве Германии встречалась со спецдокладчиком Парламентской ассамблеи Совета Европы Сабиной Лойтхойзер-Шнарренбергер. Она тогда прибыла в Москву для подготовки доклада в Комитет по правам человека Совета Европы о ситуации вокруг “дела ЮКОСа”».

Забегая вперед, отмечу, что в конце концов совокупность всех этих усилий Ксении Костроминой, других юристов и правозащитников дала результат: в конце сентября 2004 года Алексея Пичугина перевели в СИЗО «Матросская тишина», а потом «Лефортово» передали Минюсту.

Однако вернемся к аресту.

Меня всегда волновал вопрос поведения и самоощущения человека в момент, когда кончается физическая свобода и начинаются застенки, в тот рубежный момент, когда бытие навсегда разбивается на «до» и «после». И потом уже мало что зависит от него самого: от выбора направления передвижения в пространстве, круга занятий и общения, еды, одежды, вплоть до собственной жизни как таковой, – все определяется чужой волей. Все ли? И насколько?

«Как Алексей изначально воспринял свой арест, и как впоследствии изменялось его отношение к своему положению?» – спрашиваю я Ксению Костромину.

«По моим личным впечатлениям, и как он сам, насколько я помню, говорил, первоначально он думал, что это ошибка и его отпустят. Но потом арестовали Платона Лебедева, Михаила Ходорковского. И еще раньше, до ареста Ходорковского, в июле 2003 года, к Алексею применили психотропные средства и тогда же начали искать к нему подходы, чтобы он дал показания на Ходорковского и на Невзлина. Тогда Алексею стало совершенно понятно, что он просто заложник в этой ситуации и что он лично никому, по большому счету, не нужен. Через него просто хотят дойти до руководства ЮКОСа, вот и все».

Рассказывает ученый Игорь Сутягин, обвиненный спецслужбами в шпионаже[19] (с 29 июня по 16 сентября 2003 года он был сокамерником Алексея Пичугина по СИЗО «Лефортово», а теперь согласился дать мне интервью специально для этой книги):

«Насчет того, была ли эта камера первой (после карантина) для Алексея, я, честно говоря, не знаю – по-моему, мы даже и не обсуждали это с ним. Такая мелочь роли не играет и темой для

разговоров в тюрьме не является. Когда сидеть впереди еще о-го-го, что очевидно становится достаточно быстро всем, то какая разница – первая, вторая или одиннадцатая это камера? Впрочем, по поведению Алексея я бы сказал, что он к тому времени уже, по крайней мере, немного пообтерся – так что, возможно, побывал и где-то еще. Конечно, "Лефортово" – настолько нетипичная тюрьма, что и обыкновенный человек без трений и напряжения в нее войдет, не то что в "нормальном" российском СИЗО, где действительно можно четко говорить, сидел уже человек в других камерах или же нет – и *эта* является его первой...

Его привели в нашу камеру, где нас уже было двое – то есть, не я к нему зашел, а он к нам. В процессе совместного сидения мы переехали из одной камеры в другую и расставались уже во второй. В обоих случаях этаж был первый. Сначала была камера № 36, трехместная. Затем – шестиместная, полученная путем пролома стены и соединения вместе двух соседних стандартных трехместных камер. Соответственно, и дверей в ней две, а над каждой – номер, поэтому итоговый номер у камеры был странноватый, двойной – № 22-23.

Спал Алексей и в том, и в другом случае на койке, стоящей под окном – прямо напротив двери.

Не более двух с половиной месяцев вместе – по меркам тюрьмы это уже очень много, там люди узнают друг друга намного стремительнее, чем на воле, все-таки сказывается постоянная запертость вместе в одном малю-юсеньком помещении...»

«А ведь *они* тебя тогда здорово *боялись!* – написал Игорь Сутягин в письме к Алексею Пичугину, опубликованном 30 апреля 2011 года в «Новой газете». – Помнишь, когда нас всех втроем выводили из камеры – на прогулку ли, в баню ли, – на тебя перед выходом из камеры надевали *две пары* наручников? Мы с Валерой – свободно себе, руки за спину (да и это не догма), а тебе – надежно скрепленные за спиной двумя парами браслетов руки, и только по прибытии на место , в дворике или уже в тесной каморке банной раздевалки, снимали. Занятно это вспоминать!.. Потому что занятно вновь понимать, до чего эти люди решительно ничего о тебе не понимали! Нет, конечно, подготовка и опыт – это все при тебе, но чтобы вот *до такой степени* не понимать твоего существа, вообще твоей рациональности, – это потрясало тогда и еще больше потрясает теперь, на расстоянии от тех событий! Только представить себе, как Алексей Пичугин на ковровых дорожках коридоров "Лефортово" начинает вдруг применять свои опыт и подготовку, – и смех разбирает быстрее, чем после хорошего анекдота! А они –

ничего не понимали.

Причем, что характерно, не понимали как раз не те, что были рядом с нами и водили тебя в двух парах наручников. Им-то как раз все было очевидно. Не понимали кажущиеся себе серьезными дядьки из высоких кабинетов, никогда тебя толком не видавшие».

«Чем закончилось ваше общение?» – продолжаю я расспрашивать Игоря Сутягина.

«Расстались мы, как я уже сказал, 16 сентября 2003 года, когда меня перевели в одиночку для ознакомления с обвинительным заключением по моему делу в связи с началом процесса (первого тогда еще) в Мосгорсуде. Насчет того, *чем* закончилось общение, – хм, странный вопрос, общение в тюрьме обычно ничем не заканчивается, просто человека вырывают из твоего мирка – и все. В “Лефортово” это означает полное исчезновение человека из твоей жизни, так как ни дорог [20] нет, по которым можно было бы связаться, ни возможности пересечься случайно в коридорах тюрьмы, на прогулке или в Следственном управлении. Так что я затрудняюсь даже ответить на вопрос, “чем закончилось”. Одно могу сказать – что попрощались мы с Алексеем дружески, хотя сидевший в камере человек, которого я предполагаю опытным стукачом и провокатором, и прилагал значительные усилия для того, чтобы максимально нас с Алексеем развести друг от друга. Алексей мне весьма дружелюбно удачи пожелал и открыто и добро улыбнулся.

Вот это вот, кстати, здорово запомнилось – рукопожатие и эта открытая, добрая, честная и чистая какая-то улыбка, я почему-то именно таким Алексея и запомнил. Не лицо, не образ даже – а вот какое-то чувство открытой доброй улыбки...»

26 июня 2003 года Алексея Пичугина обвинили в организации убийства Сергея и Ольги Гориных. Следственную группу возглавил старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Юрий Александрович Буртовой. К этой примечательной фигуре мы еще не раз вернемся.

По версии обвинения, у Горина был компромат на Пичугина. Якобы Пичугин через Горина организовал два покушения на убийство. А потом, обидевшись, что Пичугин все никак не пристроит его с женой на высокооплачиваемую работу, Горин будто бы пригрозил сдать Пичугина компетентным органам – за что и поплатился.

Но если Горин на самом деле собирался сообщить в «органы» о якобы имевших место покушениях, то он должен был понимать: он и сам, как соучастник, тоже не избежал бы ответственности. Или Горин так ненавидел Пичугина, крестного отца своего

ребенка, что сам был готов отправиться за решетку, только бы насолить бывшему другу?

Обвинение в организации убийства Гориных – центральное в деле Алексея Пичугина. Все последующие обвинения Буртовой и его подчиненные построят исключительно со слов третьих лиц, которые будут ссылаться на слова исчезнувшего Горина. Мол, якобы, Горин, будучи посредником в преступлениях, им рассказывал, что Пичугин – заказчик...

Удобный источник информации, не правда ли? Ему можно приписать все, что угодно. Ведь теперь Горин, даже если он жив, едва ли побежит в суд с иском о защите чести и достоинства. Случись такое, его немедленно посадили бы в тюрьму, поскольку следствие, а затем и суд отвели тамбовскому предпринимателю роль соучастника «деяний» Пичугина.

И вообще, странная конструкция! По идее, посредник нужен именно для того, чтобы оставить заказчика в тени, не раскрывать его имя исполнителю. А тут каждого участника преступной цепочки в обязательном порядке информируют, кто стоит на самом верху.

Но самое главное – в этой цепочке зияет дыра: пропавший Горин, которого нельзя допросить!

Исполнителей убийства Гориных не установили. Зато установили, что, якобы, действовал Пичугин в интересах компании ЮКОС.

Говорит Леонид Невзлин:

«Мне кажется, приговор был впервые “озвучен” Путиным еще до начала официального следствия. Когда арестовали Алексея Пичугина, потом через некоторое время Платона Лебедева, в отношении этого дела посыпались вопросы, в том числе от иностранных журналистов. И Путин [в сентябре 2003 года] такую фразу сказал, а потом повторял ее еще несколько раз, типа: вы там не все понимаете, там не только экономика, там еще есть убойные дела.

Казалось бы, откуда президент России мог знать о том, что там есть и куда все пойдет, если следствие только началось? На тот момент они подозревали Пичугина только в организации убийства Гориных. Никакого прямого отношения к ЮКОСу это дело не имело. И подозрение в отношении Пичугина возникло исключительно на том основании, что они с Гориными были близкими друзьями, практически родственниками, вместе детей крестили.

К чему я хочу это сказать. Приговор был предопределен заранее – до ареста Пичугина. Тем более – Лебедева, Ходорковского и всех остальных. Просто мы не сразу это поняли,

потому что никто, и я в том числе, не верил, что возможен такой беспредел. Поэтому я считаю, что заказчиком всего процесса, а значит, и приговора, без сомнения, является кремлевская власть в ее “семейном”, расширенном варианте. Путина я рассматриваю здесь скорее как соисполнителя или главного менеджера этого процесса, потому что он был для них главным менеджером всей страны»[21].

Позвольте, позвольте, какое убийство Гориных? Трупов-то нет. Да, найдены кровь и мозговое вещество. Без мозга человек, конечно, жить не может. Но ведь исследование Семибратовой показало, что все эти биоматериалы принадлежат не Гориным!

С этим-то как быть?

«Но уже обучены мастера мокрых, грязных и разных дел», – поет Нателла Болтянская.

Однако от поэзии – к вещам куда более приземленным.

В начале марта 2003 года дело об исчезновении Гориных передали в Генеральную прокуратуру, где к нему привлекли теперь уже экспертов ФСБ. 20 апреля 2003 года эксперт, по меткому замечанию Валерия Ширяева, «как бы в насмешку носящая фамилию Законова»[22], производит новую генетическую экспертизу. Якобы из тамбовской прокуратуры ей присылают белый бумажный пакет, опечатанный синей печатью «Для пакетов № 2. Тамбовская прокуратура».

Стоп! Но ведь пакет-то у тамбовских оперативников был черным и пластиковым! И ни вскрывать его «по дороге», ни перекладывать исследуемые образцы в другой пакет категорически нельзя.

Кроме того, новый пакет скреплен подписью уже не Семибратовой, а следователя и двоих понятых, без даты. Внутри пакета оказываются камень и микрочастицы красно-бурого цвета.

«Что это за странные частицы? Логично назначить цитологическую экспертизу и точно установить, из какой части тела они происходят, – рассуждает Валерий Ширяев. – Но такая экспертиза не назначается»[23].

В итоге эксперт Законова устанавливает, что вещество головного мозга принадлежит Горину.

«Да откуда она знает, что это головной мозг? А если это специально приготовленная субстанция из ногтей и волос Горина, снятых ушлыми чекистами и прокурорскими с его одежды, которую как вещдоки вывозили из дома тюками?» – задается вопросами Валерий Ширяев[24].

А что же выводы Семибратовой? Очень просто! Ошиблась она, с кем не бывает. Аппаратура в провинции несовершенная.

Помимо организации убийства Гориных, Алексею Пичугину вменили организацию двух покушений. 5 октября 1998 года – на управляющего ЗАО «РОСПРОМ»[25] Виктора Колесова и 28 ноября 1998 года – на главу Управления по общественным связям мэрии Москвы Ольгу Костину.

5 октября 1998 года, будучи неподалеку от своего дома, Виктор Колесов подвергся нападению двоих неизвестных мужчин. Позднее, в рамках второго судебного процесса в отношении Алексея Пичугина, как исполнителей этого нападения осудят уголовников со стажем – Геннадия Цигельника и Евгения Решетникова. Однако сам Колесов их так и не опознал.

Преступники отняли у Виктора Колесова портфель с газовым пистолетом и двумя тысячами американских долларов и жестоко избили его, после чего пострадавший потерял сознание. Очнувшись, Виктор Колесов увидел, что над ним склонился прохожий, а преступники скрылись.

Прокуратура утверждала, будто бандиты действовали по распоряжению Алексея Пичугина и должны были убить свою жертву, но появление посторонних спутало эти планы. Преступление, якобы, было связано с карьерным ростом Колесова, который не нравился Леониду Невзлину и противоречил его интересам.

Странная версия! У ЗАО «РОСПРОМ» и у ЮКОСа – одни владельцы. Так не проще было, если уж на то пошло, Колесова просто уволить?

Примечательно, что сам Виктор Колесов и на следствии, и на суде неоднократно повторял, что отнюдь не считает себя жертвой Пичугина и Невзлина. И вообще сомневался в том, что его кто-то хотел убить.

К примеру, он заявлял: «Я говорил следователям, что у меня есть сомнения в их версии. В ходе первоначальных допросов я предполагал различные версии нападения на меня: купил гараж не в том месте, отголоски с прежних мест работы и другие. Для меня до сих пор загадка, кто и почему совершил на меня нападение»[26].

А вот еще цитата – к вопросу о карьерном росте потерпевшего:

«У меня в некотором смысле была тупиковая должность, потому что в компании “РОСПРОМ” я выше по своему направлению деятельности стоять не мог. Я же не бизнесмен, поэтому руководить компанией я навряд ли смог бы. Мы уже обсуждали со следствием эту тему неоднократно, и я выражал тоже свое какое-то некое сомнение в формулировке, которая присутствует в обвинительном заключении. Я не вижу разумных

причин, почему Невзлину надо было бы заказывать мое избиение или, не дай Бог, убийство. То есть я не настолько был важная и крупная фигура, чтобы мною заниматься одному из хозяев той компании, в которой я работаю»[27].

Колесов очень настойчиво говорил следователям о своих сомнениях в их версии, но прокурорские работники отмахивались от его показаний, как от назойливой мухи. Так что им было нужно: установить и наказать истинных преступников или любой ценой посадить Пичугина и Невзлина?

Единственной «уликой» против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина будут показания Цигельника (который впоследствии признается в лжесвидетельстве) и Решетникова.

По версии Генпрокуратуры, Алексей Пичугин по поручению Леонида Невзлина предложил Сергею Горину найти людей для выполнения «заказа» по покушению на Ольгу Костину. Она занимала в ЮКОСе пост советника Михаила Ходорковского и заместителя руководителя аналитического управления компании. Позднее устроилась на должность советника мэра Москвы Юрия Лужкова и возглавила созданное по ее же инициативе Управление по общественным связям мэрии.

Горин, якобы, передал этот «заказ» своему знакомому Алексею Пешкуну, а тот, в свою очередь, перепоручил задание банде тамбовского рецидивиста Игоря Коровникова. Последний и будет главным свидетелем по первому уголовному делу против Алексея Пичугина.

Глубокой ночью 28 ноября 1998 года у дверей квартиры родителей Костиной было взорвано самодельное взрывное устройство мощностью около 400 граммов в тротиловом эквиваленте. При этом преступники даже не потрудились удостовериться, на месте ли жертва. От взрыва не пострадали ни люди, ни квартиры, самой Ольги Костиной в доме родителей не было.

Примечательно, что до ареста Алексея Пичугина ни Генпрокуратура, ни Костина не усматривали связи между взрывом и ЮКОСом. Напротив, потерпевшая намекала, будто к происшествию имеет какое-то отношение пресс-секретарь мэрии Москвы Сергей Цой, который, по мнению Костиной, мог видеть в ней свою конкурентку.

И только в 2003 году прокуратура неожиданно заявила, что руководство ЮКОСа решило таким образом отомстить бывшей коллеге за нежелание лоббировать интересы нефтяной компании в столичной мэрии. «Вспомнила» об этом – спустя пять лет после события! – и сама Ольга Костина.

Так кто же она такая, госпожа Костина Ольга Николаевна?

Выпускница факультета журналистики МГУ, 1970 года рождения. Вскоре после дачи показаний против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина карьера Ольги Костиной пошла в гору. Она стала членом Общественной палаты (и Комиссии Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебно-правовой системы), советником директора ФСБ на общественных началах, а также возглавила правозащитную организацию «Сопротивление».

Вот уже несколько лет «Сопротивление» не только получает от государства крупные гранты, но и пользуется правом распределять бюджетные деньги среди других правозащитных организаций. Впрочем, правозащитники Ольгу Костину своей коллегой не считают.

Еще Ольга Костина известна своими нападками на экс-главу Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Эллу Памфилову. Осенью 2009 года, после того, как Памфилова заступилась за журналиста и правозащитника Александра Подрабинека и осудила его преследование движением «Наши»[28], Костина сделала несколько резких высказываний в адрес Памфиловой и всего Совета.

По мнению Костиной, Памфилова «бросилась на амбразуру» ради пиара, но просчиталась. «Все это убого, суетливо и недостойно ни звания Совета, ни звания его руководителя», – сказала Костина.

Алексей Кондауров, бывший руководитель информационно-аналитического управления ООО «ЮКОС-Москва», генерал-майор КГБ СССР, в интервью газете «Известия» отмел возможность того, что к взрыву у дверей квартиры родителей Ольги Костиной причастна нефтяная компания:

«Знаете что, это уже вообще ерунда какая-то. Ни про Невзлина, ни про Ходорковского такого сказать было нельзя. Силовое давление – это не их стиль.

Мы переигрывали всех интеллектом, а не силой.

А на Невзлина Костина наговаривает не первый год, хотя для компании отношения с ней прекратились уже давно.

Так случилось, что мы вместе с супругами Костиными пришли в МЕНАТЕП практически одновременно.

Я пришел в марте 1994 года, спустя месяц появился Костя Костин и привел с собой жену. Они должны были вести пиар-проекты компании. Я курировал работу их обоих, отчасти курировал их и Невзлин.

Это были молодые настырные ребята с неплохими мозгами.

Они казались интересными, хотя без достаточного уровня образования им было трудно. У них были фантастические амбиции, однако ничем не подкрепленные. У нее действительно были мозги, она могла предложить хорошую идею, но как ее реализовать, она не понимала, и сделать это была не в состоянии. У нее не получалось хоть что-нибудь довести до конца. И в какой-то момент она начала искать виноватого, которым почему-то оказался Невзлин. Дескать, он строит козни.

Разочарование в их деятельности у Ходорковского и Невзлина наступило примерно через полгода. Я долго пытался объяснить ей, что надо учиться, нужно делать реальные дела, а не скользить по верхам и заниматься примитивом. Но она не слушала и очень скоро ушла – и года не продержалась. Ее муж продержался дольше.

Что касается Ольги, то с тех пор она принялась распространять слухи о том, что Невзлин ее преследует, угрожает ей. Может быть, она сама в это верила, может, у нее сформировалась какая-то мания. Я слышал, что она даже лечилась где-то под Ленинградом от последствий стресса. С определенного момента она всем начала рассказывать, что она сотрудничает с ФСБ, всем говорила, что она консультант самого Патрушева[29] и что благодаря этим связям Невзлина свернет в бараний рог. Но оказалось, что свою роль она очень сильно преувеличивает. У нее были какие-то отношения с начальником московского управления ФСБ Захаровым, но потом и он перестал с ней общаться. Когда Костина ушла в мэрию, я встречался с ней. Я ей говорил: Оля, не обижайся, пожалуйста, но Невзлина ты не интересуешь. Ты для него – бесконечно малая величина. Причем это я знал достоверно, мне сам Невзлин говорил: чего ты тратишь на нее время, кто она такая. Мне кажется, ее это и задевало, что она не представляла для него интереса. Но такой она человек – всегда в центре скандала. И в ЮКОСе, и в мэрии. Юрий Михайлович Лужков, наверное, когда пару раз с ней пообщался, тоже все понял, и она там больше года не продержалась. А когда случился этот взрыв, то я сразу подумал, что это либо какие-то рекламные дела ее мужа, либо вообще самозаказ»[30].

К слову, об упомянутом муже Ольги Костиной. Константин Костин вслед за своей женой свидетельствовал против Алексея Пичугина, а позднее и Леонида Невзлина. И после этого у него жизнь тоже складывается вполне благополучно. В частности, Костин был назначен руководителем одного из отделов администрации президента РФ и заместителем руководителя ЦИК партии «Единая Россия».

21 октября 2003 года следователь Юрий Буртовой допросил

духовника Алексея Пичугина из храма на Воробьевых горах, отца Иоанна, который до этого пытался получить разрешение на свидание с заключенным. К тому времени отец Иоанн знал Алексея уже более десяти лет, был его духовным наставником и, можно сказать, другом семьи. Отец Иоанн венчал Алексея с его второй женой Татьяной, крестил их сына Сережу, освящал дом. Алексей Пичугин ходил к отцу Иоанну исповедоваться.

Здесь следует заметить, что вызов священника на допрос противоречит статье 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая защищает тайну исповеди и запрещает допрашивать в качестве свидетелей священнослужителей.

Впоследствии Юрий Буртовой извинился перед священником за, якобы, «досадное недоразумение», объяснив его тем, что не смог правильно сформулировать повод для приглашения на беседу.

Это «недоразумение» – лишь один из многих штрихов к портрету следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Юрия Александровича Буртового и его коллег по следственной группе.

23 апреля 2008 года гособвинение на судебном процессе по делу Леонида Невзлина вызвало Алексея Пичугина в Мосгорсуд на допрос как свидетеля. Для этого его этапировали из колонии «Черный дельфин», в которой Алексей к тому времени удерживался уже почти два месяца.

Присутствуя на этом судебном заседании, я обратила внимание на то, что Алексей очень похудел с 6 августа 2007 года (дня вынесения приговора о пожизненном заключении), когда я видела его в последний раз.

Но больше всего меня потрясло его лицо – оно почернело. Позже я познакомлюсь с матерью заключенного С., который некоторое время был соседом Алексея Пичугина по камере в той же колонии для пожизненников, и она скажет мне, что у ее сына стало точно такое же черное лицо.

Неизменными у Алексея остались только глаза, по-прежнему яркие и выразительные.

Он улыбался родным и близким, беззвучными движениями губ разговаривал с ними и жестами старался подбодрить.

Прокурор Кубляков неудержимо краснел, как застенчивый воришка Альхен.

Алексей снова заявил о своей невиновности и о давлении на него со стороны Генеральной прокуратуры с целью склонить к даче ложных показаний против Леонида Невзлина:

«Со мной не единожды беседовали сотрудники Генеральной

прокуратуры и склоняли меня к даче ложных показаний в отношении некоторых руководителей и совладельцев компании, в частности, в отношении Невзлина Леонида Борисовича…

…Впервые такое прямое предложение о даче ложных показаний поступило от следователя Банникова в кабинете № 8 СИЗО "Лефортово" в апреле 2004 года, где я знакомился с материалами дела».

Как сообщил Алексей Пичугин, Банников явился к нему после ухода адвокатов:

«Он сказал, что знакомиться с этим *"мусором"* (материалы дела) не имеет никакого резона, и я как бывший сотрудник органов должен это понимать. Он сказал, что я лично, как Пичугин, никого не интересую. Дело политическое, и интересуют Невзлин, Ходорковский и другие совладельцы нефтяной компании. Какие бы прекрасные адвокаты меня ни защищали, исход дела предопределен».

Алексей Пичугин отказался принять это предложение, но спустя год, 4 июля 2005 года, следователь повторил его.

«Перед этим была еще одна беседа с начальником управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел Владимиром Лысейко. Он требовал дать показания против Леонида Невзлина, Михаила Ходорковского, Михаила Брудно и других руководителей компании. В противном случае, он сказал, что меня ждет пожизненное заключение, а в случае согласия меня вывезут за границу и будут охранять, включат систему защиты свидетелей», – рассказал Алексей Пичугин.

С очередным предложением о лжесвидетельстве к нему обратился государственный обвинитель Камиль Кашаев в июле 2007 года в зале Мосгорсуда во время перерыва в судебном заседании (в присутствии конвоя!)[31].

Думаю, что то апрельское этапирование в Москву было еще одной возможностью для Алексея круто изменить свою судьбу, не возвращаться обратно в страшное узилище. От такого шанса вполне может закружиться голова, особенно, когда уже испытал на себе реалии быта в «Черном дельфине».

Но Алексей Пичугин этим шансом не воспользовался.

Он рассказывал своим близким на свиданиях, что «переговорщики» от прокуратуры, сулившие заманчивые перспективы, удивлялись этим упорным отказам. Кто такой тебе Невзлин? Зачем тебе за чужого человека сидеть?

Они искренне не могли понять, делился впечатлениями Алексей, что я не пошел на лжесвидетельство не ради Невзлина, а ради себя самого. Чтобы мне потом не было стыдно посмотреть в глаза своим сыновьям.

Химия – царица наук

На заседании Мосгорсуда 23 апреля 2008 года по делу Леонида Невзлина Алексей Пичугин заявил, что во время допроса 14 июля 2003 года в СИЗО ФСБ «Лефортово» к нему применили психотропные средства – так называемую «сыворотку правды».

В этот день у него в рамках производства следственных действий должны были отобрать пробы крови и слюны. Но вместо этого заключенного выдали двум лицам, представившимся сотрудниками ФСБ. Эти лица передали ему «привет от сослуживцев», предложили кофе и чай.

После нескольких глотков Алексей Пичугин на шесть часов впал в забытье. Позже двое сокамерников бывшего сотрудника ЮКОСа рассказали Алексею Пичугину, что его принесли в камеру в полубессознательном состоянии.

«Единственное, что я помню, это то, что вопросы, которые мне задавали, касались Ходорковского, Касьянова[32], Черномырдина[33], Волошина[34] и финансовых потоков между этими лицами и ЮКОСом», – сказал заключенный[35].

Вот так новости! Какое отношение эти высокопоставленные чиновники имеют к предъявленным ему обвинениям? Или эфэсбэшникам в действительности нужно от сотрудника нефтяной компании совсем другое?

О «разведдопросе» Алексей Пичугин рассказал на следующий день следователю, но протокол об этом в деле отсутствует.

Несмотря на чрезвычайно плохое самочувствие Алексея Пичугина и категорические требования его адвокатов, Юрий Буртовой отказал в проведении немедленного медицинского освидетельствования заключенного на предмет применения к нему психотропных средств. Обследование было проведено более чем неделю спустя, что было уже бессмысленно.

Результатом воздействия химических препаратов стали провалы в памяти, головные боли, галлюцинации, повышенное артериальное давление, перепады психического состояния, сильнейший фурункулез, повышенная температура. Алексей Пичугин потерял около тридцати килограммов веса, а на его голове образовались шишки, не исчезнувшие до сих пор.

В свою очередь, Генпрокуратура и Басманный суд отказались удовлетворить ходатайство защиты об отводе Юрия Буртового как руководителя следственной группы.

31 июля 2003 года Алексей Пичугин направил официальное заявление в Генпрокуратуру, где уведомил, что в случае появления у следствия любых его признательных показаний,

данных в отсутствии представителей защиты, все эти показания являются самооговором. Алексей вынужден был сделать подобное заявление после того, как Генпрокуратура заявила, что факты применения к нему 14 июля психотропных средств не нашли подтверждения.

«Я была у него [на свидании в “Лефортово”] на следующий день, 15 июля, и видела, что он был не в себе», – рассказала мне Алла Николаевна.

«Вы видели у него следы от инъекций?» – уточняю я.

«Да. Видела», – твердо отвечает моя собеседница.

«Что предприняли?»

«Я тут же сообщила адвокатам, и адвокаты к нему сразу пошли и потребовали, чтобы Алексея обследовали. Но обследование сделано не было»[36].

Мать и адвокаты – лица заинтересованные, скажет читатель. Можно ли доверять их утверждениям?

Да, можно, потому что эти утверждения подкрепляются свидетельством третьего, независимого, лица.

Выше я упомянула двоих сокамерников Алексея Пичугина, которые видели, в каком состоянии его вернули с «разведдопроса». Одним из них, как я уже писала, рассказывая о первых днях сотрудника ЮКОСа в «Лефортово», в то время был Игорь Сутягин. Это имя назвал сам Алексей все на том же судебном заседании 23 апреля 2008 года.

Полутора годами позже знаменательного выступления Алексея Пичугина в Мосгорсуде в свет вышла книга тюремных рассказов Игоря Сутягина «На пол-пути к сибирским рудам». Я написала Игорю Вячеславовичу письмо-размышление, навеянное его литературным творчеством. И приложила к нему свою книгу-хронику суда над Алексеем Пичугиным[37] – в надежде на то, что повествование о дальнейшей судьбе бывшего сокамерника ученому будет небезразлично. На ответ не рассчитывала, понимая, что тяготы лишения свободы оставляют мало возможностей для эпистолярного общения с посторонними.

Однако Игорь Сутягин ответил мне. Прислал не только множество слов поддержки для Алексея Пичугина, но и обещание о нем написать. Позже были неожиданное этапирование ученого в другую колонию и еще более неожиданные его освобождение и высылка в Великобританию. Эти перипетии, как мне казалось, поставили точку в еще не написанном рассказе о встрече в «Лефортово».

Я снова ошиблась. Игорь Вячеславович выполнил обещанное. Его рассказ «Три школы», задуманный, как выяснилось, еще в

колонии, а написанный и присланный мне автором по электронной почте, впервые увидел свет на портале «Права человека в России» (HRO.org) 24 ноября 2010 года.

Личный опыт Игоря Сутягина, также описанный в рассказе, приводит к печальному выводу о том, что случай Алексея Пичугина – не единичный.

Эта публикация вызвала сильнейший резонанс в российских и зарубежных СМИ и крайне негативную реакцию наших компетентных «органов». Так, некий неназвавшийся источник РИА «Новости» в спецслужбах заявил, что утверждение о применении спецпрепаратов не соответствует действительности, а Игорь Сутягин начал пиар-кампанию, чтобы привлечь к себе внимание. *«…Искренне восхищаюсь смелым и благородным поступком Игоря Вячеславовича, который давно говорил, что считает своим долгом выступить в Вашу защиту. И не побоялся навлечь на себя гневную реакцию спецслужб, которая последовала,* – писала я Алексею Пичугину в письме от 27 ноября 2010 года, вместе с распечаткой рассказа Игоря Сутягина отправленном в «Черный дельфин». – *Показательно, однако, что официальные чины усиленно опровергали только эпизод с Игорем Вячеславовичем. Значит, в отношении Вас нечем крыть?*

О том, что описанные методы воздействия применялись и к Игорю Вячеславовичу, я узнала впервые, что ввергло меня в еще больший шок…»

И спустя несколько дней, тревожное:

«…Я узнала, что адвокаты во время свидания зачитывали Вам рассказ Игоря Вячеславовича и что Вам было тяжело возвращаться мыслями в те дни… Мне очень больно, что Вам вновь пришлось пережить страдание… Тем не менее, мне хочется верить, что сам факт того, что Игорь Вячеславович выступил Вашим свидетелем, его поддержка были нужны и важны для Вас».

Ответа, как мне показалось, не было целую вечность, в течение которой я мучилась сомнениями: если воспоминания о «разведдопросе» настолько тягостны для Алексея, то стоило ли мне вообще вызывать их своими письмами?

Наконец, долгожданное письмо пришло.

«Здравствуйте, Вера! Сегодня 14 декабря, вторник.

Позавчера вечером получил Ваше письмо от 27 ноября и статью, а также рассказ Игоря Вячеславовича о делах давно минувших дней… Спасибо Вам, дорогой друг, за этот бесценный подарок!.. Его значение для меня невозможно переоценить…

Глубочайшие и самые искренние слова благодарности и признательности Игорю!.. Не буду говорить о своих мыслях и

чувствах, они хорошо понятны Вам... Всем сердцем желаю Игорю и его близким долгих, счастливых лет. Дай Бог!

Надеюсь крепко пожать его руку и сердечно поблагодарить за высочайшие человеческие качества при личной встрече. Верю, что она впереди...».

Машина для выбивания нужных следствию показаний с давних лет по настоящее время доведена до совершенства, будучи управляемой «физиками», «химиками» и «психологами».

Впрочем, и совершенный механизм иногда дает сбой. Ни Игорь Сутягин, ни Алексей Пичугин на лжесвидетельство не пошли. И это дает надежду на то, что когда-нибудь безумная машина, переламывающая человеческие судьбы, остановится, а невиновных судьба будет сводить только на свободе.

Три школы

Вы никогда не пробовали закусывать коньяк – борщом? Да-да, красным горячим жирным украинским борщом. Без сметаны. Не пробовали? Не пробуйте – мой вам совет. Вернее, не мой даже – специалиста в этих делах спецназовца Саши. И курите поменьше – никогда не берите последнюю сигарету из пачки!

Считаете эти советы странными? А они не такие уж и странные! И очень, между прочим, не лишние в жизни. Чтоб объясниться, начну, пожалуй, с начала – к чему мне гнаться за оригинальностью! Начало было в ноябре 1999 года – меня отвели на беседу к штатному психологу калужского управления ФСБ. Подполковник Юрий Иванович К. был симпатичным, располагающим к себе человеком – несомненный признак профессионализма именно *психолога.* И еще невысокий подполковник был очень серьезным мастером НЛП. Так, по крайней мере, характеризовали его охранявшие меня оперативники УФСБ – Юрий Иванович и до нашей личной беседы не один раз захаживал в следственное отделение, сидел тихонько в уголке на допросах. Нейролингвистическое программирование как способ воздействия на волю и действия человека вообще крайне интересная вещь. Однако влияние ее, судя по всему, в Федеральной службе безопасности считается отнюдь небесспорным. Иначе как объяснить, что на третьей нашей с Юрием Ивановичем встрече появился коньяк?

Во время первых двух бесед – всегда довольно поздно вечером, после обязательного длинного дня непрерывных допросов – подполковник довольно неприкрыто «пристреливался». Вот запустил откровенного грубого «леща», назвав меня великим ученым. Я возразил, что уж «великим» наверняка не являюсь, даже и просто «большим» – тоже, и Юрий Иванович тут же пробормотал скороговоркой – «Так, другая

ситуация» – и перешел на гораздо более приземленные и реалистичные оценки моей личности. (Зря он, наверно, так явно выдал свои *нащупывающие* усилия, правда? Ну да не ошибается только тот, кто ничего не делает.)

А на третью встречу к К. меня неожиданно привели намного раньше, часов в 7 вечера. В углу квадратной комнаты стоял штатив, видеокамера и похожий на журавля долговязый оператор. А на разделяющем меня и психологического подполковника столе аппетитно дымилась большая тарелка борща. И – чуть подальше, на подполковничьей стороне, одинокая рюмка коньяка. Уже налитая, что странно.

Ух, и потекли же слюнки! (Нет, голодом меня на допросах, разумеется, не морили. Наоборот, даже кормили обедом – но ведь это же естественно, вы не находите? Однако украинский борщ – это все-таки, я вам скажу, сила!) А Юрий Иванович пододвинул напиток ко мне, достал из сейфа бутылку коньяка и еще одну рюмку, налил – и приглашающе улыбнулся:

- Угощайтесь! Все-таки – трудный день, нужно расслабиться.

И, выпив и заботливо проследив, как медленно пустеет моя рюмка, придвинул даже на вид густой борщ:

- Ну, теперь подкрепитесь – время ужина, не хочу, чтобы бурчание в желудке отвлекало – и, пожалуй, начнем.

И мы начали. Результатом стал довольно странный по содержанию фильм, который ГБ, как мне рассказывают, активно крутило по телевидению, уверяя публику в том, что Сутягин – самый настоящий вражеский агент. Сидящий за кадром «мастер НЛП» подполковник К. беседует в фильме со мной – и то, что я говорю, должно по замыслу доказывать тезис ФСБ о моем государственном изменничестве.

Много позже эта скромная трапеза неожиданно получила объяснение специалиста. У меня вскоре после нее появились необъяснимые провалы в «короткой» (оперативной) памяти. Легко мог что-то положить, отвернуться – и тут же начать расспрашивать соседа по камере: «Слушай, а ты не видал, я ЧТО-ТО никуда не девал?» Продолжается это и по сей день. Но как-то, сидя в камере с бывшим спецназовцем подполковником Александром С., я решил сделать себе чаю. В тюрьме как это делается? Кипятишь кружку воды, сыплешь прямо в нее заварку – все, вскоре чай готов. Пейте на здоровье. Вот и я – поставил кружку на специально для этого приспособленную под розеткой полочку. Пристроил в кружке кипятильник. И хожу туда-сюда по камере (два шага вперед – два назад) в ожидании кипятка. Подполковник Саша лежит на койке-«шконке», читает книжку, я

брожу мимо него.

Через минуту-другую Саша вдруг и говорит:

- Слушай, а ты что делаешь?

- Да вот, чайку хочу попить, а пока хожу, жду, пока вскипит. Я тебе своим хождением мешаю?

- Да нет, ходи уж, куда денешься. Я не про это, я – насчет чая. Думаешь, получится?

- А почему не получится-то? – крайне удивляюсь я.

- Ну, я не знаю, как ты, но я бы кипятильник еще и в розетку бы включил.

Так выясняется, что я, включая кипятильник, в кружке-то его пристроил, но что после этого надо еще и вилку в розетку воткнуть – тут же и забыл. Кипятильник же в кружке? Значит, ждем чая!

Этот эпизод послужил поводом для долгой беседы. И не потерявший квалификации офицер спецназа допытался-таки до того, что я вспомнил об удивительном ужине – коньяк с борщом. На этом-то пункте Саша дискуссию и прекратил.

- Знаешь, что я тебе скажу? Мне ведь за время службы приходилось, честно признаюсь, допрашивать людей. Иногда им надо было развязать языки – вернее, размягчить волю, чтобы говорили то, что нужно. Существует вещество, которое позволяет это сделать, – человек становится податливым, так что его можно заставить выполнить любые твои приказы. У этого препарата есть два недостатка. Во-первых, он почему-то хорошо растворяется только в коньяке. Не в воде, не в водке – только в коньяке. И еще у него есть сильный запах, который человек начинает чувствовать, когда вещество попадает в желудок. Отбить его можно только жирной пищей, лучше всего – горячей.

- Так вот я, – продолжал Саша, – когда доводилось этим средством пользоваться, всегда своему «пациенту» давал тарелку жирного борща. Коньяк с препаратом – а потом борщ. Из всего, что ты рассказываешь, у меня складывается впечатление... В общем, мой тебе совет: никогда больше не пей у гэбэшников коньяк – особенно если закусить его предлагают борщом. Понял?

Батюшки, а я-то вспомнил еще, как в первый же день моей «беседы» в обнинском отделе ФСБ мне тоже подавали налитую рюмку коньяка – и угощали после нее жирнючей сырокопченой колбасой! Н-да, кто предупрежден – тот вооружен. А кто не знает – тот безоружен. И это я еще не курю!

А вот мой сосед по камере в «Лефортово» Алексей Пичугин к беде своей курил. И выкурил однажды последнюю сигарету из предложенной следователем пачки «Собрания». После этого он пропал куда-то часов на шесть. А когда вернулся... Вернее, когда

еще только возвращался...

Представьте себе человека... ну, вернее – антропоморфное существо, руки и ноги которого сделаны из толстых бревен, обернутых слоем ваты. Представили? Тогда вы можете приблизительно представить себе облик Алексея, когда июльским вечером он вернулся в нашу камеру СИЗО ФСБ «Лефортово». Мутные желтовато-серые белки глаз. Остановивший взгляд, не способный сфокусироваться ни на чем (смотрит куда-то вдаль, ме-едленно собирая глаза в кучку на тебе, когда задаешь вопрос). Неестественно распрямленные, несгибающиеся руки и ноги. И полная заторможенность – лишь безжизненным механическим голосом односложно отвечает на вопросы.

Мы уложили Алексея на койку и вызвали изоляторского врача. (Те, кто утверждает, что в тот день Пичугин не обращался за медицинской помощью, отчасти правы: медика вызывали мы, двое его соседей по камере. Алексей сам не мог этого сделать – он был просто никакой!) Немолодая медсестра пришла в белом халате, села на койку Алексея у его левого колена и после беглого поверхностного осмотра задала первый вопрос:

- Так, ясно. Фамилия?

И Алексей, так и лежавший на койке бревном (глаза закрыты, руки-ноги безжизненно вытянуты), ответил своим механическим, роботоподобным голосом – по слогам!

- Пи. Чу. Гин. – и опять пропал.

Знаете, вот эти три выговоренные с четкой расстановкой слога поразили больше всего! Человек очень послушно старался произнести собственную фамилию – а сил на это у него не было! Несмотря на все старания. Вот и выходили отчетливые, но рваные выдохи: «Пи. Чу. Гин».

И – руки. Руки Алексея жили какой-то своей, отдельной от остального тела жизнью. Вернее, левая рука. Занятно по-крабьи перебирая пальцами, она вдруг поползла в сторону и заползла на укрытое белым халатом бедро медсестры. Та писала что-то в своем блокноте – и, почти не отрываясь от писания, как-то брезгливо, двумя пальцами взяла кисть Алексея за средний палец у ладони и сбросила руку обратно на постель. Как надоедливое неприятное насекомое! Рука снова повторила свою попытку – и снова тот же брезгливый жест. Поразительнее всего было видеть, что такие странные проявления у интеллигентного и очень сдержанного Алексея абсолютно не удивляли, не возмущали медсестру, а как бы считались одним из симптомов диагноза. Возникало впечатление того, что подобные «крабьи руки» медработница явно видит уже далеко не в первый раз...

После каких-то манипуляций, укола, кажется, Алексей стал

потихоньку приходить в себя – то есть в буквальном смысле в себя – из состояния деревянного робота. Заняло это, помнится, много часов. (А до конца все странные эффекты сгладились только где-то на третий день.) Первая же дошедшая до его сознания от нас информация – что ужин уже давно прошел и сейчас почти десять вечера – вызвала у него, еще заторможенного, изумление:

- Как десять?! Меня же до обеда уводили, часов в одиннадцать?!

Пришлось подтвердить ему, что привели его в камеру (хм! вот уж точно – привели, идти-то мог, но сам бы наверняка не дошел) часов около шести, и отсутствовал он, таким образом, больше шести часов. Вот тогда-то мы и услышали рассказ, заставивший поверить в очевидный вред и даже опасность курения.

- Привели к следователю. Там сидит почему-то он один, ни адвоката, никого. «Сегодня мы, – говорит, – просто побеседуем с вами, Алексей Владимирович». И протягивает пачку «Собрания». Я еще удивился – там единственная сигарета, но больно уж по хорошему табаку соскучился! Взял сигарету из пачки, следак зажигалкой щелкнул – я затянулся раз пять, и вдруг все куда-то пропало. Помню только обрывками, как через какую-то прозрачную пленку: я сижу на стуле посреди комнаты, в кабинете уже следака нет, вместо него два каких-то мужика – я их никогда раньше не видел, – они мне задают какие-то вопросы, я что-то отвечаю... А что спрашивали, что я отвечал – не помню...

Мы еще пообсуждали в тот вечер, и довольно горячо, что могло быть в выкуренной Алексеем сигарете, но для себя вывод я уже сделал. Курить вредно!

Где-то довелось прочитать, что до 1956-го были в НКВД-МГБ-МВД три школы следователей: «физики», «химики» и немногочисленные (потому что уметь надо!) «психологи». Первые считают нужным выбивать показания не фигурально, а в буквальном смысле – физической силой, физической болью. Вторые получают сведения, воздействуя на волю подследственного химическими рецептурами вроде «сыворотки правды». Третьи применяют методы психологического воздействия. Утонченные это приемы или грубые, неважно, главное, что они не предполагают запрещенного создания опасности для физического здоровья человека – опасности, возникающей как следствие избиений или отравления. (Психическое здоровье находящегося в руках «органов» человека у нас традиционно никого не волнует.) По предпочтительному методу воздействия – физическому, химическому или

психологическому – их и называли: «физики», «химики» или «психологи».

«Физиков» после XX съезда, как было написано, в госбезопасности фактически не осталось. Не из-за неприемлемости физических пыток и избиений как метода, нет! Просто грязную эту работу переложили будто бы на плечи «младших братьев» из милиции. Похоже, что насчет перекладывания, особенно в центральных районах, – это правда. Я же ведь в Калуге в камере у спецназовца Саши оказался не случайно. На третий день после моего вселения, расспросив по традиции «за себя, за дело», он сказал мне:

- Знаешь, а ведь ты когда вошел и назвался – я почувствовал: «забрало вниз поехало». Такое бешенство накатило! Меня за день до того вызывали в «оперскую», там сидел наш опер – и еще один, он представился – немаленький чин из ГБ. Налили по рюмашечке, хлопнули – и чекист стал меня убеждать: «Слушай, на днях заедет к тебе такой Сутягин – слышал, наверное? Так вот устрой ему по полной – чтоб не вздохнул. Башню ему (голову то есть), пробей, что ли – ты же офицер, орденоносец, а он кто? Шпион, предатель!» А я в разведке служил – предателей, видишь ли, мягко говоря, недолюбливаю. Так что сам понимаешь, с каким настроением я тебя встретил. Но я сижу уже пять лет, дело мое вели те же гэбисты – так что не стал спешить выполнять их просьбы. Хотя, честно скажу, в первые секунды о-очень хотелось «зарядить тебе в бубен». Но вот пригляделся – и смотрю, что зря они меня так просили. Мне моя совесть дороже. Такая вот история с «физикой».

«Психология» же – искусство тонкое, им надо владеть, а чересчур умных в ГБ открыто гнобят. (Того же подполковника К., как довольно открыто рассказывали опера помоложе, подтравливали еще в пору моего с ним знакомства. А через полгода после памятной «киносъемки» с коньяком и борщом просто уволили из управления.) Да и неочевидно в оперативно-следственном процессе влияние «психологии», зачастую еще и опосредованное и небыстрое. Потому и дополняют «психологию» – «химией». Простой и надежной. Опробованной еще со времен Медичи и Иоанна Грозного. Составляющей, как уверяют развязавшие языки перебежчики, фирменный «почерк» отечественной спецслужбы. Разнообразной, но почти неизбежно эффективной «химией», вариации препаратов которой чуть ли не безграничны. Вот и царствует, похоже, в нынешней госбезопасности школа «химиков». Могучая и многочисленная. Которая столько еще нахимичит!

Так что вы лучше не закусывайте коньяк борщом. И курить

просайте. Целее будете!

Игорь Сутягин

сентябрь-октябрь 2009 года

(Архангельск, поселок Пирсы, учреждение УГ-42/1)

«Почему Вы решили включить в свой рассказ “Три школы” историю применения к Алексею Пичугину спецсредств? Не жалеете ли Вы об этом своем поступке? Может, лучше было вести себя тихо, никого не раздражать?» – спросила я Игоря Сутягина.

«Почему включил? Так ведь это же был рассказ об известных мне случаях применения химии в процессе следствия, вот я о них и написал! Могу ли я жалеть о том, что выплеснул, высказал то, что лежало грязным илом в глубине души и, если честно, отравляло-таки жизнь своими гнусными испарениями? Да нет, я *нуждался* в том, чтобы сказать. Помните ведь: “Сказал – и облегчил душу”. Так что особенно-то мне жалеть не о чем. То, что на меня вылилось еще одно корыто помоев – ну, так мне, в общем-то, не привыкать, эти люди вообще почему-то больше специализируются на том, чтобы либо помои лить, либо какие-то сомнительные личности публично героями выставлять».

Тут не могу не вспомнить один *питерский,* между прочим, анекдот:

“Образ советского разведчика: волевой мужественный человек, обладающий острым умом, ловкий и смелый, идеально смотрится во вражеской форме и в строгом костюме.

Образ современного российского разведчика: в неглиже, раком на обложке модного журнала”.

Да, раньше героями называли Гагарина, Гастелло, Матросова, а теперь Анну Чапман, с которой Путин пел военные песни. Вон, оно как!

Однако вернемся к нашим баранам. Так вот, по поводу корыта помоев я, конечно, удивился, хотя не очень, и огорчился, что естественно для любого человека, который не любит соприкасаться с грязью, но чтоб жалеть об этом... Знаете, все жалелки остались где-то там, за пятью заборами стандартной системы охраны “учреждений”. Стоило ли молчать? Повесить гриву, засунуть язык в ж... – и покорно молчать, отдавая *этим* даже право *говорить?* Нет, пожалуй, не стоило бы. Не стал бы. Противно».

Свидетель с острова Огненный

В более чем 700 километрах от Москвы, в 45 километрах от Белозерска Вологодской области посреди Новозера расположился остров Огненный. На нем стоит бывший Кирилло-Новоезерский монастырь, а теперь – Федеральное бюджетное учреждение ИК-5, известное также под названием «Вологодский пятак». Это одна из пяти российских колоний для пожизненных заключенных.

Полутораметровой толщины стены в XVI веке складывали монахи.

Попасть туда можно через соседний остров с обманчивым названием Сладкий, где находится поселок, в котором живет персонал, обслуживающий колонию.

Говорят, что за все время существования «Вологодского пятака» – а тюрьму в здании монастыря устроили сразу после 1917 года и предназначили ее для «врагов революции» – оттуда не было ни одного побега.

Вот в этих глухих и безнадежных краях и отыскался главный «свидетель» обвинения по первому делу Алексея Пичугина.

Коровников Игорь Олегович, бывший житель города Тамбов. Рецидивист. Насильник, серийный убийца. 26 сентября 1996 года осужден Тамбовским областным судом по статье 117 части 3 УК РФ («истязания с особой жестокостью») на 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет.

28 июня 2000 года признан виновным в восьми убийствах, пяти изнасилованиях (в том числе малолетних), похищениях людей, изготовлении самодельных взрывных устройств, а также в других преступлениях. Приговорен Тамбовским областным судом к пожизненному лишению свободы.

Приговор по этому делу подробно описывает «похождения» в Тамбове Коровникова и членов его банды – Владимира Кабанца, Дениса Эрбеса, Павла Попова.

...Познакомились с двумя девушками, пригласили их в машину, отвезли в лес, изнасиловали, избили, задушили телефонным кабелем, сняли цепочку, крестик, колечко, взяли кошелек с 600 рублями.

Второе преступление: познакомились с несовершеннолетней девушкой, посадили ее в машину, отвезли в лес, изнасиловали, задушили телефонным кабелем, труп раздели и выбросили в реку.

Третье преступление: увидели двух девушек, пригласили их к Коровникову домой, изнасиловали, задушили шнурами от утюга и электрообогревателя. С трупов сняли серьги стоимостью 120

рублей, крестик стоимостью 50 рублей, цепочку стоимостью 80 рублей, серебряный перстень стоимостью 100 рублей, часы стоимостью 160 рублей. Раздели, отвезли в лесополосу, выбросили в яму и присыпали листвой и землей.

И так далее, и тому подобное.

Попалась банда в руки оперативников на разбойном нападении на квартиру и убийстве семьи предпринимателя.

Оказавшись в зоне, Коровников скроет от своих соседей-зэков, что совершал преступления сексуального характера – насильников там, мягко говоря, не жалуют. Поэтому Коровников будет рассказывать другим осужденным, будто отбывает пожизненный срок за то, что «одного еврея убил».

Преступления банды Коровникова взбудоражили весь Тамбов. Судебный процесс проходил при большом стечении местных жителей. Обвинения доказаны.

К 2003 году Коровников уже сидел около трех лет на острове Огненный, когда к нему приехали побеседовать следователи Генпрокуратуры и сотрудники ФСБ. И Коровников сразу вдруг вспомнил: в 1999 году Пичугин встречался с ним лично и пытался заказать ему убийство Гориных.

Потом с каждым годом показания Коровникова о причастности владельцев и сотрудников ЮКОСа к преступлениям будут обрастать все новыми подробностями.

Интересная особенность памяти. Ведь обычно человеку свойственно со временем забывать детали.

Ценного «свидетеля» сразу перевезли в Москву, в СИЗО ФСБ «Лефортово». В сравнении с «Вологодским пятаком», где жизнь – медленная смерть, там комфортно, сытно, а вместо тюремной робы – приличный костюм.

От «заказа» Коровников, якобы, отказался, потому что считал Горина своим другом. Но об опасности, будто бы угрожающей со стороны Пичугина, Коровников «другу» ничего не сказал, так как пожалел его, не захотел, чтобы Горин расстраивался и волновался.

Выходит, пусть лучше умрет, зато спокойным и счастливым?

Как неоднократно рассказывал Коровников на судебных процессах Алексея Пичугина и Леонида Невзлина, бывшего начальника отдела службы безопасности ЮКОСа Горин очень боялся (до такой степени, что пригласил его в крестные своего сына?). По этой причине Горин, якобы, отдал Коровникову на хранение папку с некими документами. Что это за папка и куда она делась – никто не знает. Но, будто бы, Горин, передавая папку, достал из нее и продемонстрировал Коровникову фотографии, на которых были запечатлены Алексей Пичугин и

Леонид Невзлин. «Если со мной что-нибудь случится, – якобы сказал Горин, – то знай: виноваты эти люди».

Примечательно, что при очной ставке Коровников узнал Пичугина в лицо не сразу, с большим трудом, лишь тогда, когда тот повернулся в профиль.

Как это может быть, если Коровников, по собственному утверждению, виделся с Пичугиным лицом к лицу – например тогда, когда они обсуждали «заказ» на Гориных?

Покушение на Виктора Колесова Пичугин Коровникову, по словам последнего, тоже заказывал. И Коровников от него тоже отказался.

А вот взрыв у дверей квартиры родителей Ольги Костиной устроил – вместе с «коллегами» по банде.

Для Коровникова и компании этот взрыв был всего лишь мелким эпизодом в обширном уголовном деле.

Тогда Тамбовский областной суд установил следующее: так как взрыв был произведен ночью, у двери родителей Костиной, которой в то время там не было, это не являлось покушением на ее жизнь. Коровникова и его братков признали виновными лишь в изготовлении и хранении взрывного устройства и в причинении материального ущерба (в подъезде были повреждены стекла, двери, железобетонное перекрытие между этажами).

До заказчиков взрыва следствие в ту пору так и не докопалось.

Лишь много позже, когда судили Алексея Пичугина и Леонида Невзлина, Коровников «вспомнил»: таковыми были Пичугин и Невзлин.

В начале своего самого первого допроса в Мосгорсуде, 20 октября 2004 года, Коровников, охраняемый как особо опасный преступник двумя спецназовцами, потребовал от председательствующей Натальи Олихвер обеспечить его безопасность. После этого он обратился к Ольге Костиной: «Ты прости меня, Оленька, я не хотел тебя взрывать, если бы я этого не сделал, они бы меня убили».

На последующих судебных процессах по делу Алексея Пичугина и на суде над Леонидом Невзлиным Коровников утверждал, будто «заказчики» сначала не настаивали на лишении Костиной жизни, а лишь просили плеснуть ей в лицо кислотой. Однако Коровников, как он заявлял, не мог совершить такое по отношению к женщине. «У нее может быть слабое сердце, которое может не выдержать, или она может быть беременной», – пояснил «свидетель».

Удивительно тонкая душевная организация, особенно с учетом «послужного списка» Коровникова, не правда ли?

Незаменимая судья и заменяемые присяжные

11 июня 2004 года Генеральная прокуратура РФ утвердила обвинительное заключение в отношении Пичугина и передала его в Московский городской суд. Алексей решил, что его дело должен рассматривать суд присяжных, который заключенный считал наиболее справедливым и независимым в России. Председательствующей назначили судью Мосгорсуда Наталью Ивановну Олихвер.

Как пишет Валерий Ширяев, до 2001 года Наталья Олихвер работала рядовым судьей Железнодорожного районного суда Ульяновской области. Она была известна беспрецедентно суровыми приговорами, подчас несоразмерными со степенью вины, а также абсолютной преданностью начальству. По данным источников журналиста, работа заменяла Наталье Олихвер и семью, и досуг.

Жила она демонстративно небогато. Однако после того, как Наталью Олихвер неожиданно перевели на повышение в областной суд, ей дали трехкомнатную служебную квартиру. Позже Наталья Ивановна оформила ее в собственность. Валерий Ширяев замечает, что здесь, возможно, были некоторые нарушения: сразу после переезда в Москву судья Олихвер получила еще одну квартиру от своего ведомства. Вопрос о возвращении государству квартиры в Ульяновске даже не возникал, рассказывает Валерий Ширяев.

Журналист также подчеркивает, что назначение районного судьи сразу в область – большая редкость. «Этот карьерный рывок многие связывают с личным вмешательством в судьбу Натальи Олихвер тогдашнего председателя Ульяновского областного суда Анатолия Жеребцова. Незадолго до назначения Олихвер в область он тоже пошел наверх – его назначили председателем квалификационной коллегии судей. Это один из высших органов управления отечественной судейской корпорации»[38], – объясняет Валерий Ширяев.

«Там Жеребцов успел заметно отличиться, проведя выборы на пост председателя Мосгорсуда на безальтернативной основе. В итоге председателем столичного суда стала судья Черемушкинского районного суда Ольга Егорова. Похоже, что Ольга Егорова пригласила Наталью Олихвер на работу в Москву именно по рекомендации Жеребцова. В феврале 2002 года на совещании в Ульяновской области судьи, подводя итоги 2001

года, назвали ее лучшей по показателям»[1].

Правда, что это за показатели, Валерию Ширяеву и другим исследователям прояснить не удалось, потому что прошлые судебные процессы Натальи Олихвер засекретили.

30 ноября 2002 года тогдашний президент России Владимир Путин подписал указ о назначении Натальи Олихвер в Мосгорсуд. И уже через полтора года эта судья приняла к рассмотрению дело Алексея Пичугина.

В этом судебном процессе в полной мере проявились главные качества Натальи Олихвер, которые Валерий Ширяев охарактеризовал, как «переходящая в беспардонность жесткость в судебном заседании, беспрекословная верность начальству и нацеленность на заданный сверху результат процесса»[39].

«Я дверь немножко приоткрывала, чтобы хотя бы одним глазком посмотреть, и ее тут же перед моим носом захлопывали. Но я все равно сидела весь суд за дверью. Олихвер так кричала, что было слышно, она адвокатам не давала слова сказать», – рассказала мне Алла Николаевна[40].

Председатель Мосгорсуда Ольга Егорова, по сведениям Валерия Ширяева позвавшая Наталью Олихвер в Москву, во время судебного процесса Алексея Пичугина написала в Главное управление Минюста по Москве письмо с требованием лишить адвокатского статуса его защитников Георгия Каганера, Ксению Костромину и Михаила Жидкова. Основанием для этого стало отсутствие адвокатов на одном из судебных заседаний.

Между тем, Георгий Каганер и Михаил Жидков в тот день не пришли из-за болезни, а Ксения Костромина – в связи с участием в процессе в Конституционном суде.

О своем отсутствии и его причинах адвокаты Наталью Олихвер надлежащим образом информировали.

Защита Алексея Пичугина неоднократно, в том числе еще на стадии предварительных слушаний, заявляла Наталье Олихвер отвод – в связи с допущенными ею многочисленными и грубыми правонарушениями, а также сомнениями адвокатов в ее беспристрастности. Однако ходатайства об отводе всякий раз отклонялись председательствующей (по закону, вопрос об отводе судьи рассматривает этот же судья).

25 июня 2004 года на материалы дела Алексея Пичугина в суде по представлению Генеральной прокуратуры был поставлен гриф «секретно». Это было сделано для того, чтобы дело слушалось в закрытом режиме, без представителей общественности и СМИ. Это, в свою очередь, понадобилось для того, чтобы скрыть допущенные следствием нарушения и слабость доказательной базы. Кроме того, в этом случае адвокаты

не имели права комментировать ход следствия. Вступившим в процесс адвокатам судья предложила дать подписку о «неразглашении сведений, составляющих государственную тайну». Однако никаких документов о том, что именно составляет такую тайну, адвокатам предоставлено не было.

1 октября 2004 года в Мосгорсуде завершился отбор присяжных по делу Алексея Пичугина. Была сформирована коллегия в составе 12 основных и 4 запасных присяжных. 4 октября суд приступил к рассмотрению дела по существу.

Открывая судебное заседание 26 октября 2004 года, Наталья Олихвер обвинила адвокатов в том, что представители СМИ проявляют интерес к делу Пичугина и освещают процесс.

«Если выйдет хотя бы еще одна статья по этому делу, я буду ставить вопрос о роспуске коллегии присяжных», – заявила председательствующая.

9 декабря Наталья Олихвер, несмотря на возражения адвокатов, свое обещание выполнила.

До этого судья пять раз под разными предлогами откладывала судебные заседания. Фактически рассмотрение дела было приостановлено еще 1 ноября 2004 года.

Слушания не проводились то в связи с ноябрьскими праздниками, то из-за нездоровья подсудимых Пешкуна и, якобы, Пичугина (хотя сам Алексей через своих адвокатов заявлял, что чувствует себя хорошо, и никаких медицинских документов, подтверждающих его болезнь, нет), то самой Натальи Олихвер.

После выздоровления председательствующей слушания должны были возобновиться. Однако судебное заседание, назначенное на 7 декабря 2004 года, опять отложили – теперь из-за отсутствия трех из двенадцати присяжных заседателей.

Это был первый случай неявки присяжных на процесс по делу Алексея Пичугина. Возможно, что все они действительно заболели. Но наблюдатели не исключали и других причин, по которым заседатели не смогли явиться в зал суда. Ведь чем дальше шел судебный процесс, тем становилось очевиднее, что у следствия нет никаких доказательств вины бывшего сотрудника ЮКОСа, кроме «признаний» Коровникова. По сути, дело Алексея Пичугина к тому времени развалилось.

Но сценарий судебного процесса требовал, чтобы заседателей, не устраивавших сторону обвинения, распустили. Оправдательный приговор допустить было нельзя.

К тому времени технология роспуска неугодных присяжных в отечественных судах уже была обкатана. Так, в деле Игоря Сутягина состав присяжных, который не хотел признавать ученого виновным, в конце концов заменили на другой состав, куда были

включены бывшие сотрудники спецслужб. Обновленная коллегия вынесла вердикт о виновности Сутягина.

Поводов для подобной процедуры можно было найти немало. Например – тенденциозность коллегии. Эту законодательную норму судья Наталья Олихвер попыталась применить к заседателям еще в конце октября. Тогда судья устроила присяжным допрос о том, читают ли они в СМИ публикации о деле Алексея Пичугина. Если бы присяжные ответили утвердительно, то формально это можно было истолковать так, что публикации в СМИ оказывают влияние на заседателей и их следует заменить. Но заседатели заверили судью, что газет не читают, а значит, влиянию постороннего мнения не подвержены.

После формирования новой коллегии судебный процесс был полностью начат заново. Алексей Пичугин был убежден, что заседатели из первого состава были готовы оправдать его. Между тем присяжные из второй коллегии испытывали сильное влияние Генпрокуратуры. Это косвенно подтвердил, кстати, прокурор Камиль Кашаев. Он проговорился на пресс-конференции о том, что присяжных возил в суд специальный автобус[41].

По словам адвоката Алексея Пичугина Георгия Каганера, защите запрещали выяснять обстоятельства, которые бы давали основания прийти к выводу о том, что подсудимый не совершал преступлений.

Кроме того, во время слушаний прокуроры и судья Наталья Олихвер пытались скрыть от присяжных, что представляет собой Коровников, главный «свидетель» обвинения.

Законодательство требует критического отношения к любому дающему показания в суде. Каков его социальный статус, каковы его моральные установки, склонен ли он ко лжи, к правонарушениям. Все это должно приниматься во внимание, когда суд решает – доверять или не доверять показаниям человека.

В нормальном суде критичность по отношению к серийному убийце и насильнику увеличилась бы многократно, потому что в деле Алексея Пичугина нет никаких подтверждений его словам.

17 января 2005 года стало известно о замене гособвинителя Бориса Локтионова на прокуроров Евгения Найденова и Камиля Катаева, известных своим участием в других одиозных процессах января 2005 года стало известно о замене гособвинителя Бориса Локтионова на прокуроров Евгения Найденова и Камиля Катаева, известных своим участием в других одиозных процессах.

Например, Найденов добился обвинительного приговора по делу Игоря Сутягина, предварительно распустив коллегию присяжных, склонявшуюся к оправданию ученого. Также он

участвовал в суде над директором Теплоцентра Красноярского технического университета Валентином Даниловым, осужденным по сфабрикованному обвинению в передаче Китаю материалов, содержащих государственную тайну, на 13 лет лишения свободы. Потом прокурор Найденов переквалифицировался в судью Мосгорсуда и 5 марта 2008 года отказался освободить из-под стражи бывшего вице-президента ЮКОСа Василия Алексаняна, страдающего раком лимфатической системы и СПИДом.

Между тем, о прокуроре Борисе Локтионове даже адвокаты Алексея Пичугина отзывались, как о «слишком порядочном для подобного процесса»: он не хотел изменять своим профессиональным принципам.

23 марта 2005 года в Мосгорсуде состоялись прения сторон по делу Алексея Пичугина. Перед присяжными выступили прокуроры, обвиняемые и их адвокаты марта 2005 года в Мосгорсуде состоялись прения сторон по делу Алексея Пичугина. Перед присяжными выступили прокуроры, обвиняемые и их адвокаты.

Государственный обвинитель Камиль Кашаев попросил коллегию присяжных признать Алексея Пичугина виновным по всем трем эпизодам обвинения.

Прокурор заявил, что вина Пичугина подтверждается показаниями свидетелей. Очевидно, Камиль Кашаев имел в виду показания банды Коровникова, потому что другие свидетели, допрошенные на процессе, показаний против Алексея не давали.

В своей речи Кашаев постоянно передергивал сказанное свидетелями и ссылался на показания, которые на самом деле на судебных слушаниях не звучали. Апофеозом выступления Катаева стало утверждение о том, что потерпевший Виктор Колесов на слушаниях заявил о непричастности Пичугина к покушению на него, так как, якобы, опасается за свою жизнь. С чьей стороны – Кашаев уточнять не стал.

Прокуратура потребовала для бывшего сотрудника ЮКОСа наказания в виде пожизненного лишения свободы.

В свою очередь, все адвокаты Алексея Пичугина попросили коллегию вынести оправдательное решение, заявив, что их подзащитный не совершал преступлений. В ходе прений адвокаты заявили о том, что в суде так и не была доказана причастность Алексея Пичугина к инкриминируемым ему преступлениям, а также заинтересованность компании ЮКОС, ее руководства или лично подсудимого в их совершении.

Выступая с последним словом в суде, Алексей Пичугин в очередной раз заявил, что не совершал преступлений, в которых его обвиняют. Он просил коллегию присяжных судить его по

совести и вынести справедливое решение.

24 марта 2005 года коллегия присяжных признала Алексея Пичугина виновным по всем трем эпизодам обвинения. В вердикте присяжных отмечалось, что Алексей Пичугин не заслуживает снисхождения марта 2005 года коллегия присяжных признала Алексея Пичугина виновным по всем трем эпизодам обвинения. В вердикте присяжных отмечалось, что Алексей Пичугин не заслуживает снисхождения.

30 марта 2005 года Наталья Олихвер вынесла приговор бывшему сотруднику службы безопасности ЮКОСа:

20 лет лишения свободы в колонии строгого режима лет лишения свободы в колонии строгого режима.

После объявления приговора Алексей Пичугин заявил, что он невиновен, его преследование носит политический характер и связано исключительно с гонениями на ЮКОС.

«Я намерен бороться до конца», – сказал Алексей Пичугин.

14 апреля 2005 года Генеральная прокуратура РФ предъявила Алексею Пичугину новые обвинения. На этот раз ему инкриминировали организацию убийств в 1998 году мэра Нефтеюганска Владимира Петухова и директора московской фирмы «Феникс» Валентины Корнеевой, а также организацию покушений в 1998 и 1999 годах на управляющего австрийской компании «Ист Петролеум Ханделс» Евгения Рыбина. По версии гособвинения, Алексей Пичугин действовал, руководствуясь поручением вице-президента нефтяной компании Леонида Невзлина.

Обвинения Алексею Пичугину предъявили в СИЗО «Матросская тишина» в присутствии адвокатов, у которых сразу взяли подписку о неразглашении данных предварительного следствия, что лишило их возможности давать комментарии СМИ. Между тем, спустя всего час после предъявления новых эпизодов, представители Генпрокуратуры сами разгласили подробности инкриминируемых бывшему сотруднику ЮКОСа преступлений.

14 июля 2005 года (к слову, спустя ровно три года после «разведдопроса» в СИЗО «Лефортово» – я неоднократно подмечала эту странную любовь прокурорских и судейских работников к «особым» датам) Верховный Суд РФ оставил этот приговор в силе, отклонив кассационную жалобу адвокатов и самого осужденного.

После того, как было вынесено это решение, защитники Алексея Пичугина заявили о своем намерении обжаловать его в Европейском суде по правам человека, минуя надзорную инстанцию. По их мнению, Верховный Суд РФ и вынесший

приговор Мосгорсуд нарушили шестую статью Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой говорится о праве на справедливое судебное разбирательство.

4 августа 2005 года начальнику следственной группы по делу Алексея Пичугина Юрию Буртовому, по данным СМИ, был присвоен чин государственного советника юстиции 3-го класса.

11 сентября 2005 года Юрий Буртовой выступил в программе скандально известного журналиста Андрея Караулова «Момент истины» на канале ТВЦ, где говорил о «банде», организованной Пичугиным по указанию Леонида Невзлина сентября 2005 года Юрий Буртовой выступил в программе скандально известного журналиста Андрея Караулова «Момент истины» на канале ТВЦ, где говорил о «банде», организованной Пичугиным по указанию Леонида Невзлина.

Защита Алексея Пичугина обжаловала действия Юрия Буртового: по мнению адвокатов, в своем интервью следователь сделал заявление, нарушающее принцип презумпции невиновности, а также принцип равенства сторон.

В связи с этим заявлением Буртового Алексей Пичугин был вынужден отказаться от рассмотрения своего нового уголовного дела судом присяжных. Он опасался, что потенциальные заседатели могли видеть телепередачу Караулова и под ее влиянием загодя настроиться негативно по отношению к подсудимому.

После просмотра записи телепередачи в Басманном суде Москвы надзирающий за расследованием дела Алексея Пичугина прокурор Валерий Лахтин (да-да, тот самый, который потом стал гособвинителем на процессе Михаила Ходорковского и Платона Лебедева в Хамовническом райсуде столицы) заявил, будто *не уверен, что на пленке запечатлен именно Буртовой.*

Но «если предположить, что Буртовой», то «ничего предосудительного в этом нет», добавил он.

Адвокаты распространили сообщение о том, что они, чтобы удостоверить личность Буртового, готовы подать ходатайство о вызове последнего в суд. После этого Лахтин согласился с тем, что на пленке все-таки записан именно Буртовой. Басманный суд, признав, что следователь Буртовой допустил высказывания о виновности Алексея Пичугина, постановил, тем не менее, что это не нарушает права подсудимого.

Наказание правосудием?

«Тебя не интересует журнал. Тебя интересует совсем другое», – сказал мне главный редактор в конце апреля 2006 года. Это произошло вскоре после того, как я начала ходить на заседания Мосгорсуда по второму уголовному делу Алексея Пичугина и рассказывать о них в своем блоге в «Живом журнале».

Я удивленно посмотрела на начальника. Отвечая за наполнение двух тематических разделов журнала, посвященного информационным технологиям (IT), материалы я всегда сдавала вовремя. Будучи редактором по образованию, зачастую справлялась с их литературной подготовкой даже быстрее и качественнее своих коллег-айтишников. По крайней мере, такой точки зрения придерживались корректоры и верстальщики, вычитывавшие и оформлявшие все наши тексты. Притом что в редакции был установлен гибкий график, посещала я ее регулярно. В IT- журналистику пришла по личному влечению и работу эту, которой к 2006 году занималась больше шести лет, любила.

«Ты подставляешь весь журнал! Ты должна выбрать, чем тебе заниматься: либо то, либо это», – выразился шеф более определенно.

В тот же день я написала заявление об увольнении по собственному желанию. Это не было проявлением геройства или инфантильности – просто я отчетливо понимала, что молчать о деле Алексея Пичугина уже не смогу.

Работы не было. Устроившись после увольнения с прежнего места в одно из популярных новостных интернет-изданий, я через пару месяцев была вынуждена уйти и оттуда. Мои профессиональные качества, позволившие мне успешно выдержать испытательный срок и даже получить похвалу от работодателя, перестали его устраивать. Произошло это на следующей день после того, как о моих судебных записках в ЖЖ сообщил сайт пресс-центра Михаила Ходорковского.

В конце концов я поделилась своими злоключениями с руководителем рязанского отделения общества «Мемориал» и главным редактором портала «Права человека в России» (HRO.org) Андреем Блинушовым. Мы были знакомы уже пару лет в связи с моим вниманием к процессу Михаила Ходорковского и Платона Лебедева в Мещанском райсуде Москвы. HRO.org публиковал некоторые мои заметки на эту тему.

Андрей сразу же предложил мне с сентября заключить контракт, среди прочего предусматривающий освещение «дела

ЮКОСа». Это оказался тот редкий случай, когда внутренние устремления и рабочие интересы полностью совпали.

Алексея Пичугина судили трижды, постепенно назначая все более и более суровые приговоры. Ему вновь и вновь предоставляли шанс дать показания против руководства ЮКОСа и таким образом избежать страшной участи. И опять шантажировали пожизненным заключением в случае отказа. Этого приговора гособвинитель Камиль Кашаев требовал для бывшего сотрудника опальной нефтяной компании три раза.

Когда молодой, 1974 года рождения, прокурор в конце концов добился желаемого, у него на плечах уже были погоны генерала. На них он не преминул с самодовольством указать Алексею Пичугину, появившись однажды в зале судебных заседаний в новенькой, с иголочки, отглаженной форме и подойдя к клетке из пуленепробиваемого стекла поближе. Круглолицый и розовощекий человек в очках, выторговывавший у зэка лжесвидетельство в обмен на свободу, похоже, искренне не понимал, как дико он выглядит со стороны. Обуявшие лично меня при виде этой сцены чувства мало отличались от того омерзения, которое я испытывала, глядя на отморозка Коровникова.

О том, как слова Камиля Кашаева соотносятся с его делами, по-моему, весьма красноречиво говорит любопытный факт, который мне удалось обнаружить. Видимо, как раз в то самое время, когда этот гособвинитель участвовал в судебных процессах по делу Алексея Пичугина и склонял подсудимого к лжесвидетельству, он трудился над монографией под названием «Прокурор – гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России». В свет данная книга вышла в 2008 году.

Судебных процессов в отношении Алексея Пичугина было три, а уголовных дел два. Так получилось потому, что второе уголовное дело – об организации убийств мэра Нефтеюганска Владимира Петухова и директора московской фирмы «Феникс» Валентины Корнеевой, а также покушений на управляющего компании «Ист Петролеум Ханделс» Евгения Рыбина – рассматривалось Мосгорсудом дважды.

Первое рассмотрение проходило с 3 апреля по 17 августа 2006 года под председательством судьи Владимира Усова. Оно закончилось приговором о 24-летнем лишении свободы в колонии строгого режима. 21 февраля 2007 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила этот приговор, а дело вернула в Мосгорсуд на новое рассмотрение.

Повторный судебный процесс по этому же делу, с 17 апреля

по 6 августа 2007 года, вел судья Петр Штундер. Он и приговорил Алексея Пичугина к пожизненному заключению в колонии особого режима, а Верховный Суд РФ 31 января 2008 года оставил это решение в силе, отклонив кассационную жалобу адвокатов.

В 2006 году, когда второе уголовное дело в отношении Алексея Пичугина рассматривалось в первый раз, помимо бывшего сотрудника ЮКОСа на скамье подсудимых находились еще пятеро человек: Владимир Шапиро, Геннадий Цигельник, Евгений Решетников, Михаил Овсянников и Владислав Левин. Последний проходил по отдельному эпизоду, связанному с Цигельником, но не имеющему отношения к Пичугину и ЮКОСу.

Во втором уголовном деле к признаниям Коровникова и членов его банды прокуратура присовокупила показания в судебном процессе ранее судимых Геннадия Цигельника и Евгения Решетникова. Они заявили, что являются исполнителями убийства Владимира Петухова и покушений на Евгения Рыбина.

В свою очередь, подсудимый Владимир Шапиро признался в том, что убил Валентину Корнееву.

Заказчиками всех этих преступлений Цигельник и Решетников назвали Леонида Невзлина и Алексея Пичугина. Эти фамилии киллеры, якобы, узнали от посредников – уже знакомого нам Сергея Горина и волгоградского преступного «авторитета» Горитовского, убитого в 2002 году[42].

Та же испытанная и показавшая свою надежность схема – показания со слов третьих лиц, которых невозможно допросить!

«...Безмерно рад был видеть Вас на заседании суда 19 июня [2006 года]! – писал мне Алексей Пичугин в письме от 21 июня 2006 года. – *В этот день исполнилось ровно три года, как я нахожусь в заключении, и три года позорному “делу ЮКОСа”. Да и заседание суда получилось “колоритным”, выступал “самый серьезный”, “особо дорогой” и “убедительный свидетель”1...*

<...>

Из того, что Вы услышали, что наблюдали в течение уже почти полутора месяцев судебных заседаний, Вы можете сделать выводы о происходящем и о причинах всего этого абсурдного спектакля.

Что тут сказать? Конечно же, горько и обидно, иногда ловлю себя на мысли, что все происходит как бы не со мной, что все это кошмарный сон, который вот-вот закончится, и все встанет с головы на ноги.

Знаю, что так и будет, что это дело времени. А пока нужно бороться, держаться и терпеть. И с помощью добрых и порядочных людей, с помощью родных и близких, друзей и соратников выстоять

и победить!»

Настоящий аутотренинг!

Не меньше, чем жизнеутверждающее мироощущение, которое видно абсолютно во всех письмах Алексея Пичугина, меня не устает поражать его умение не замыкаться в своей беде. Переживать не за себя, а за других, причем по поводам, несопоставимым с его перипетиями. Вот, например, письмо от 16 июля 2006 года, написанное тогда, когда в суде только что закончили выступать свидетели обвинения по второму делу, Цигельник и Решетников.

«...Я от всего сердца благодарен Вам за регулярное присутствие на судебном заседании, хотя я прекрасно понимаю, как это нелегко Вам дается. И потому в очередной раз прошу Вас прежде всего беречь себя, беречь свое здоровье. Ведь совмещать нагрузки на работе и в суде чрезвычайно трудно, да еще в такую безумно жаркую погоду. Помните всегда, что мне очень приятно и радостно видеть Вас рядом со мной и моими родными в это тяжелое для нас время, но для меня еще важнее Ваше самочувствие».

Ему грозит пожизненное заключение, а он беспокоится о том, что мне – в сущности, человеку постороннему – на суде жарко!

Владимир Аркадьевич Петухов победил на первых выборах мэра города Нефтеюганска в 1996 году. В мае кризисного 1998 года Петухов обвинил ЮКОС и его «дочку» «Юганскнефтегаз» в неуплате налогов в местный бюджет. Якобы, именно из-за этого невозможно стало вовремя выдавать зарплату бюджетникам. В ответ на это руководители нефтяной компании заявили, что уплатили в бюджет все текущие налоги. Существовала только старая задолженность, которая досталась команде Михаила Ходорковского «по наследству» от прежнего собственника «Юганскнефтегаза» – государства. График ее погашения согласовывался с городской администрацией на непростых переговорах.

В дело вмешался губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Александр Филипенко, который создал для разбирательства конфликта бюджетный комитет.

Между тем, Петухов объявил голодовку, потребовав отстранить от должности начальников городской и окружной налоговых инспекций, в ходе проверок не нашедших у ЮКОСа долгов, и возбудить против нефтяной компании уголовное дело. Однако в суд Петухов со своими претензиями почему-то никогда не обращался.

В прениях сторон на суде над Алексеем Пичугиным его адвокат Ксения Костромина выражала мнение, что публичная

активность Владимира Петухова – выступления против ЮКОСа на митингах, голодовка – на самом деле была нужна мэру, чтобы поднять собственный падающий рейтинг и переложить ответственность за невыплату в Нефтеюганске зарплат на нефтяную компанию. Костромина также напомнила, что у Петухова был конфликт с местной Думой из-за того, что он, якобы, расходовал бюджетные средства не по назначению.

К слову, управляемое женой Петухова, Фаридой Исламовой, предприятие «Дебит» было крупнейшим должником перед бюджетом. Против него даже возбуждалось дело о сокрытии налогов, которое, однако, закрыли после избрания Петухова мэром. Говорят, градоначальник находился под сильным влиянием своей супруги...

Утром 26 июня 1998 года Владимира Петухова застрелили из пистолета-пулемета, когда он шел пешком на работу. По факту убийства было заведено уголовное дело.

Тогда следствие отрабатывало разные версии, но связь между гибелью Петухова и его конфликтом с руководством ЮКОСа подтверждения не нашла. В СМИ также были обнародованы другие версии. Например, «семейная» – после гибели мэра Фарида Исламова получила более полумиллиона долларов.

Существовала также версия, связанная с борьбой за оптовый продуктово-вещевой рынок города. Дело в том, что Владимир Петухов закрыл старый рынок, на котором распоряжались выходцы с Кавказа, и создал новый. Значительная доля нового рынка контролировалась уже «Дебитом».

Ряд свидетелей на судах над Алексеем Пичугиным и Леонидом Невзлиным утверждали, что убийство мэра Петухова было невыгодно руководству ЮКОСа, поскольку срывало переговорный процесс с администрацией и негативно сказалось на репутации нефтяной компании.

Более того, бывший охранник Владимира Петухова Михаил Смирнов высказывал мнение, что идея об организации убийства ЮКОСом ему представляется бессмысленной, потому что накануне преступления все разногласия между мэром и нефтяной компанией были улажены, было подписано соглашение. По воспоминаниям Смирнова, Петухов остался очень доволен этим результатом.

Так зачем ЮКОСу было его убивать?

Примечательно, что признания Цигельника и Решетникова, назвавшихся исполнителями убийства, противоречат показаниям очевидцев.

Свидетели убийства сумели составить фотороботы преступников, указав, что это были молодые люди примерно

одинакового роста (170-175 см), с лицами славянского типа и темно-русыми волосами.

Впоследствии они опознали задержанных Попова и Приходько, внешность которых полностью соответствовала описанию убийц Петухова. По данным ряда СМИ, Попов и Приходько были членами преступной группировки из города Камышин. Через некоторое время мера пресечения Попову и Приходько была изменена на не связанную с содержанием под стражей, и вскоре они погибли при странных обстоятельствах. Дело было прекращено.

В свою очередь, Цигельник и Решетников не подходят ни под одно описание внешности, зафиксированное ранее в свидетельских показаниях: обоим больше сорока лет, оба темноволосые, а Решетников имеет восточный тип лица.

Однако подобные противоречия прокуроров Катаева и Гудим нисколько не смутили.

В качестве «вещдока» против Алексея Пичугина Камиль Кашаев представил суду ксерокопию паспорта Михаила Ходорковского. В этом документе указано, что экс-глава ЮКОСа родился 26 июня. Мэра Петухова убили тоже 26 июня, значит, утверждал гособвинитель, это сделал Пичугин «в подарок» Ходорковскому на день рождения...

Как известно, журналистка Анна Политковская была застрелена 7 октября – в день рождения Владимира Путина. Неужели Камиль Кашаев считает, что на этом основании бывшего президента России следует приговорить к пожизненному заключению за «заказ» убийства обозревателя «Новой газеты»?

Директор ТОО «Торговая фирма “Феникс”» Валентина Александровна Корнеева была застрелена возле дверей своей квартиры в Москве 21 января 1998 года. В совершении этого преступления признался бывший работник волгоградской милиции Владимир Шапиро. Это признание он сделал в Мосгорсуде летом 2006 года в рамках второго судебного процесса Алексея Пичугина. Показания Владимира Шапиро слушались в закрытом режиме – по ходатайству самого подсудимого.

В качестве свидетеля убийства и потерпевшего выступал муж Валентины Корнеевой – Дмитрий Корнеев.

Согласно оглашенным на судебном заседании протоколам допросов, ранее Дмитрий Корнеев связывал убийство своей жены с судебной тяжбой между соучредителями «Феникса» – Валентиной Корнеевой и Валентином Тараktелюком. Тараktелюк получил под залог своей доли в «Фениксе» кредит в банке и вложил вырученные деньги в компанию «МММ»[43]. Когда эта

финансовая «пирамида» рухнула, у Тараktелюка возникли проблемы с возвратом долга. Валентина Корнеева стала требовать, чтобы Тараktелюк продал свою долю в «Фениксе» ей. Однако тот отказывался, что и послужило причиной тяжбы, которая, по мнению Дмитрия Корнеева, могла стать поводом для убийства. Допросить самого Тараktелюка невозможно, так как он погиб в автокатастрофе, а его долю в фирме купили наследники Корнеевой.

Между тем прокуроры Камиль Кашаев и Кира Гудим указывали на то, что Валентина Корнеева отказалась принять предложение по продаже банку «МЕНАТЕП» принадлежащего ей помещения магазина «Чай», расположенного в доме номер 8 по улице Покровка в Москве. Это, по их мнению, и послужило мотивом убийства, якобы, заказанного Владимиру Шапиро Алексеем Пичугиным и Леонидом Невзлиным.

Дмитрий Корнеев изменил свое мнение о мотиве убийства, признав версию гособвинения единственно верной.

В свою очередь, Владимир Шапиро на закрытом заседании суда заявил, что Алексея Пичугина и Леонида Невзлина не знал и никогда не видел, что непосредственным заказчиком убийства Валентины Корнеевой был Сергей Горин, а имена других заказчиков ему неизвестны. И что именно эти, его последние, показания следует считать соответствующими истине.

Адвокат Алексея Пичугина Ксения Костромина, выступая в судебных прениях, указала на недоказанность факта заинтересованности руководства ЮКОСа в убийстве Валентины Корнеевой. По словам Костроминой, после совершения этого преступления помещение магазина «Чай» никак не могло перейти к МЕНАТЕПу. Во-первых, решение о продаже сын убитой (которого, как и отца, зовут Дмитрий) не мог принять единолично, без согласия других акционеров. Во-вторых, имущество «Феникса» находилось под арестом из-за судебной тяжбы Корнеевой с Тараktелюком.

Помещение магазина «Чай» было продано Дмитрием Корнеевым-младшим только 27 июня 2003 года – то есть спустя пять лет после убийства.

Конфликт между Евгением Львовичем Рыбиным и ЮКОСом уходит своими корнями в 1997 год. Тогда компания Михаила Ходорковского приобрела государственное нефтедобывающее предприятие «Томскнефть». Ранее действовавший договор между «Томскнефтью» и «Ист Петролеум Ханделс» о совместной разработке Западно-Полуденного и Крапивинского нефтяных месторождений был расторгнут ЮКОСом в одностороннем

порядке. Руководство компании рассматривало этот контракт как «кабальный». Контрольно-ревизионное управление ЮКОСа выявило, что его условия были невыгодны: «Ист Петролеум Ханделс» продавала товары и услуги, в которых ЮКОС на тот момент не нуждался, по завышенным ценам. Об этом свидетельствовал на заседании Мосгорсуда по делу Алексея Пичугина 14 июня 2007 года бывший руководитель аналитического управления ЮКОСа Алексей Кондауров.

В 1998 году компания «Ист Петролеум Ханделс» обратилась в Арбитражный суд города Вены (Австрия) с исками против ЮКОСа о, якобы, нанесенном ей в результате расторжения договора ущербе. Именно эти иски российская Генпрокуратура впоследствии использовала во втором деле Алексея Пичугина и в деле Леонида Невзлина, назвав их мотивом для совершения двух покушений на жизнь Евгения Рыбина.

Первое нападение на Рыбина произошло 24 ноября 1998 года по адресу: улица Удальцова, дом 30 в Москве, – где в предпринимателя, по его словам, стрелял бывший волгоградский десантник Евгений Решетников. Второе случилось 5 марта 1999 года в Московской области. Машину бизнесмена с охраной и водителем, направлявшуюся к его дому (сам Рыбин в это время находился на праздновании дня рождения племянника), взорвали. В результате шофер погиб, а охранник Алексей Иванов получил тяжелые ранения.

Адвокат Алексея Пичугина Ксения Костромина (а впоследствии и адвокат Леонида Невзлина Дмитрий Харитонов) в ходе судебных прений указала на недоказанность факта заинтересованности руководства ЮКОСа в убийстве Евгения Рыбина. Венский арбитражный суд принял решение удовлетворить первый иск Рыбина только на 10 процентов, а в удовлетворении второго отказал и обязал истца возместить ответчику судебные издержки. Таким образом, по мнению защиты, мотива устранять Рыбина у ЮКОСа не было.

При этом решение арбитражного суда лишило Рыбина возможности получать сверхприбыли, как это было ранее из-за недобросовестных сделок «Томскнефти» (в бытность компании государственной) и «Ист Петролеум Ханделс».

В ноябре 2000 года Евгений Решетников был признан судом исполнителем первого покушения на Евгения Рыбина и приговорен к заключению. Заказчиков преступления тогда установить не удалось, причастность к нему руководства ЮКОСа не выявили.

Однако во время второго судебного процесса Алексея Пичугина в июле 2006 года Евгений Решетников неожиданно

«вспомнил», что заказ на убийство Рыбина ему, якобы, поступил от Пичугина и Невзлина. Аналогичные показания тогда дал и подсудимый Геннадий Цигельник.

Между тем, некоторые СМИ высказывали предположение, что Рыбин пытался получить деньги от руководства ЮКОСа для того, чтобы рассчитаться с кредиторами, покушавшимися на его жизнь.

Спецдокладчик Парламентской ассамблеи Совета Европы Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер, изучавшая это дело, также выражала мнение о том, что эти обвинения против юкосовцев сфальсифицированы.

«Решетников, по словам его адвоката, был незаконно осужден за покушение в интересах ЮКОСа на убийство бизнесмена Рыбина, который на самом деле инсценировал это покушение, чтобы подкрепить свой иск против ЮКОСа в Австрии. Господин Решетников в то время был этапирован в СИЗО “Лефортово”, где ему предложили сделку: свободу в обмен на ложные показания против должностных лиц ЮКОСа», – говорится в докладе Сабины Лойтхойзер-Шнарренбергер «Политически мотивированные судебные процессы в странах Европы», опубликованном 23 июня 2009 года.

Примечательно и то, как происходило опознание Евгением Рыбиным Алексея Пичугина. В протоколе допроса Рыбина в Генеральной прокуратуре России от 17 июля 2003 года записаны показания потерпевшего, где утверждается, что на деловых переговорах с ним присутствовали трое сотрудников ЮКОСа. Среди них – два представителя менеджмента и работник службы безопасности, «то ли Пичушкин, то ли Пичугин», который вел себя крайне жестко. Это был человек невысокого роста, худощавый, с темными волосами.

Между тем, как известно, внешность Алексея Пичугина совершенно не соответствует внешности человека, описанного Евгением Рыбиным. Рост Алексея Пичугина 184 сантиметра, волосы светлые, телосложение плотное.

При проведении процедуры опознания Евгению Рыбину показали нескольких статистов, которые выглядели именно так, как потерпевший описывал в своих показаниях (невысокие, темноволосые, худощавые), и… Алексея Пичугина. Рыбин безошибочно «опознал» Пичугина.

В июле 2004 года Леонид Невзлин обвинил Рыбина в вымогательстве. Невзлин направил тогдашнему Генпрокурору России Владимиру Устинову письмо, в котором заявил, что Рыбин с помощью работников правоохранительных органов искал лжесвидетелей и фальсифицировал материалы против ЮКОСа, в том числе по делу Пичугина, воспользовавшись тем, что тот уже

находится в СИЗО «Лефортово». Через два дня после подачи Невзлиным заявления Басманный суд Москвы выдал санкцию на его арест (но к тому времени Леонид Невзлин переехал на постоянное место жительства в Израиль).

Леонид Невзлин в интервью, которое он дал мне в ноябре 2008 года в Израиле для книги «Без свидетелей?», выразил мнение, что в сложившейся ситуации совпали интересы Рыбина и власть предержащих.

«Эти люди и сами признают, что ничего не могли сделать, пока Путин не пришел к власти», – сказал Невзлин.

Действительно, бывший управляющий «Ист Петролеум Ханделс» на суде над Невзлиным произносил примечательную фразу о том, почему во время, когда преступления совершались, то есть в конце 90-х годов, никакие «органы» не выявили связи между ними и ЮКОСом. Тогда Рыбин обосновал это так: «Политического решения не было».

«Но времена изменились, и для таких, как Рыбин, солнышко просвечивает. Теперь, при этой власти, можно делать что угодно с этим ЮКОСом. Вот он и пошел добиваться “правды”», – отметил Леонид Невзлин.

Бывший вице-президент ЮКОСа подчеркнул, что если бы у Рыбина было законное решение по изъятию денег, то он бы их получил.

«Честное слово, и Ходорковскому, и мне было бы плевать на эти деньги. Но пока этого решения нет, отдавать деньги незаконно. Это значит, что менеджмент будет поражен в правах на заседании совета директоров, собрании акционеров или в судебном порядке.

Рыбин зарабатывал в результате нечестного сговора с предыдущим руководством компании, и очевидно, что другого способа, кроме как постоянно шантажировать компанию, ее руководство уголовными и иными видами преследования, а потом прицепиться к Пичугину и шантажировать меня, неоднократно вымогая деньги, у него не было», – заявил в том же интервью Леонид Невзлин.

Штрих к портрету Рыбина добавил и Платон Лебедев в своем ходатайстве генпрокурору России в марте 2007 года. В этом документе Лебедев утверждал, что австрийская криминальная полиция, по его данным, подозревает Евгения Рыбина в отмывании денег года. В этом документе Лебедев утверждал, что австрийская криминальная полиция, по его данным, подозревает Евгения Рыбина в отмывании денег[44].

Прямых свидетельств причастности Алексея Пичугина к инкриминированным ему в рамках второго уголовного дела

преступлениям сторона обвинения на суде не представила. В обвинительном заключении и в обоих приговорах по второму делу Алексея Пичугина (и Владимира Усова, и Петра Штундера) каждый из эпизодов описывается формулировками «неустановленные лица», «в неустановленном месте» и «в неустановленное время».

Защищаться от такого расплывчатого обвинения очень трудно. Действительно, попробуй-ка докажи, что в неустановленное время ты не находился в неустановленном месте и не общался там с неустановленными лицами!

Показания или жизнь!

В стеклянном «аквариуме» зала № 507 Мосгорсуда Алексей Пичугин, как я обратила внимание, разговаривал только с двумя из пяти заключенных. Кроме Владислава Левина, это был Михаил Овсянников – единственный из сообвиняемых Алексея, не ставший лжесвидетелем против ЮКОСа[45].

Житель Тамбова, этот высокий широкоплечий темноволосый человек плотного телосложения подрабатывал у Сергея Горина шофером. С Алексеем Пичугиным до суда Овсянников знаком не был и виделся только однажды – в 1998 году. Тогда он, по просьбе Горина, отвез сотруднику ЮКОСа на свадьбу со второй женой Татьяной в подарок торт. После 1998 года Овсянников, по его утверждению, уже не возил Горина и практически не общался с ним.

Михаила Овсянникова обвинили в том, что он доставил Владимира Шапиро, Геннадия Цигельника и Евгения Решетникова к дому Валентины Корнеевой. Там Шапиро застрелил предпринимательницу у дверей ее квартиры.

В ходе предварительного следствия Михаил Овсянников подтвердил свою вину, а также то, что убийство Корнеевой, якобы, было совершено в интересах руководства компании ЮКОС. Откуда он узнал имена заказчиков? От исчезнувшего Горина, конечно же...

Однако на заседании Мосгорсуда 17 июля 2006 года подсудимый отказался от этих показаний.

«Все показания против Невзлина и Пичугина были даны мною под давлением следствия», – признался Михаил Овсянников.

По его словам, старший следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Владислав Смирнов, а также следователь Александр Банников (из следственной группы Юрия Буртового) оказывали на него психологическое и физическое давление. Представители следствия, рассказал подсудимый, объяснили ему: «Это дело государево, и не попасть в оборот можно, только полностью сотрудничая с нами».

Михаил Овсянников также заявил: «Меня запугивали, мне угрожали, обещали накрутить не менее 17 лет» – за организацию убийств. Следователь Банников, по утверждению подсудимого, предупредил его, что «у прокуратуры все схвачено» и что «она все равно победит в суде».

Был еще один способ давления. Дело в том, что Михаил болен гидронефрозом. Гидронефроз – это расширение полостной системы и чашечек почки. При этом вторая почка у Овсянникова

удалена.

Гидронефроз является следствием нарушения оттока мочи. Дисфункция почек у Михаила Овсянникова привела к постоянно повышенному артериальному давлению.

К тому же, застой мочи в почке может вызвать почечную недостаточность, образование камней, распространение воспалительного процесса по организму – вплоть до летального исхода.

Во время долгих допросов Михаила Овсянникова отказывались отвести в туалет. А оказание медицинской помощи ставилось в зависимость от его показаний.

Овсянникову говорили: «Если не будешь сотрудничать со следствием, то тебя переведут в общую камеру, где через два дня окочуришься».

По словам заключенного, в записях его показаний на предварительном следствии имеются несоответствия с тем, что он говорил в ходе допросов. Тот факт, что он подписал такие протоколы, Овсянников объяснил опасениями за свое здоровье из-за действий и угроз прокурорских работников.

В действительности Михаил Овсянников, как он сообщил, до предъявления ему обвинения у дома Валентины Корнеевой никогда не был. А во время предварительного следствия оперативники возили туда Овсянникова и силой, удерживая руку наручниками, заставили вытянуть ее в сторону дома Корнеевой, ведя при этом съемку. Потом в материалах дела появились фотографии, на которых Овсянников «показывает» рукой на дом Корнеевой, где он, якобы, принимал участие в преступлении.

Отказ от лжесвидетельства обошелся Михаилу Овсянникову дорогой ценой. Председательствующий Владимир Усов его показания, данные на слушаниях, убедительными не счел, признал подсудимого виновным и приговорил к 10-летнему лишению свободы.

Камиль Кашаев требовал 20-летнего срока. Примечательно, что для Овсянникова, даже по версии гособвинения не участвовавшего в убийствах непосредственно, прокуроры запросили более суровое наказание, нежели для Решетникова и Цигельника, хотя последние признались в убийствах[46].

21 февраля 2007 года Верховный Суд РФ оставил приговор Михаилу Овсянникову в силе.

Казус судьи Усова

Помните, я уже писала о странном пристрастии прокурорских и судейских работников к «особым» датам?

23 июля 2006 года Алексею Пичугину исполнилось 44. Это был уже четвертый его день рождения в тюрьме. Собравшиеся в Мосгорсуде родственники бывшего сотрудника ЮКОСа смогли лишь помахать ему самодельными поздравительными плакатами десяток секунд. Столько времени Алексея под конвоем вели по отгороженной решеткой части холла пятого этажа в зал июля 2006 года Алексею Пичугину исполнилось 44. Это был уже четвертый его день рождения в тюрьме. Собравшиеся в Мосгорсуде родственники бывшего сотрудника ЮКОСа смогли лишь помахать ему самодельными поздравительными плакатами десяток секунд. Столько времени Алексея под конвоем вели по отгороженной решеткой части холла пятого этажа в зал.

Зная заранее о предстоящем «несанкционированном митинге» в судебных стенах, я сильно опасалась, что в лучшем случае нас всех, пришедших на судебное заседание, выгонят из здания. О последствиях вроде нескольких часов в «обезьяннике» ближайшего отделения милиции старалась просто не думать.

Но даже суровые судебные приставы и конвойные отнеслись к «поздравительной акции» с пониманием и сделали вид, что ничего не заметили.

А прокурор Камиль Кашаев в день рождения Алексея Пичугина вновь потребовал для него пожизненного заключения.

17 августа 2006 года судья Владимир Усов вынес поистине парадоксальное решение. Он признал бывшего сотрудника ЮКОСа виновным по всем пунктам обвинения – как того и просила прокуратура. Текст постановления судьи местами дословно повторял обвинительное заключение.

Зачитывал его судья едва слышным голосом, как будто испытывал неловкость. Оглашение заняло около шести часов. В течение всего этого времени в зале суда работали многочисленные представители теле- и радиокомпаний. Снимать ход заседания СМИ позволили впервые. Ранее фотографирование и видеозапись были разрешены только во время перерывов.

Помимо участников процесса и журналистов, в зале было много родственников и близких подсудимых, в первую очередь – Алексея Пичугина. Приговор суда положено слушать стоя, только пожилым женщинам разрешили сесть. Но мало кто воспользовался этой возможностью. Если и присаживались в течение этих шести часов, то ненадолго.

В зале стояла духота – включенные кондиционеры явно не справлялись со своей задачей. А в закрытом стеклянном «аквариуме» с шестью людьми, видимо, и вовсе было нечем дышать. На Алексее Пичугине были надеты футболка и летняя куртка. Несколько раз Алла Николаевна знаками предлагала сыну эту куртку снять, но тот упорно отказывался, качая головой. Позже я с удивлением узнала, что Алексей посчитал неприличным показаться перед «высокой инстанцией» в такой «легкомысленной» одежде, как футболка.

Он еще умудрился сохранить уважение к суду…

Алексей Пичугин выслушал приговор в отношении себя стоически, не демонстрируя своих эмоций.

К тому, что решение будет обвинительным, готовились и адвокаты Алексея, абсолютно уверенные в невиновности своего подзащитного, и большинство присутствовавших на процессе. Практика расправ под видом правосудия на тот момент уже была известна слишком хорошо для того, чтобы питать иллюзии.

Однако в сочетании с обвинительным вердиктом парадоксальным в моих глазах выглядел срок наказания. Назначив Алексею Пичугину 24 года заключения в колонии строгого режима, судья постановил: этот срок должен был исчисляться с учетом уже вынесенного ранее Алексею Пичугину приговора Натальей Олихвер[47].

Таким образом, Владимир Усов добавил к уже назначенному сроку четыре года.

За три убийства и два покушения, якобы, полностью доказанных в суде, – четыре года?

Лично для меня этот «казус» говорит об одном: Владимир Георгиевич Усов, будучи грамотным юристом и опытным судьей, прекрасно понимал, что осуждает невиновного. Но он был не свободен в своем решении.

О том, как могут продавливать нужный «наверху» приговор, известно. Достаточно вспомнить скандал с председателем Хамовнического райсуда Москвы Виктором Данилкиным и его, теперь уже бывшей, помощницей Натальей Васильевой. 14 февраля 2011 года Наталья Васильева заявила СМИ, что контроль за Виктором Данилкиным, председательствовавшим на процессе по второму уголовному делу Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, был постоянным. 25 декабря 2010 года, за два дня до оглашения приговора, судья ездил в Мосгорсуд, где встречался с каким-то важным человеком, который должен был дать ему четкие разъяснения насчет приговора. Текст приговора доставили в Хамовнический суд не полностью, после начала оглашения довозились некоторые его части, сказала Васильева, например,

концовка со сроками заключения.

Владимир Усов до процесса по делу Алексея Пичугина имел репутацию вполне добропорядочного судьи. Доводилось ему и оправдывать подсудимых, что уже само по себе нетипично для нашей страны, где доля оправдательных приговоров – меньше процента. Это один из самых низких показателей в мире.

Думаю, Владимир Усов, вынося столь странное решение в отношении бывшего сотрудника опальной нефтяной компании, вероятно, хотел, чтобы, по возможности, и волки были сыты, и овцы целы. Какая коллизия при этом происходила у него в голове – остается только догадываться.

Но как невозможно быть чуть-чуть беременной, так же нельзя быть судьей, наполовину праведным. На мой взгляд, у Владимира Усова был шанс войти в историю. Спасти честь российской Фемиды, уже изрядно запятнанную. Не спас. И осудил невиновного.

Приговором судьи Усова не удовлетворился никто: ни защита, настаивавшая на полном оправдании Алексея Пичугина, ни обвинение, добивавшееся для него пожизненного заключения. В результате в Верховный Суд РФ кассационные жалобы подали обе процессуальные стороны.

20 февраля 2007 года Верховный Суд РФ отменил приговор от 17 августа 2006 года, причем – только в отношении Алексея Пичугина. Наказания Владимиру Шапиро, получившему 19 лет колонии строгого режима, Геннадию Цигельнику и Евгению Решетникову, которым дали по 18 лет, Михаилу Овсянникову кассационная инстанция оставила в силе февраля 2007 года Верховный Суд РФ отменил приговор от 17 августа 2006 года, причем – только в отношении Алексея Пичугина. Наказания Владимиру Шапиро, получившему 19 лет колонии строгого режима, Геннадию Цигельнику и Евгению Решетникову, которым дали по 18 лет, Михаилу Овсянникову кассационная инстанция оставила в силе.

Между тем, Владимир Шапиро в своей кассационной жалобе утверждал, что следователи обещали ему «манну небесную» за оговор Пичугина и Невзлина.

Кассационное определение Верховного Суда вообще примечательное. На 9 его листах из 27 высшая судебная инстанция России констатировала правонарушения, допущенные Мосгорсудом в отношении бывшего сотрудника компании ЮКОС, во многом согласившись с доводами его адвокатов. В частности, с тем, что обвинительный вердикт строился на предположениях, а доказательства в пользу подсудимого отвергались без приведения на то оснований. И то и другое противоречит Уголовно-

процессуальному кодексу.

Вот лишь некоторые дословные цитаты.

«…По эпизоду убийства В. А. Корнеевой, ссылаясь на показания осужденного Шапиро на предварительном следствии, как на одно из основных доказательств, и делая вывод о том, что эти показания подтверждают участие Пичугина в совершении данного преступления, суд не дал никакой оценки показаниям Шапиро на следствии в той части, где он указывал, что ему неизвестно о Пичугине, о заказчиках преступления…»

«…Суд не дал никакой оценки и показаниям осужденного Овсянникова на предварительном следствии в той части, где он указывал, что по поводу убийства Корнеевой ему ничего неизвестно, что Горин ему ничего не говорил, что он Пичугина не видел <…>, но сослался на его показания на предварительном следствии как на одно из основных доказательств, и сделал вывод о том, что эти показания подтверждают участие Пичугина в совершении данного преступления…»

«…Аналогично по эпизоду убийства Петухова, ссылаясь на показания осужденного Шапиро и делая вывод о том, что они подтверждают участие Пичугина в совершении данного преступления, суд также не дал в приговоре никакой оценки показаниям Шапиро на предварительном следствии, в которых он указывал о том, что он не знает Пичугина, не назвал источник своей осведомленности о причастности Пичугина, заявил в судебном заседании, что это его умозаключения…»

Из определения Верховного Суда также следовало, что мотивы, по которым Алексей Пичугин, якобы, совершал преступления, опровергаются материалами дела, а Владимир Усов не принял это во внимание.

К примеру, обвинение в неуплате налогов в казну Нефтеюганска противоречит официальному документу налогового органа. *«Не дано оценки и исследованному в судебном заседании акту проверки Госналогинспекции о соблюдении законности уплаты налогов НК ЮКОС от 13 июля 1998 года»,* – прокомментировала коллегия Верховного Суда обвинительный приговор Мосгорсуда.

Казалось бы – какое решение должно следовать после таких выводов?

Оправдать за отсутствием доказательств вины, а дело закрыть.

Но наша страна, когда-то обогатившая международную лексику такими словами, как «спутник» и «перестройка», снова оказалась впереди планеты всей. Правда, увы, совсем в другой области. Современная Россия породила понятие, уже прочно

вошедшее в языки многих стран мира – «басманное» правосудие, “Basmanny” justice…

Впрочем, это лирика. А факты таковы, что Верховный Суд вернул дело Алексея Пичугина в Мосгорсуд на новое рассмотрение, в ином составе суда, удовлетворив требование прокуратуры. Но это было еще полбеды.

Главная беда заключалась в том, что Верховный Суд РФ указал в своем определении, что Алексею Пичугину нужно назначить более строгое, чем 24 года лишения свободы, наказание.

Это указание – нонсенс, беспрецедентное и грубейшее нарушение одного из основополагающих принципов современного судопроизводства: презумпции невиновности.

По сути, новый приговор был предопределен.

Свидетели многоразового использования

На повторном судебном процессе по второму уголовному делу Алексея Пичугина доказательная база гособвинения не претерпела существенных изменений. Главными козырями Камиля Катаева и Киры Гудим остались Евгений Решетников, Геннадий Цигельник и, отчасти, Владимир Шапиро. Только в этот раз они выступали уже не как подсудимые, а как свидетели обвинения. Правда, прежние показания Цигельника и Решетникова обросли новыми подробностями, оказавшимися весьма на руку прокурорам.

Полезно проследить, как изменялись показания этих «свидетелей многоразового использования» с течением времени. Это дает поразительную картину того, как «подгонялись» свидетельские показания, чтобы исправить огрехи следствия, на которые указал Верховный Суд РФ, отменяя обвинительный приговор от 17 августа 2006 года.

Евгений Решетников в ноябре 2000 года был признан судом исполнителем покушений на управляющего австрийской компании «Ист Петролеум Ханделс» Евгения Рыбина и приговорен к заключению. Заказчиков преступлений тогда установить не удалось, *причастность к ним руководства ЮКОСа не выявили.*

В 2006 году, выступая в Мосгорсуде, Евгений Решетников вслед за другим подсудимым-уголовником, Геннадием Цигельником, признал себя виновным в убийстве мэра Нефтеюганска Владимира Петухова, в покушении на управделами компании «РОСПРОМ» Виктора Колесова, а также в двух покушениях на Евгения Рыбина. *Заказчиками данных преступлений Решетников,* как и Цигельник, сославшись на слова посредников – исчезнувшего Горина и покойного криминального «авторитета» Горитовского, – *назвал Леонида Невзлина и Алексея Пичугина.*

В связи с этим защитник Алексея Пичугина Дмитрий Курепин заявил: «В уголовном процессе, в зависимости от наличия или отсутствия промежуточного источника фактических данных, доказательства делятся на первоначальные и производные. Чтобы подтвердить вину, необходимы первоначальные доказательства. Производные же доказательства служат для проверки первоначальных и самостоятельной ценности не имеют».

Ссылку на Горина и Горитовского защитник назвал производным, то есть не имеющим самостоятельной ценности доказательством.

Казалось бы, обвинение повержено. Но на повторном процессе по второму уголовному делу Алексея Пичугина *Цигельник и Решетников вдруг «вспомнили»: якобы, имела место и личная(!) их* (и их подельника Шапиро) *встреча с руководством ЮКОСа, на которой обсуждались преступные планы.*

Впрочем, на этом неожиданные признания Цигельника и Решетникова не закончились.

Как я уже писала, адвокаты Алексея Пичугина предоставляли суду следственные материалы прокуратуры Ханты-Мансийского автономного округа, датированные 1999 годом. Из них следует, что истинными убийцами Владимира Петухова были Приходько и Попов, члены камышинской организованной преступной группировки. Имеются показания многочисленных свидетелей, видевших этих киллеров на месте преступления и впоследствии опознавших их по фотографиям, а также признательные показания самого Приходько. Николай Билан, занимавший в 90-е годы должность нефтеюганского межрайонного прокурора, не сомневался в виновности Попова и Приходько. Однако под суд эти лица не попали, поскольку погибли.

В отличие от Попова и Приходько, Цигельника и Решетникова на месте убийства мэра не видели. Обознаться невозможно: помимо прочих несовпадающих примет, все очевидцы вспоминали светлые волосы одного из киллеров, а Цигельник и Решетников темноволосые. К тому же свидетели говорили о мужчинах со славянской внешностью, а Решетников имеет восточный тип лица.

На предыдущем (2006 года) судебном процессе прокуроры так и не смогли объяснить это очевидное противоречие. Однако на повторном процессе *Цигельник очень кстати для гособвинения «вспомнил»: оказывается, они с Решетниковым, когда совершали преступление, надевали парики, и один парик был светлого цвета! Правда, стройную картину несколько смазал Решетников, признавшийся, что они с напарником надевали парики, когда следили за другим потерпевшим – Евгением Рыбиным. На прямой же вопрос прокурора Киры Гудим: «А при совершении преступления в отношении Владимира Петухова вы надевали парики?» – Решетников ответил отрицательно.*

Любопытная статистика: адвокат Алексея Пичугина Дмитрий Курепин подсчитал, что *Цигельника допрашивали 24 раза, а Решетникова – 26 раз. И ни разу ранее они не давали показаний об изменении внешности.*

Геннадий Цигельник, известный также под фамилией Шевцов, на момент суда над Алексеем Пичугиным уже имел пять судимостей за преступления, связанные с незаконным оборотом

наркотиков и оружия.

11 июля 2006 года, выступая в Мосгорсуде, он признал себя виновным в убийстве Владимира Петухова, в покушении на Виктора Колесова, а также в двух покушениях на Евгения Рыбина. *Заказчиками данных преступлений Цигельник назвал Леонида Невзлина и Алексея Пичугина.* О том, что заказчиками являются именно эти лица, Цигельнику, якобы, сообщили все те же Горин и Горитовский.

На повторном судебном процессе по второму уголовному делу Алексея Пичугина Геннадий Цигельник вновь дал показания против него и руководства ЮКОСа.

Примечательно, что в разное время Цигельник по-разному описывал не только собственную роль в преступлениях, но и роли Решетникова, Горитовского и других фигурантов.

Так, на судебном заседании 22 мая 2007 года он *заявил, что изначально планировалось не только убийство Евгения Рыбина, но и его похищение, а раньше утверждал только об убийстве. На вопрос адвокатов: « Угрожали ли вам работники СИЗО 99/1 в связи с тем, чтобы вы не давали показаний против ЮКОСа?» – Цигельник ответил отрицательно. А прежде он сообщал о подобных своих опасениях. Также защитники Алексея Пичугина спрашивали Цигельника, давали ли ему следователи распечатку, якобы, телефонных переговоров руководителей ЮКОСа, где шла речь о его физическом устранении? 22 мая 2007 года Цигельник затруднился с точным ответом на данный вопрос, а раньше отвечал утвердительно.*

Кроме того, в ответ на вопрос защиты Пичугина Цигельник сообщил, что после вынесения в отношении него обвинительного приговора, с 17 августа 2006 года по настоящее время (то есть, 22 мая 2007 года), в СИЗО 99/1 его посещали оперативные сотрудники, которые задавали вопросы об Алексее Пичугине. Эти вопросы, как сказал Цигельник, были «по другому делу, не по этому». Более подробных и точных пояснений свидетель не года по настоящее время (то есть, 22 мая 2007 года), *в СИЗО 99/1 его посещали оперативные сотрудники, которые задавали вопросы об Алексее Пичугине.* Эти вопросы, как сказал Цигельник, были «по другому делу, не по этому». Более подробных и точных пояснений свидетель не дал.

После таких слов Цигельника гособвинители заявили ходатайство, в котором попросили суд прервать допрос осужденного, мотивируя это усталостью. Это ходатайство было удовлетворено председательствующим Петром Штундером.

На следующий день, 23 мая 2007 года, на вопрос представителя гособвинения *Цигельник дал диаметрально*

противоположные показания в отношении Владимира Петухова, которые он никогда не давал.

В своей кассационной жалобе, адресованной в коллегию Верховного Суда РФ, в которой Цигельник оспаривал свое осуждение и квалификацию своих действий по статье 105 части 2 УК РФ («убийство двух или более лиц»), а также выступая по телемосту на заседании кассационной инстанции, Цигельник утверждал, что *заказ на Петухова был один: избить или ранить. То же самое Цигельник говорил на предварительном следствии.*

Однако на судебном заседании 23 мая 2007 года в ответ на вопрос прокурора Камиля Катаева *Цигельник стал говорить, что заказ был на избиение, ранение, а в конечном итоге – «убьете, так убьете».*

В связи с этим адвокат Алексея Пичугина Георгий Каганер заявил о проведенной с Цигельником беседе. «Я мог бы заявить об истребовании документов из СИЗО 99/1 о том, кто посещал Цигельника между вчерашним вечером и сегодняшним утром, но есть много способов не фиксировать такие посещения», – сказал защитник.

Сторона обвинения выразила свое несогласие с этим заявлением, после чего Цигельник продолжил дополнять свои показания фактами, о которых ранее никогда не упоминал.

В частности, *Цигельник заявил о том, что покушался с Решетниковым на Владимира Петухова, надев парики (между тем Решетников утверждал, что парики надевались при совершении преступления в отношении Евгения Рыбина).*

Кроме того, Цигельник сказал, что у Сергея Горина был брат, с которым он познакомился в 2000 году, когда ездил к Горину вместе с Горитовским. И у этого брата, якобы, были друзья в Камышине. Как сказал Цигельник: «Попов, а вторую фамилию забыл». Сразу после этого прокурор Кира Гудим задала свидетелю вопрос: «Знакома ли вам фамилия Приходько?» На что Цигельник ответил: «Да, вторая фамилия была Приходько».

Между тем раньше Цигельник утверждал, что фамилии Попов и Приходько ему неизвестны.

Владимир Шапиро в самом начале первого судебного процесса по второму уголовному делу Алексея Пичугина, 16 мая 2006 года, потребовал сделать его закрытым. Данное требование он мотивировал тем, что опасается за личную безопасность и жизнь членов своей семьи.

Алексей Пичугин, его защита и некоторые другие обвиняемые выступили против такой меры, которая, по их мнению, нарушила бы права подсудимых. Адвокаты Пичугина Ксения Костромина и Георгий Каганер призвали в сложившейся ситуации ограничиться

закрытием только тех заседаний, на которых будет давать показания сам Шапиро. Председательствующий судья Владимир Усов признал их доводы справедливыми, удовлетворив таким образом ходатайство Шапиро лишь частично.

Владимир Шапиро обвинялся в убийстве Валентины Корнеевой. Против него свидетельствовал муж Корнеевой Дмитрий Корнеев. Согласно показаниям этого свидетеля, в январе 1998 года его жена была застрелена на лестничной клетке их дома Владимиром Шапиро.

Подсудимый полностью признал свою вину и заявил, что раскаивается в содеянном.

На судебном заседании 24 мая 2007 года, в рамках повторного процесса по второму делу Алексея Пичугина, все показания, которые когда-либо давал Владимир Шапиро (в том числе на закрытом заседании Мосгорсуда летом 2006 года), были оглашены по ходатайству защиты Алексея Пичугина.

Как следует из всей совокупности оглашенных материалов, *Шапиро неоднократно и существенно изменял свои показания.* В разное время, с 2004 по 2007 годы, Шапиро по-разному отвечал на вопросы о роли в совершенных преступлениях всех фигурантов дела, включая его самого, Цигельника, Решетникова, Горитовского, Горина, а также Алексея Пичугина и Леонида Невзлина. *На допросе, проведенном в рамках закрытого судебного заседания Мосгорсуда летом 2006 года, Шапиро заявлял, что Алексея Пичугина и Леонида Невзлина не знал и никогда не видел, что непосредственным заказчиком убийства Валентины Корнеевой был Сергей Горин, а имена других заказчиков ему неизвестны. И что именно эти, его последние, показания следует считать соответствующими истине.*

В кассационной жалобе, адресованной в коллегию Верховного Суда, Владимир Шапиро говорил о том же. А также о том, что *следователи обещали ему «манну небесную» за лжесвидетельство против Пичугина и Невзлина.*

Однако во время повторного процесса *24 мая 2007 года Владимир Шапиро снова вернулся к версии Генпрокуратуры о том, что преступления ему заказывали Алексей Пичугин и Леонид Невзлин.*

Зато *на судебном заседании по делу Леонида Невзлина 18 апреля 2008 года Шапиро на вопрос адвоката Дмитрия Харитонова: «Может быть, вам пообещали поблажки в сроке за оговор Пичугина и Невзлина?» – ответил недвусмысленно: «Я не хочу, чтобы меня убили».*

«Твое дело подгонять музыку под ноты...» Похоже, слова Юлия Кима из «Суда над судьями», сказанные несколько

десятилетий назад, сегодня не просто не утратили остроты, но и, в соответствии с трендом «старые песни о главном», все чаще становятся руководством к действию.

«Черный дельфин»

14 июня 2007 года на повторном процессе по второму уголовному делу Алексея Пичугина в Мосгорсуде допросили Алексея Кондаурова. Это было сделано по ходатайству адвокатов, поскольку он возглавлял в ООО «ЮКОС-Москва» информационно-аналитическое управление – тогда же, когда Алексей Пичугин руководил отделом экономической безопасности нефтяной компании.

В 2007-м Алексей Кондауров был, можно сказать, человеком власти – депутатом Госдумы. И каждая его фраза в защиту этой властью гонимого наверняка изучалась «противной» стороной с особым тщанием. Но это не помешало Алексею Кондаурову сделать одно из самых громких на процессе заявлений в пользу подсудимого.

По словам Алексея Кондаурова, он знаком с Алексеем Пичугиным как по работе в ЮКОСе, так и по отзывам бывших коллег из ФСБ[48]. Как рассказал этот свидетель, о деловых и человеческих качествах Алексея Пичугина он слышал только хорошие отзывы, такого же мнения придерживается и сам.

«На меня он производил и производит впечатление порядочного человека. То, что Пичугину уже вынесен обвинительный приговор, моего отношения к нему не меняет», – сказал Алексей Кондауров. «У меня есть своя позиция на этот счет и я готов ее изложить, но Вы вряд ли станете слушать», – добавил он, обращаясь к Петру Штундеру.

Сам Алексей Пичугин от дачи показаний на повторном (как, впрочем, и на предыдущем) судебном процессе отказался, воспользовавшись 51-й статьей Конституции, предоставляющей право не свидетельствовать против себя. Годы незаконного преследования научили Алексея тому, что любое его слово может быть перевернуто с ног на голову и обращено против него.

Тем не менее, отказываясь давать показания, бывший сотрудник ЮКОСа подчеркнул, что его молчание вовсе не означает неуважения к суду.

Ох, уж это уважение!

«Виновным себя не признаю. Никаких преступлений не совершал», – заявил Алексей на судебном заседании 9 июля 2007 года.

«С потерпевшими по данному делу не знаком и не общался. Со “свидетелями” Цигельником, Решетниковым, Шапиро, Смирновым, Коровниковым никогда не встречался и даже не знал об их существовании. С Овсянниковым виделся один раз

случайно, в феврале 1998 года, когда он привозил мне на свадьбу торт», – также сказал Пичугин.

17 июля 2007 года в своем последнем слове Алексей Пичугин обратился к судье Петру Штундеру:

«Ваша честь! Вот уже пятый год я нахожусь в СИЗО за преступления, которые не совершал. За преступления, которые я не совершал, я осужден на двадцать лет. За преступления, которые я не совершал, обвинение в третий раз просит для меня пожизненное заключение. Кто бы тут зажигательные речи ни говорил, я снова повторяю, что никогда никаких преступлений не совершал. Очень прошу вас вынести объективный приговор».

Однако Петр Штундер призыву Алексея Пичугина не внял. Это был не Владимир Усов, постаравшийся не переступить черты и критикуемый иными поклонниками «твердой руки» за «мягкотелость». Да и Верховный Суд РФ в своем определении от 21 февраля 2007 года недвусмысленно указал ужесточить приговор.

Алексей Кондауров оказался прав: судья Штундер не заинтересовался не только его аргументами, но и многими другими доказательствами в защиту Алексея Пичугина. Не обратил внимания председательствующий и на очевидные нестыковки в построениях обвинения, вроде путаницы с париками, которые, якобы, непонятно, когда и где, надевали Цигельник и Решетников.

6 августа 2007 года Петр Штундер приговорил Алексея Пичугина к пожизненному заключению в колонии особого режима. На оглашение приговора ушло пять часов. Согласно его тексту, Алексей Пичугин «в неустановленном месте и в неустановленное время вступил в преступный сговор с Невзлиным и другими неустановленными лицами из руководства ЮКОСа» и организовал инкриминируемые ему преступления.

Приговор изобиловал цитатами из показаний Цигельника, Решетникова, Шапиро, Овсянникова (на предварительном следствии), а кроме них – Коровникова, Смирнова, Пешкуна, то есть, фигурантов первого уголовного дела Алексея Пичугина.

Немаловажным доказательством наличия «преступных» связей Петр Штундер счел тот факт, что Алексей Пичугин является крестным отцом сына Г ориных.

Показания Михаила Овсянникова в судебном процессе о том, что он лжесвидетельствовал против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина под давлением следствия, Петр Штундер счел не заслуживающими доверия. Аналогично он оценил показания Владимира Шапиро, в которых тот утверждал, что не знает Алексея Пичугина и Леонида Невзлина, что ему ничего не

известно о заказчиках преступлений. По утверждению судьи, Владимир Шапиро ранее не давал показаний против сотрудников ЮКОСа, потому что боялся репрессивных действий с их стороны. И заговорил только после предоставления ему государственной защиты.

Тот факт, что защита государства была предоставлена Шапиро еще в начале первого (а отнюдь не второго) судебного процесса по второму уголовному делу Алексея Пичугина, на котором тем не менее Шапиро не дал показаний против сотрудников ЮКОСа, Петр Штундер оставил без внимания.

Помимо этих показаний, текст приговора содержал утверждения, ранее не звучавшие в судебном заседании и вызвавшие удивление участников процесса и постоянных наблюдателей. В частности, Петр Штундер назвал несостоятельными, якобы, имевшие место утверждения адвокатов Алексея Пичугина о том, что Горин организовал преступления в отношении Владимира Петухова и Евгения Рыбина по собственной инициативе. Между тем (и это видно из материалов дела) адвокаты Алексея Пичугина никогда не делали подобных заявлений.

В тексте приговора, оглашенном Петром Штундером, мне бросились в глаза ошибки. Так, вместо фамилии «Овсянников» звучала фамилия «Овчинников». А полное название компании Евгения Рыбина “East Petroleum Handels GmbH”, неоднократно встречавшееся в тексте, судья всякий раз затруднялся произнести, будто видел его впервые.

Но кто же тогда писал судебное решение?

Услышав страшный приговор, Алексей не дрогнул. А через четыре дня после этого он написал письмо.

Это послание было адресовано мне, но посредством него Алексей обратился ко всем своим близким и просто сочувствующим людям.

«...Вот и закончился очередной этап этого кошмара, в котором волею судьбы нам приходится принимать участие. Да, 6 августа стал одним из самых тяжелых дней как для меня, так и для моих родных и близких. Вспоминаю эти долгие и грустные минуты и часы с содроганием... Так было нелегко смотреть на всех вас, мои дорогие, на ваши лица, ваши глаза, полные боли и разочарования... Но при этом я так вам всем благодарен за то, что так мужественно, с чувством собственного достоинства держались и своим спокойствием и стойкостью (представляю, что вам это стоило) помогли мне как можно спокойней перенести этот неправедный, незаконный и такой беспредельный приговор!.. Низкий

вам всем поклон! Неустанно молю Господа нашего о вас, мои дорогие, о вашем здоровье и благополучии! Держитесь, не падайте духом – это самое главное!

А как было приятно вчера повидаться с моими любимыми родными, дорогими моими мамой, [братом] Андреем и [сыном] Сашенькой! Их любовь, понимание, забота и оптимистический настрой поддержали и укрепили меня, так подняли настроение и отвлекли от плохих мыслей. <…>

Огромное спасибо всем хорошим, добрым людям, чьи поздравления с днем рождения и пожелания мне прислали! Мне это очень приятно! <…>

Как бы сейчас ни было тяжело и трагично, победа все равно будет за нами! Ведь правда, справедливость и добро на нашей стороне! А этот безумный приговор – не что иное, как признак слабости и страха, что вполне закономерно. Бог им судья!»

Ни жалоб, ни проклятий в адрес преследователей. И боль, в первую очередь, не за себя, а за близких.

«Что Вам сказал [на свидании] Алексей после приговора?» – спрашиваю я Аллу Николаевну.

«Он сказал: “Мама, береги себя. У меня все хорошо, за меня не волнуйся »[49].

О предстоящем рассмотрении кассационной жалобы защиты в Верховном Суде РФ:

«Алексей мало надеется на этот суд. Он мне сказал: “Мама, ты не надейся и не строй никаких иллюзий”. Он прекрасно понимает, что оправдательного приговора не будет, хотя доказательств вины как не было, так и нет»[50].

Рассказывает бывший сокамерник Александр Маркин:

«У меня с Алексеем Владимировичем практически все одинаково. Мы с ним одного, 1962, года рождения. Как он, я работал в службе безопасности банка и разных фирм. Количество эпизодов и статьи на нас “повесили” одинаковые. Свидетели как у Алексея Владимировича, так и у меня были из зоны и также по несколько раз меняли свои показания. Даже статья в Интернете есть, в которой нас вместе упоминают. Единственная разница в том, что у Алексея Владимировича в деле замешана большая политика, а у меня – поменьше.

Мне “светило” пожизненное заключение. Для того чтобы я с этим смирился, меня в ИЗ-99/1 “кидали” в камеры, в которых сидели люди, уже получившие “пыжика” – пожизненное заключение. 19 октября 2007 года в камеру № 304, где я содержался уже месяц, зашел Алексей Владимирович. К моему удивлению, не наигранно улыбчивый и уверенный в себе. Мы в камере уже знали, какой приговор у Алексея Владимировича.

Скажу честно, я подумал, что его перевели в нашу камеру для косвенного воздействия на мою психику. В этой камере мы находились вместе четыре месяца и 14 дней. Несмотря на обязательное недоверие – извините, тюрьма – мы подружились».

«Как проходил Ваш день?»

«Часов в камере не было, поэтому время я могу указать только приблизительно. Около 7 часов утра открывалась дверная форточка-“кормушка”, через нее дежурный по камере принимал на каждого по одной столовой ложке сахара, брусок хозяйственного мыла, нарезанного на четыре части, и по полбуханки черного хлеба – спецвыпечки для заключенных. Через некоторое время приходил ДПНСИ – дежурный помощник начальника следственного изолятора. Дежурный по камере должен был доложить ему, что в камере все нормально.

Про пищеблок лучше промолчу. Ели мы то, что передавали родные – в месяц разрешены две передачи по пять килограммов. И еще можно было купить продукты в ларьке.

Затем прогулка. А после нее начинались хождения по мукам. Вызывали на допросы и прочие следственные действия.

По камере дежурили все по очереди. Раз в неделю все вместе делали генеральную уборку.

Алексей Владимирович получал очень много писем от самых разных людей – и известных ему, и не известных. В основном это были письма поддержки. По его лицу было видно, насколько дорого ему содержание этих писем. В течение дня Алексей Владимирович писал несколько ответов. Иногда он откладывал письмо и шел молиться, затем, после молитвы, дописывал.

Еще в нашей камере был телевизор. Алексей Владимирович с большим удовольствием смотрел сериалы “Моя прекрасная няня”, “Солдаты”, “Уокер, техасский рейнджер”. Когда в сериале “Моя прекрасная няня” были смешные моменты, он смеялся радостно, как ребенок. А читал Алексей Владимирович в основном религиозную литературу».

«Бытует мнение, будто фигуранты “дела ЮКОСа” содержатся в привилегированных условиях. Это так?»

«Нет, это не так. Все камеры в ИЗ-99/1 примерно одинаковые, независимо от того, представитель ЮКОСа там сидит, Мавроди или любой другой человек. Различаются они только тем, что в одних сделан ремонт, а в других – нет.

Камера № 304 размером примерно шесть метров на три с половиной, потолки высокие, поскольку здание старой постройки. Перед выходом из камеры слева санузел – если его так можно назвать. Справа холодильник и выше телевизор.

Из Испании меня сразу отправили в эту камеру, и на свободу

я вышел тоже из нее. За десять месяцев моего пребывания в СИЗО во многих камерах сделали ремонт. В этой – нет. Почему – догадаться несложно: она напичкана прослушкой.

Единственная привилегия этой камеры в том, что в ней содержались обвиняемые по самым громким преступлениям в современной истории России. Не исключено, что те, кто продолжают расправу над ЮКОСом, через некоторое время тоже окажутся в этой камере.

Ни мобильный телефон, ни спиртное в ИЗ-99/1 пронести невозможно. Поэтому этот изолятор называют “подводной лодкой”».

«Рассказывал ли Вам Алексей Пичугин о своем уголовном деле?»

«Да. Он мне рассказывал, что дело против него сфабриковали. От него добивались согласия давать нужные для следствия показания на Невзлина и Ходорковского. Один раз, в 2003 году, ему сделали уколы и допрашивали в бессознательном состоянии. После этих уколов его самочувствие резко ухудшилось, он едва выжил. Долго Алексей Владимирович о своем деле говорить не мог, ему становилось не по себе. Он сказал, что на подлость никогда не пойдет».

«Насколько я поняла, Вы считаете Алексея Пичугина невиновным. Почему? Ведь есть вступивший в силу приговор суда».

«Да, я считаю Алексея Пичугина невиновным! Приговор вступил в силу по сфабрикованному делу, состязательности на суде не было, доводы защиты игнорировались. Свидетели обвинения на предварительном следствии и в суде давали противоречивые показания. Доказательств вины – ни прямых, ни косвенных – нет. И самое главное: ни те, кто фабриковал это дело, ни судья Штундер не убедили общество в том, что Пичугин виновен.

Я уверен, что дело Пичугина будет пересмотрено, и он будет освобожден. Дай Бог ему сил держаться».

«В начале нашего разговора Вы высказали мнение, что в деле Алексея Пичугина замешана большая политика. Что Вы имели в виду?»

«“Дело ЮКОСа” политическое – так считают в России и за рубежом. Если бы оно было просто уголовным, разве стали бы об этом говорить во всем мире? Путин, утверждая, что, якобы, помимо всего там еще и кровь была, тем самым давал обществу установку, как думать. А получилось, что он оправдывается.

Кровь, про которую говорил Путин, повесили на Пичугина,

чтобы еще больше очернить ЮКОС. Сейчас все те, кто участвовал в этой расправе, понимают, что они проиграли. И зубы они сломали об Алексея Владимировича Пичугина».

«Какое у Вас сложилось впечатление об Алексее Пичугине как о человеке?»

«В камере невозможно врать или притворяться. Так же невозможно скрывать свои человеческие качества. Все видно как на ладони. У меня об Алексее Владимировиче сложились самые добрые впечатления. Я очень уважаю его за мужество, смелость, стойкость, честность и неподкупность»[51].

31 января 2008 года коллегия Верховного Суда РФ отклонила жалобу Алексея Пичугина и его защиты на пожизненный приговор. Таким образом, он вступил в (здесь нужно бы написать «законную», но рука не поднимается) силу и обжалованию в России больше не подлежал. Впоследствии защита Алексея Пичугина обратилась с жалобой на несправедливое судебное разбирательство в Европейский суд по правам человека.

Сам Алексей Пичугин в заседании кассационной инстанции не участвовал, поскольку заранее написал заявление, что не видит в этом смысла. Его интересы представляли адвокаты Георгий Каганер, Ксения Костромина и Дмитрий Курепин.

С тех пор для семьи Пичугиных потянулись томительные дни ожидания. Когда и куда отправят Алексея? Заранее эта информация не разглашается. Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) только постфактум уведомляет официальным письмом близкого родственника осужденного о его этапировании. Почти каждый день адвокаты Алексея шли в СИЗО «Матросская тишина», не зная при этом, застанут ли на месте своего подзащитного.

А родные осужденного отчаянно надеялись на чудо. Ведь на дворе стоял 2008, выборный, год, которого многие ждали так долго и связывали с ним уход с политической арены Владимира Путина…

Всего колоний для пожизненников в России пять. То ли из-за черного юмора тамошних сотрудников, то ли по каким-то другим причинам, эти учреждения носят поэтические названия. «Белый лебедь» в Пермской области, «Полярная сова» в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа, «Черный дельфин» в Соль-Илецке под Оренбургом, уже упоминавшийся «Вологодский пятак» на острове Огненный и «Ивдель» в Свердловской области.

Режим в этих, как и в остальных, колониях регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом РФ.

Размещение в камерах, как правило, по два человека. В течение года – два краткосрочных свидания, одна посылка или

передача. Ежедневная прогулка продолжительностью полтора часа.

Журналистские публикации живописуют ужасы этих мест, и предпринятый мною поиск в Интернете дал богатую пищу для размышлений. Друзья тоже старались поделиться со мной найденными ссылками.

Особо сильное впечатление на меня произвела статья «Поза “Ку”» о колонии «Черный дельфин», вышедшая в газете «Известия» 27 июня 2002 года. Зная журналистскую «кухню» изнутри, я тем не менее была глубоко шокирована – больше даже не тем, *что* в этом материале описано, а тем, *как* это описано. У меня возникло ощущение, будто автор, Дмитрий Соколов-Митрич, смакует отталкивающие подробности чуть ли не с наслаждением. Что-то в этом было от стремления фотографа-папарацци показать картинку с места страшной катастрофы покрупнее да понатуралистичнее. Вероятно, именно по этой причине я до сих пор, по прошествии нескольких лет, не могу избавиться от чувства парализующего, почти животного ужаса от этой публикации.

4 марта 2008 года в пять утра я внезапно, как от толчка, проснулась и сразу почувствовала тревогу.

Уснуть больше не смогла. Списала это на нервное напряжение последних дней.

А утром 5 марта адвокаты Алексея Пичугина как обычно пришли к нему на свидание в «Матросскую тишину». Семья принесла передачу. Но Алексея в следственном изоляторе уже не оказалось. Как выяснилось, его перевели куда-то еще накануне.

Начальника учреждения расспросить не удалось: сотрудники говорили, что его нет на месте. О том, куда делся осужденный работник ЮКОСа, никто не сообщал.

Между тем, официальный предстатель ФСИН опроверг появившуюся в СМИ информацию об этапировании Алексея Пичугина в колонию.

Адвокаты разослали в соответствующие инстанции телеграммы с запросами, пришли подтверждения об их вручении. Однако ответов по-прежнему не было.

В неведении, где Алексей, пребывали и его родственники.

Эта ситуация мучительной неопределенности и бесплодных поисков растянулась на восемь суток.

Только 12 марта Алла Николаевна получила официальное письмо, которым ФСИН уведомляла об отправке ее сына в колонию. Как затем выяснилось, еще с 6-го числа Алексей Пичугин находится в ФБУ ИК-6 города Соль-Илецк Оренбургской области – «Черном дельфине».

Официальный представитель ФСИН сказал журналистам неправду.

Доставлен в пункт назначения заключенный был обычным рейсом пассажирского самолета «Москва – Оренбург» под конвоем. Позже Алексей рассказывал, что после пяти лет пребывания в тесных камерах и клетках при виде большого пространства и множества людей у него закружилась голова.

Материализация моих страхов, навеянных статьей Дмитрия Соколова-Митрича, поразила меня до глубины души.

Соль-Илецк – небольшой город, расположенный в Оренбургской области, в 64 километрах от Оренбурга, в степи, на границе России и Казахстана. Добраться туда из областного центра можно железной дорогой или автотранспортом.

Первая часть названия города говорит о главном природном богатстве тех мест – соли, разработка месторождения которой велась там с давних пор. Расположение залежей близко от поверхности земли позволяло народам западного Казахстана и Южного Урала (казахам, башкирам, татарам и другим) добывать соль без особых затруднений с помощью простейших орудий труда.

Вторая часть названия города указывает на реку, находящуюся поблизости, – Илек, левый приток Урала.

В 1754 году была построена крепость «Илецкая защита». В 1865 году появилось название «безуездный город Илецк». В 1926 году этот населенный пункт стал поселком городского типа, а в 1945 году – городом Соль-Илецком.

В Соль-Илецком районе выращивают зерновые, масличные, бахчевые культуры (арбузы, дыни, тыквы), фрукты, ягоды, овощи. Разводят крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей. Климат там континентальный, что выражается в резких сезонных колебаниях температуры воздуха, а также в малом количестве атмосферных осадков. Подчас сорокаградусные морозы в Соль-Илецке зимой сменяются такой же жарой летом.

Имеется машиностроительный завод ОАО «Завод Соль-Илецкмаш», предприятия по ремонту сельскохозяйственной техники. Пищевая промышленность представлена соледобывающим предприятием ОАО «Илецксоль».

Однако главная достопримечательность Соль-Илецка – комплекс соленых и грязевых озер, которые по целебным свойствам местные жители с гордостью сравнивают с Мертвым морем в Израиле.

Так что, по странной иронии судьбы, крупнейшая в России колония для осужденных к пожизненному лишению свободы на

1600 человек расположилась в городе-курорте, куда ежегодно приезжают тысячи людей, чтобы поправить свое здоровье и просто отдохнуть.

Крепость в Соль-Илецке появилась еще в XVIII веке, незадолго до восстания Емельяна Пугачева. Исторические источники повествуют, что ее строительство начал сотник-казак, которому под охрану передали четырех каторжан. Они и начали возведение крепости, одновременно работая на соляных шахтах. Позже, во время пугачевского бунта, сподвижник Емельяна Пугачева Хлопуша освободил каторжан, а крепость сровнял с землей.

Но сама идея строительства узилища для преступников, осужденных за тяжкие грехи, осталась. После подавления пугачевского восстания в этих краях возникла потребность в остроге для ссыльных разбойников. Императрица Екатерина II ознакомилась с планом местности и подписала указ о возведении крепости.

Каторжане трудились на соляных копях.

Были в Соль-Илецке и пересыльная тюрьма, и больница для заключенных-туберкулезников, и последнее пристанище осужденных-смертников.

Официальное название колонии в настоящее время – ФБУ ИК-6 УФСИН России по Оренбургской области. В ней содержатся примерно 650 человек, причем не только пожизненные осужденные, но и заключенные с общим режимом и живущие в специальных поселениях.

Количество персонала – около 900 человек.

Свое неофициальное наименование, «Черный дельфин», учреждение получило из-за скульптур дельфинов черного цвета, установленных в фонтанах на территории колонии. Их придумал и изготовил из папье-маше один из заключенных. Название прижилось и вошло в историю.

В коридорах на дверях каждой из камер указано, кто там сидит и в совершении каких преступлений признан виновным.

В камерах – решетки, которые отделяют заключенных от входной двери и от окна. Зэки открывают окно сами специальной палкой. Железные кровати, скамейки, на которых в течение дня сидят осужденные. Сидеть и тем более лежать на кровати днем запрещено. Есть раковина, унитаз.

Из мебели, кроме кроватей и скамеек, – стол, полочки. На них – пластмассовые кружки и деревянные ложки. Все металлические предметы в колонии запрещены по соображениям безопасности.

Заключенные могут пользоваться библиотекой, иметь при

себе определенное количество книг и другую печатную продукцию.

Есть радиоточка.

Осужденные обязаны спать головой к двери, не накрывая лица и при довольно ярком освещении.

Перемещаются осужденные внутри здания колонии – например, на прогулку – нагнувшись вперед, опустив лицо вниз, с застегнутыми наручниками на спине руками и с завязанными глазами. Точно так же доставляют в «Черный дельфин» вновь прибывших арестантов. Считается, что благодаря этим мерам, заключенные не смогут сориентироваться на местности и совершить побег.

При выводе на прогулку одного осужденного сопровождают как минимум двое охранников.

Свидания с родственниками – тоже через решетку и с руками в наручниках.

Пожизненники обязаны носить форменную одежду – темно-синюю или черную робу с тремя белыми полосками на рукаве и штанах. На спине у каждого написано: «ПЛС», что значит – «пожизненное лишение свободы».

Некоторые заключенные работают: шьют солдатские полуботинки, кроссовки и домашние тапочки. Вся выпущенная колонией обувь распространяется под маркой «Оренбург», а на подошве изображен логотип в виде маленького дельфина.

Снаружи здания колонии – чистота, красота и порядок. Асфальтированные дорожки, все покрашено, побелено, разбиты клумбы, высажены деревца.

Я намеренно не вдаюсь в книге во все те жутковатые подробности о «Черном дельфине», которые так любят повторять журналисты. Желающие без труда найдут их в Интернете.

О первом времени Алексея Пичугина в ФБК ИК-6 мне рассказала мать бывшего его сокамерника по этой колонии – осужденного С., со слов сына.

Сразу после прибытия сотрудника ЮКОСа, как и полагается, поместили на две недели в карантин, где от него требовалось изучить принятые в колонии порядки. Затем заключенный попал в камеру к С.

В течение месяца Алексей молчал. Точнее, произносил только рапорт при проверках надзирателями камеры, как предписывают правила внутреннего распорядка учреждения.

Писем от Алексея никому не было до 21 марта. В тот день первое известие от сына получила Алла Николаевна. Впоследствии я тоже дождалась его ответа на свои письма и

телеграмму.

«Сегодня 21 марта – пятница, – писал мне Алексей Пичугин. – *Несколько дней назад (во вторник) получил первую весточку на новом месте обитания. Это была Ваша такая теплая и жизнеутверждающая телеграмма, которую Вы отправили мне 13.03! Не буду описывать, сколько радости она принесла мне, сколько положительных эмоций и сил! Вы ведь это и сами хорошо понимаете. От всей души благодарю Вас!..*

И хочу сказать, что духом не падаю и ни на секунду не теряю уверенности в том, что все встанет на свои места, что справедливость и здравый смысл сильнее лжи, злобы и подлости. А значит, победа будет за нами! <…>

За меня особенно не тревожьтесь, я в порядке. Уповаю на Господа и свято верю в то, что Он поможет нам! Берегите себя, не болейте, верьте и думайте только о добром».

Невероятно и парадоксально! Это он оттуда, из «Черного дельфина», меня, находящуюся в Москве и на свободе, подбадривает и утешает.

Впоследствии уже упоминавшийся заключенный С. из ФБУ ИК-6 писал об Алексее Пичугине:

«…Мы пробыли некоторое время с Алексеем, после того, как он уехал из Москвы в начале марта [2008 года], и вместе близко сошлись по-человечески (система накладывает свой формальный отпечаток, поэтому подчеркиваю, что именно по-человечески).

После этого Алексея вновь, против его желания, увезли в Москву[52] *Против желания – потому, что увезли не для решения дела по существу, а для участия в очередном политическом фарсе.*

И когда мы с Алексеем ежедневно и весьма насыщенно общались, иногда по 24 часа в сутки, тет-а-тет, в частности, перманентно всплывала тема литературы. Лет семь тому, как я сам более или менее регулярно занимаюсь литературным творчеством…

Я нахожусь в пенитенциарной системе десять лет… и впервые почувствовал человека, который адекватно воспринимает выражаемые мной идеи».

Похоже, душевные качества Алексея Пичугина таковы, что он действительно не может не вызывать уважение и расположение окружающих, очень разных людей, где бы ни оказался.

«Я оговорил Пичугина и Невзлина»…

21 апреля 2008 года на заседании Мосгорсуда по делу Леонида Невзлина один из двух главных свидетелей обвинения Геннадий Цигельник отказался от своих прежних показаний. Он заявил, что оговорил Леонида Невзлина и Алексея Пичугина под давлением следствия в обмен на поблажки в сроке заключения.

«Я оговорил Пичугина и Невзлина по просьбе следователей Генеральной прокуратуры Буртового, Банникова, Жебрякова и оперативного работника Смирнова. Я заключил сделку с Буртовым 4 мая 2005 года, – сообщил суду Цигельник. – Мне обещали защиту и минимальный срок, а дали максимальный»[53].

Геннадий Цигельник пояснил, что в 2005 году следователь Юрий Буртовой продемонстрировал ему видеозапись, на которой зафиксированы ложные показания Евгения Решетникова против представителей ЮКОСа и порекомендовал поступить так же.

После этого Цигельник, по собственному признанию, стал давать нужные Генпрокуратуре показания.

Цигельник рассказал, что представители Генеральной прокуратуры посещали его с указаниями всякий раз перед допросом в суде по делу Пичугина. А также – по делу Невзлина 14 апреля 2008 года.

Как сообщил Цигельник, на самом деле он *никогда не знал ни Алексея Пичугина, ни Леонида Невзлина,* а впервые услышал о них только от следователя Буртового.

Геннадий Цигельник заявил, что решил отказаться от лжесвидетельства против ЮКОСа, так как данные ему в рамках «сделки» обещания Генпрокуратура не выполняет.

Сходные признания сделал и Евгений Решетников. Правда, этот осужденный не назвал себя открыто лжесвидетелем. Но, по его словам, следователь Буртовой ему рассказал, будто Леонид Невзлин и Алексей Пичугин – заказчики преступлений, а потом посоветовал дать «правдивые показания»[54]. И Решетников последовал рекомендации.

Эти признания, объясняющие все противоречия в показаниях Цигельника и Решетникова и полностью согласующиеся с доказательствами стороны защиты, были сделаны в присутствии журналистов и стали настоящей информационной «бомбой». Комментаторы заговорили о полном развале дела Леонида Невзлина в суде и о необходимости пересмотра пожизненного приговора Алексею Пичугину по новым обстоятельствам, коими явилось саморазоблачение лжесвидетелей.

Однако ничего подобного не произошло. Судья Валерий

Новиков, председательствовавший на процессе Леонида Невзлина, постановил: признания Цигельника в лжесвидетельстве считать недостоверными. Показаний Решетникова о Буртовом он «не заметил» вовсе.

Алексея Пичугина вернули в «Черный дельфин», а Леонида Невзлина осудили на пожизненное заключение – фактически без свидетелей и заочно.

Он свободен

Начиная писать эту книгу, я обратилась к Алексею Пичугину с просьбой разрешить цитировать в ней его письма. Согласие Алексей мне дал, но в письмах от 1 мая и 8 апреля 2011 года написал:

«Возвращаясь к Вашей книге, хочу попросить Вас о том, чтобы Вы ни в коем случае не идеализировали меня в ней.

<…>

До сих пор еще не свыкся с этой мыслью [что будет выпущено в свет такое издание]… С одной стороны – настолько рад этому!.. Но с другой – ничего особенного во мне как в человеке нет, трезво оцениваю свои сильные и слабые стороны, свою биографию, достижения (если можно так выразиться)».

Позволю себе не согласиться с этим утверждением.

Конечно, история Алексея уникальна. И отнюдь не потому, что таких историй больше нет, а потому, что таких людей чрезвычайно мало.

«Здесь они [те, кто сфабриковал дело Алексея Пичугина] столкнулись с личностью совершенно удивительных свойств, – поделился со мной своим мнением Леонид Невзлин в одном из интервью. – Я снимаю перед Пичугиным шляпу.

У меня очень специальное, сложное отношение к сотрудникам спецслужб, в том числе и бывшим, у меня очень сложное личное специальное отношение к людям очень религиозным, а он таким является. И к православному христианству у меня, не буду скрывать, специальное отношение.

Но вдруг в лице Пичугина я вижу исключение из всех правил, в хорошем смысле исключение. Из всех правил, которые у меня возникли, по восприятию других людей такого типа. Это настолько удивительное исключение, он настолько чистый, мужественный и истинно верующий человек, что я – еще раз повторю – просто снимаю шляпу»[55].

Все, с кем в ходе работы над рукописью мне удалось поговорить о Пичугине, кто знает Алексея лично или познакомился с ним по переписке, в один голос утверждают об удивительной стойкости этого человека, источником которой, прежде всего, служит его вера в Бога. А также – о способности бывшего сотрудника ЮКОСа, невзирая на собственное положение, глубоко и искренне сопереживать другим.

Так, приговор по второму уголовному делу Михаила Ходорковского и Платона Лебедева[56], по характеру которого некоторые наблюдатели пытались строить прогнозы о

возможности в России политической «оттепели», Алексей, как вспоминают его адвокаты, воспринял тяжело. Однако в письме ко мне от 2 января 2011 года, то есть всего через два дня после вынесения судебного решения, он написал не о крушении надежд на собственное скорое освобождение, а о сочувствии близким осужденных и своей неизменной вере в торжество справедливости:

«Не сомневаюсь в этом даже на фоне преступления, совершенного на днях в Хамовническом[57]*... Не буду развивать эту тему дальше, не хочу портить праздничного настроения, при этом искренне и глубоко верю в торжество справедливости и закона! Это лишь дело времени, будем держаться, бороться, не унывать, все обязательно встанет на свои места! Дай Бог! По возможности передавайте слова поддержки и понимания Марине Филипповне и Борису Моисеевичу1, всем-всем, кто близок и дорог нам! Держитесь, пожалуйста! Еще не вечер! Договорились?! И берегите себя, пожалуйста!»*

Последняя фраза в письме подчеркнута.

И еще, в письме от 13 января:

«Глубоко, так близко и искренне сопереживаю, прежде всего, Марине Филипповне и Борису Моисеевичу... Хорошо понимаю и чувствую их боль».

Умение Алексея Пичугина сопереживать любому, терпящему страдание, а не только своим близким или знакомым – «дефицитное» в наши дни качество.

Например, 26 марта 2011 года, в ответ на ранее отправленную мною бандероль с книгами, в числе которых был сборник японской поэзии, он писал:

«Предвкушаю удовольствие и позитив от стихотворных произведений искусства Японии, особенно в свете происходящих событий там[58]*... Преклоняюсь перед мужеством, стойкостью и сплоченностью этих удивительных людей! Болею за них. Не сомневаюсь, что они с честью выйдут из этих серьезнейших испытаний! Дай Бог!»*

Известный журналист, много пишущий на темы прав и свобод человека в России, Зоя Светова так отзывалась о личных качествах Алексея и источнике его уверенности в лучшем исходе :

«...То, что людей держит в тюрьме, то, что им дает силы выжить – это, конечно, вера. Я переписываюсь с Алексеем Пичугиным, это человек, который работал в ЮКОСе и которому дали пожизненный срок. Но, по моим ощущениям, и я много писала о нем, это человек невиновный.

Меня потрясают его письма. Я, кстати, посылала ему “Надежду”, мамины[59] сборники, и он меня очень благодарил. И

послала книгу, где она описывает свой тюремный опыт в “Лефортово”, именно православный, христианский опыт. И вот эта вера его держит там. Он очень благодарит и пишет: “Как вы там живете?”, “Берегите себя”, “Думайте о себе”. То есть человек выживает, благодаря Богу, благодаря книгам, это очень важно».

Эту точку зрения разделяет и бывший сокамерник Алексея Александр Маркин:

«Он много молится. А раз он замечен Господом Богом, он будет свободен»[60].

Я сказала бы: он и сейчас, в отличие от своих преследователей, свободен. От обуревающих их страха и ненависти, от отчаяния. Невзирая ни на какие оковы, которые обязательно, как много лет назад написал поэт, рухнут, – свободен.

Приложения

Справка о деле Алексея Пичугина

Факты биографии, профессиональная деятельность

Алексей Владимирович Пичугин родился 25 июля 1962 года в городе Орехово-Зуево Московской области, а детство провел в Ногинске Московской области.

С ранних лет он мечтал о карьере военного и после окончания школы № 3 Ногинска в 1979 году поступил в Новосибирское высшее военное командное училище (НВВКУ) МВД СССР.

По окончании учебы в 1983 году Алексей Пичугин проходил службу в воинской части Министерства внутренних дел в городе Краснозаводск Московской области.

В 1986 году Алексей Пичугин поступил на высшие курсы военной контрразведки (ВКВК КГБ СССР) в Новосибирске и после успешного завершения обучения перешел на работу в органы государственной безопасности.

С 1987 года по 1994 год Алексей Пичугин работал в Управлении военной контрразведки КГБ.

В общей сложности Алексей Пичугин посвятил 15 лет своей жизни защите интересов государства на службе в вооруженных силах и российских спецслужбах.

Награждался за безупречную службу в органах МВД и ФСБ России.

В 1994 году после многочисленных реорганизаций спецслужб России Алексей Пичугин в звании майора уволился из ФСБ.

После увольнения из ФСБ Алексей Пичугин перешел на работу в службу безопасности банка «МЕНАТЕП».

В 1998 году, после приобретения банком «МЕНАТЕП» нефтяной компании «ЮКОС», Алексей Пичугин перешел на работу в НК «ЮКОС» и возглавил отдел внутренней экономической безопасности в составе службы безопасности компании. На этой должности Алексей Пичугин осуществлял защиту имущества компании и занимался борьбой с воровством и хищениями на предприятиях компании. Коллеги по работе отзываются об Алексее как о настоящем профессионале, требовательном и справедливом руководителе.

Алексей Пичугин имеет трех сыновей, младшему из которых, Сергею, на момент ареста отца было всего пять лет.

Функции отела экономической безопасности

1. Выявление лиц среди персонала, использующих свое служебное положение в корыстных целях, наносящих

материальный ущерб Компании.

2. Определение функциональных узлов Компании, где наиболее вероятна возможность нанесения значительного материального ущерба Компании, и организация контроля в этих местах. Выявление на этих участках лиц, ставших на путь нанесения материального ущерба Компании путем финансовых и иных злоупотреблений, воровства, взяточничества и других подобных действий.

3. Используя информацию правоохранительных органов, самостоятельно и во взаимодействии с ними проведение активных мероприятий по разоблачению и последующему привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные действия.

4. Проверка контрагентов при заключении договоров и организаций, работающих на условиях аутсорсинга.

5. Взаимодействие с контрольно-ревизионным управлением Компании по выявлению и проверке финансовых и других нарушений и злоупотреблений в подразделениях Компании и принятие мер к их пресечению.

6. Проверка персонала при приеме на работу.

7. Выявление и предотвращение утечки служебной информации о деятельности Компании.

8. Осуществление контроля за соблюдением режима и охраны на объектах Компании.

9. Проведение служебных расследований по фактам нарушений и злоупотреблений, допущенных сотрудниками Компании[61].

Даты взятия под стражу, вынесения приговоров и других важных процессуальных решений

Арестован 19 июня 2003 года.

Приговор по первому делу вынесен 30 марта 2005 года. 14 июля 2005 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим определением оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу защиты – без удовлетворения.

Первый приговор по второму делу был вынесен 17 августа 2006 года. Федеральный судья Московского городского суда Владимир Усов приговорил Алексея Пичугина к 24 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Суд постановил исчислять срок отбывания наказания с учетом вынесенного 30 марта 2005 года приговора (20 лет заключения в колонии строгого режима). Таким образом, Владимир Усов добавил к уже назначенному сроку четыре года.

21 февраля 2007 года Судебная коллегия по уголовным

делам Верховного Суда РФ своим определением отменила этот приговор, а дело вернула в ту же инстанцию на новое рассмотрение, в ином составе суда.

Второй приговор по второму делу был вынесен 6 августа 2007 года. Федеральный судья Московского городского суда Петр Штундер приговорил Алексея Пичугина к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в колонии особого режима.

31 января 2008 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим определением отказала в удовлетворении кассационной жалобы Пичугина и его защиты на приговор Московского городского суда от 6 августа 2007 года.

Статьи УК по которым был осужден

Приговором суда присяжных Московского городского суда от 30 марта 2005 года в составе председательствующей судьи Натальи Олихвер и коллегии присяжных заседателей Алексей Пичугин признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. п. «б, е, ж, з» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 33, п. п. «а, ж, з, к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Приговором Московского городского суда от 6 августа 2007 года Алексей Пичугин признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, п. п. «а, б, е, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. п. «а, б, е, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ни по одному пункту этих обвинений Алексей Пичугин своей вины не признал.

Жалобы на несправедливое судебное разбирательство осужденного и его защиты ждут своего рассмотрения в Европейском суде по правам человека.

Существо дела

В рамках первого дела Алексей Пичугин был признан виновным в организации (якобы в интересах компании ЮКОС) убийства в 2002 году тамбовских бизнесменов Сергея и Ольги Гориных. А также в 1998 году – покушения на главу Управления по общественным связям мэрии Москвы Ольгу Костину и разбойного нападения и покушения на управляющего компании «РОСПРОМ» Виктора Колесова.

В рамках второго дела Алексей Пичугин был признан виновным в организации убийств в 1998 году мэра Нефтеюганска Владимира Петухова и директора московской торговой фирмы «Феникс» Валентины Корнеевой, а также организации покушений

в 1998 и 1999 годах на управляющего австрийской компании «Ист Петролеум Ханделс» Евгения Рыбина. По версии гособвинения, поддержанной судом, Алексей Пичугин действовал, руководствуясь поручением вице-президента ЮКОСа Леонида Невзлина.

Основания, позволяющие утверждать о неправосудности судебных решений и фальсификации доказательств обвинения

Первое дело: убийство(?) без трупов

В убийстве Ольги и Сергея Гориных, в организации которого виновным признали Алексея Пичугина, было очень много странного. Отсутствовали трупы убитых, не все было ясно и с результатами экспертиз, проведенных на месте преступления. Первое исследование, сделанное в Тамбове, установило, что кровь и мозговое вещество, найденные в доме, во дворе и в гараже супругов, принадлежат не Гориным. И только повторное изучение образцов, проведенное спустя значительное время в Москве, показало, будто группы крови совпадают. При этом пакет с, предположительно, мозговым веществом, был заменен, что запрещается.

Потерпевший Виктор Колесов, давая показания в суде, вообще выразил сомнения в том, что его хотели убить и что к этому имел отношение Алексей Пичугин. (5 октября 1998 года неизвестные избили Колесова до потери сознания и ограбили его на 2000 долларов.)

Не менее туманны и обстоятельства покушения на Ольгу Костину, организацию которого также вменили в вину Пичугину. Взрывное устройство было заложено у дверей квартиры ее родителей крайне непрофессионально: преступники не сочли нужным убедиться, на месте ли жертва. Никакого ущерба людям и квартире взрыв не причинил. По свидетельству соседа, выступившего на судебном процессе Леонида Невзлина, Ольга Костина бывала у своих родителей редко.

Примечательно, что до ареста Алексея Пичугина в 2003 году ни Костина, ни Генпрокуратура не усматривали связи между взрывом и ЮКОСом. Однако в 2003 году прокуратура неожиданно заявила, что руководство ЮКОСа решило таким образом отомстить бывшей коллеге за нежелание лоббировать интересы компании в мэрии. «Вспомнила» об этом и сама Костина.

Вскоре после дачи таких показаний карьера Ольги Костиной пошла в гору, она стала членом Общественной палаты, советником директора ФСБ на общественных началах и возглавила правозащитную организацию «Сопротивление».

Впрочем, правозащитники Ольгу Костину своей коллегой не считают.

Ее муж, Константин Костин (тоже свидетельствовавший против Алексея Пичугина, а впоследствии и Леонида Невзлина), назначен руководителем одного из отделов администрации президента РФ и заместителем руководителя ЦИК партии «Единая Россия».

По словам адвоката Алексея Пичугина Георгия Каганера, во время судебного процесса защите запрещали выяснять обстоятельства, которые давали бы основания прийти к выводу о том, что подзащитный не совершал преступления. Заседания суда проходили в закрытом режиме, хотя на них не было оглашено ни одного секретного документа.

Странен и факт роспуска первой коллегии присяжных, склонявшихся к оправдательному приговору. Заседатели же из второго состава находились, по мнению Алексея Пичугина и его адвокатов, под влиянием Генеральной прокуратуры РФ.

Прокуратура скрыла от защиты и от присяжных, что главный «свидетель» обвинения Игорь Коровников осужден на пожизненное заключение за восемь убийств, пять изнасилований (в том числе малолетних), похищения людей, изготовление взрывных устройств и другие преступления.

При проведении предварительного следствия по этому уголовному делу со стороны Генпрокуратуры и ФСБ были допущены существенные и грубые нарушения международных обязательств в области прав человека, принятых на себя Россией.

В нарушение требований статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию») 14 июля 2003 года, во время содержания в камере СИЗО ФСБ «Лефортово», Алексей Пичугин был выдан двум неизвестным лицам, предположительно сотрудникам ФСБ. Эти лица в кабинете для допросов сделали Алексею Пичугину инъекцию неизвестного вещества, а затем «допрашивали» его – находящегося в забытьи – в течение шести часов.

Несмотря на чрезвычайно плохое самочувствие Алексея Пичугина и категорические требования его адвокатов, руководитель следственной группы Ю. А. Буртовой отказал в проведении немедленного медицинского освидетельствования заключенного на предмет применения к нему психотропных средств. Обследование было проведено более чем неделю спустя, что было уже бессмысленно.

Результатом воздействия химических препаратов стали провалы в памяти, головные боли, галлюцинации, повышенное артериальное давление, перепады психического состояния, сильнейший фурункулез, повышенная температура. Алексей Пичугин потерял около тридцати килограммов веса, а на его голове образовались шишки, не исчезнувшие до сих пор.

Второе дело: все показания «свидетелей» обвинения – с чужих слов

В ходе разбирательства второго уголовного дела судья Петр Штундер отметал доказательства, не вписывающиеся в обвинительную концепцию. В частности, не учтены показания осужденного Михаила Овсянникова, который заявлял, что следователи Генпрокуратуры заставили его лжесвидетельствовать против Алексея Пичугина, применяя психологическое и физическое давление. Овсянников болен гидронефрозом почек, и, согласно показаниям этого свидетеля в суде, оказание ему медицинской помощи ставилось в прямую зависимость от «нужных» признаний.

Суд проигнорировал показания свидетеля Алексея Кондаурова, возглавлявшего информационно-аналитическое управление ООО «ЮКОС-Москва». Кондауров заявлял, что Алексей Пичугин подчинялся начальнику службы безопасности ЮКОСа Михаилу Шестопалову и не мог получать указаний от Леонида Невзлина.

Судья Петр Штундер отказал в проведении почерковедческой экспертизы записки с адресом потерпевшего Евгения Рыбина, приписываемой обвинением Алексею Пичугину, которая способствовала бы установлению истины. По версии обвинения, Алексей Пичугин передал эту записку киллерам, Геннадию Цигельнику и Евгению Решетникову.

Главные «свидетели» обвинения, осужденные Цигельник и Решетников, давали показания о причастности Пичугина и Невзлина к преступлениям со слов третьих лиц – Горина и Горитовского. Проверить, действительно ли те говорили приписываемые им слова, невозможно (Горитовский убит, а Горин вместе с женой исчез).

21 апреля 2008 года на судебном процессе по делу Леонида Невзлина Геннадий Цигельник отказался от этих своих показаний. Выступая в качестве свидетеля, он заявил: «Я оговорил Пичугина и Невзлина по просьбе следователей Генеральной прокуратуры Буртового, Банникова, Жебрякова и оперативного работника Смирнова. Мне обещали защиту и минимальный срок, а дали максимальный».

Не конкретизированы место и время преступлений, в приговоре указано, что Алексей Пичугин вступил в преступный сговор «в неустановленном месте» и «в неустановленное время» с Леонидом Невзлиным «и другими неустановленными лицами из руководства ЮКОСа».

Не учтено, что у Алексея Пичугина отсутствовали мотивы для совершения преступлений. Утверждения гособвинения о том, что ЮКОСу были выгодны эти преступления, не подтверждаются материалами дела.

Политическая подоплека

С Алексеем Пичугиным, согласно его показаниям 23 апреля 2008 года на судебном процессе по делу Леонида Невзлина, не единожды беседовали сотрудники Генеральной прокуратуры и склоняли его к лжесвидетельству против некоторых руководителей и совладельцев компании ЮКОС, в частности, Леонида Невзлина.

Впервые такое прямое предложение о даче ложных показаний поступило от следователя Банникова в кабинете № 8 СИЗО «Лефортово» в апреле 2004 года, где Алексей Пичугин знакомился с материалами дела.

Как сообщил Алексей Пичугин, Банников явился к нему после ухода адвокатов.

«Он сказал, что знакомиться с этим “мусором” (материалы дела) не имеет никакого резона, и я как бывший сотрудник органов должен это понимать. Он сказал, что я лично, как Пичугин, никого не интересую. Дело политическое, и интересуют Невзлин, Ходорковский и другие совладельцы нефтяной компании. Какие бы прекрасные адвокаты меня ни защищали, исход дела предопределен», – сообщил Алексей Пичугин.

Алексей Пичугин отказался принять это предложение, но спустя год, 4 июля 2005 года, следователь повторил его.

«Перед этим была еще одна беседа с начальником управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел Владимиром Лысейко. Он требовал дать показания против Леонида Невзлина, Михаила Ходорковского, Михаила Брудно и других руководителей компании. В противном случае, он сказал, что меня ждет пожизненное заключение, а в случае согласия меня вывезут за границу и будут охранять, включат систему защиты свидетелей», – рассказал Алексей Пичугин.

Алексей Пичугин подчеркнул, что с очередным предложением о лжесвидетельстве к нему обратился государственный обвинитель Камиль Кашаев в июле 2007 года в

зале Мосгорсуда во время перерыва в судебном заседании (в присутствии конвоя!).

Мнения о том, что дело Алексея Пичугина – политическое, придерживаются многие известные правозащитники, общественные деятели и авторитетные международные организации.

Из доклада Сабины Лойтхойзер-Шнарренбергер, спецдокладчика Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), «Политически мотивированные судебные процессы в странах Европы» от 23 июня 2009 года:

Еще одно связанное с ЮКОСом судебное преследование, которое закончилось приговором к пожизненному лишению свободы, оставшееся практически незамеченным широкой общественностью – это процесс в отношении Алексея Пичугина, главы отдела внутренней [экономической] безопасности ЮКОСа, бывшего офицера КГБ и ФСБ. В своем докладе за 2005 год «Обстоятельства ареста и судебного преследования высших должностных лиц ЮКОСа» я описывала некоторые очевидные нарушения, допущенные во время предварительного следствия по делу г-на Пичугина, которое тогда только начиналось. Я была особенно обеспокоена информацией, согласно которой г-ну Пичугину угрожали отомстить за отказ в даче ложных показаний против высших руководителей ЮКОСа, а также тем, что судебное разбирательство по его делу будет проведено в условиях полной секретности. Я также сообщала сведения, предоставленные адвокатом, действующим от имени человека по фамилии Решетников. Решетников, по словам его адвоката, был незаконно осужден за покушение в интересах ЮКОСа на убийство бизнесмена Рыбина, который на самом деле инсценировал это покушение, чтобы подкрепить свой иск против ЮКОСа в Австрии. Г-н Решетников в то время был этапирован в СИЗО «Лефортово», где ему предложили сделку: свободу в обмен на ложные показания против должностных лиц ЮКОСа. По совету своего адвоката, который также рассказал мне о чинящихся ему препятствиях в доступе к своему клиенту, г-н Решетников тогда отказывался принять эти условия Еще одно связанное с ЮКОСом судебное преследование, которое закончилось приговором к пожизненному лишению свободы, оставшееся практически незамеченным широкой общественностью – это процесс в отношении Алексея Пичугина, главы отдела внутренней [экономической] безопасности ЮКОСа, бывшего офицера КГБ и ФСБ. В своем докладе за 2005 год «Обстоятельства ареста и судебного преследования высших должностных лиц ЮКОСа» я описывала некоторые очевидные нарушения, допущенные во

время предварительного следствия по делу г-на Пичугина, которое тогда только начиналось. Я была особенно обеспокоена информацией, согласно которой г-ну Пичугину угрожали отомстить за отказ в даче ложных показаний против высших руководителей ЮКОСа, а также тем, что судебное разбирательство по его делу будет проведено в условиях полной секретности. Я также сообщала сведения, предоставленные адвокатом, действующим от имени человека по фамилии Решетников. Решетников, по словам его адвоката, был незаконно осужден за покушение в интересах ЮКОСа на убийство бизнесмена Рыбина, который на самом деле инсценировал это покушение, чтобы подкрепить свой иск против ЮКОСа в Австрии. Г-н Решетников в то время был этапирован в СИЗО «Лефортово», где ему предложили сделку: свободу в обмен на ложные показания против должностных лиц ЮКОСа. По совету своего адвоката, который также рассказал мне о чинящихся ему препятствиях в доступе к своему клиенту, г-н Решетников тогда отказывался принять эти условия.

Во время моего недавнего визита в Москву молодая женщина[62], представившаяся как общественный защитник Алексея Пичугина, передала мне документ, в котором она подводила итоги дела своего клиента. Я была поражена, когда увидела из этого документа, что г-н Пичугин был осужден, в частности, за покушение на убийство Рыбина на основании двух доказательств: свидетельских показаний г-на Решетникова и рукописной записки с адресом г-на Рыбина, найденной в жилище г-на Пичугина[63] (г-н Пичугин отрицал, что записка была написана им, но суд отказался удовлетворить ходатайство защиты о проведении графологической экспертизы).

Также вызывает беспокойство то, как «подгонялись» свидетельские показания, чтобы развеять сомнения, которые побудили Верховный Суд отменить первый обвинительный приговор [по второму уголовному делу] от 17 августа 2006 года. В ходе первого судебного разбирательства [по второму уголовному делу] г-н Решетников дал показания, что он получил задание на совершение убийства от г-на Пичугина и г-на Невзлина через (умершего) посредника. Защита выразила протест против использования таких основанных на слухах доказательств. Во втором судебном процессе [по второму уголовному делу, проходившему в 2007 году] свидетели вдруг вспомнили, что г-н Пичугин и г-н Невзлин сами присутствовали при этом разговоре. Кроме того, в ходе первого судебного разбирательства не было устранено противоречие между внешностью (темноволосого)

Решетникова, который перевозил убийцу, и многочисленными свидетельствами очевидцев, которые видели на месте преступления светловолосых людей. Во втором судебном процессе г-н Решетников и другие главные свидетели вдруг вспомнили, что они носили в то время светлые парики.

Вышеизложенное заставляет меня опасаться, что г-н Пичугин также, возможно, стал жертвой непрекращающейся кампании, которая ведется против всех лиц, связанных с ЮКОСом и его руководителями[64].

Елена Боннэр[65], общественный деятель, правозащитник, диссидент, публицист, жена академика Андрея Сахарова:

«Я с самого начала следила за делом Алексея Пичугина – если не с момента ареста, то с момента первого суда. И за пять лет у меня сложилось глубочайшее убеждение, что это – один из самых фальсифицированных процессов последних десятилетий»[66].

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы:

«Пичугин и Лебедев были арестованы до Ходорковского, и по тому, как шли их дела, было очевидно, что эти два человека арестованы в надежде следователей, что они дадут показания, компрометирующие главу ЮКОСа.

Но у следователей и тех, кто отдавал им приказы, получилась накладка, потому что оба эти человека оказались очень стойкими и никаких компрометирующих показаний на Ходорковского не дали. А от Пичугина ждали, что он обвинит в убийствах и Ходорковского, и его друга и компаньона Невзлина. Приговор был местью ему за то, что не оправдал ожиданий, не дал тех показаний, которые хотело добиться от него следствие, не оболгал людей, которые к убийствам причастности не имеют, и себя не признал убийцей. Вот за честность, порядочность и человеческое достоинство Пичугин так жестоко и наказан»[67].

Светлана Ганнушкина, председатель Комитета «Гражданское содействие», член Совета и руководитель Сети «Миграция и право» Правозащитного центра «Мемориал»:

«Ни один судебный процесс по “делу ЮКОСа” не проходит объективно и беспристрастно. Это мне стало особенно ясно в 2003 году, кода о Ходорковском заговорили на встрече Комиссии по правам человека с Путиным. Этот процесс и этого человека тогдашний президент воспринимал очень лично, о процессе говорил крайне возбужденно, не выдерживая стиля деловой беседы.

Поэтому и все другие, связанные с этим, процессы, безусловно, установочные. Все люди, проходящие по делу

Ходорковского, судятся небеспристрастно, их дела необъективно рассматриваются судом. Это подтверждалось множество раз, и дело Пичугина, конечно, тут не исключение.

Можно очень много говорить именно по этому конкретному делу. Ненормально уже одно то, что Верховный Суд РФ, удовлетворяя кассационную жалобу и отправляя дело на повторное рассмотрение, отмечает, что необходимо рассмотреть вопрос о назначении Пичугину более строгого наказания. По второму делу Пичугина в 2006 году Мосгорсуд вынес приговор: 24 года лишения свободы. И Верховный Суд, принимая доводы кассационной жалобы адвокатов, фактически дал нижестоящему суду установку на ужесточение приговора.

То, о чем рассказывают адвокаты, – чудовищно. Как были привлечены свидетелями люди, которые не смогли Пичугина опознать. Эти люди осуждены на огромные сроки за тяжкие преступления. За их свидетельства им облегчают режим содержания. И их слово почему-то оказывается более весомым, чем слово свидетелей защиты.

То, что произошло с Пичугиным, может произойти с каждым из нас. Любого человека на улице можно остановить и вот такими методами осудить его за любое преступление. Просто за случайным образом выбранное преступление случайно выбранного человека.

К нам обращаются за помощью сотни людей, и у большинства из них есть основания жаловаться на необъективное расследование и несправедливые приговоры. Сначала это касается таких политически мотивированных дел, как “дело ЮКОСа”, потом – кампаний по борьбе с терроризмом, экстремизмом или еще чем-то.

А в итоге в огромном числе никак политически не мотивированных дел человека сажают без всякого на то основания – только потому, что нужно иметь раскрытое дело или кто-то попросил подобрать виноватого вместо себя. Следственные и судебные органы теряют свою профессиональную и приобретают совсем иную квалификацию. То, что сегодня происходит, страшно.

Совершенно очевидно, что Пичугин наказывается за верность ЮКОСу и лично тем людям, с которыми он работал. И это на самом деле говорит о его профессиональных качествах. Как бывший начальник отдела внутренней экономической безопасности ЮКОСа этот человек остается верен своим обязанностям и своим коллегам.

И он не соглашается на то, что ему предлагают постоянно, –

свидетельствовать против руководителей ЮКОСа.

Алексею Пичугину, как и нам всем, приходится рассчитывать только на перемены. Я желаю ему справиться со всем, что выпало на его долю»[68].

Из заявления организации «Международная амнистия» (“Amnesty International”) по делу Михаила Ходорковского и других лиц, связанных с ЮКОСом, от 11 апреля 2005 года:

«“Международная амнистия” придерживается мнения, что арест и уголовное преследование бывшего главы компании ЮКОС Михаила Ходорковского и других лиц, связанных с ЮКОСом, имеет значительный политический контекст.

Правозащитная организация “Международная амнистия” признает важность этого дела, в ходе которого сообщалось о многочисленных нарушениях международных норм в области справедливого судебного разбирательства и неоднократно звучала обеспокоенность по поводу состояния здоровья некоторых из обвиняемых. “Международная амнистия” отмечает широко распространенное среди адвокатов, выступающих от имени подзащитных, среди российских правозащитных организаций и других аналитиков мнение о политической мотивации соответствующих уголовных дел. Организация направила письма в Министерство юстиции и Генеральному прокурору Российской Федерации, в которых высказывалась обеспокоенность по ряду вопросов, связанных с арестом, уголовным преследованием и содержанием под стражей Михаила Ходорковского и его партнера по бизнесу Платона Лебедева, бывшего сотрудника отдела безопасности ЮКОСа Алексея Пичугина, одного из ведущих юристов ЮКОСа Светланы Бахминой и адвоката Елены Аграновской. “Международная амнистия” призвала российские власти уважать взятые на себя международные обязательства в области прав человека в ходе этих дел, включая статью 14 Международного пакта о гражданских и политических правах[69] и статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В письмах, направленных в Министерство юстиции и Генеральному прокурору, “Международная амнистия” выразила обеспокоенность по вопросам, включающим сообщения о препятствовании доступу к адвокату и вмешательстве в общение адвоката и подзащитного в случаях с Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым, закрытый характер судебных заседаний, в частности, по делу Алексея Пичугина, продолжающееся содержание под стражей Михаила Ходорковского и Платона Лебедева в следственном изоляторе (СИЗО) на стадии проведения следствия и судебных слушаний, заявления о недостатках

медицинского ухода в случаях с Платоном Лебедевым, Алексеем Пичугиным и Светланой Бахминой, заявления о жестоком обращении с Алексеем Пичугиным и Светланой Бахминой во время содержания под стражей и содержание Алексея Пичугина в "Лефортово", следственном изоляторе, находящемся в ведении Федеральной службы безопасности (ФСБ).

Право на справедливое судебное разбирательство и право не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию являются основными правами человека, и "Международная амнистия" призывает государства уважать эти права во всех случаях без какого-либо различия».

Противоречия в показаниях свидетелей обвинения и зависимость суда

Главные свидетели обвинения – лица, не единожды отбывавшие наказание за совершение тяжких преступлений, многократно меняли свои показания против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина.

Показания Евгения Решетникова против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина

Евгений Решетников – бывший волгоградский десантник – проходил по второму делу Алексея Пичугина в качестве одного из обвиняемых. Ранее, в ноябре 2000 года, он был признан судом исполнителем покушений на Евгения Рыбина и приговорен к заключению. Заказчиков преступлений тогда установить не удалось, *причастность к ним руководства ЮКОСа не выявили.*

В 2006 году, выступая в Мосгорсуде, Решетников вслед за другим подсудимым-уголовником, Геннадием Цигельником, признал себя виновным в убийстве Владимира Петухова, в покушении на Виктора Колесова, а также в двух покушениях на Евгения Рыбина. *Заказчиками данных преступлений Решетников,* как и Цигельник, сославшись на слова посредников – исчезнувшего Горина и покойного криминального «авторитета» Горитовского – *назвал Леонида Невзлина и Алексея Пичугина.*

В связи с этим защитник Алексея Пичугина Дмитрий Курепин заявил: «В уголовном процессе, в зависимости от наличия или отсутствия промежуточного источника фактических данных,

доказательства делятся на первоначальные и производные. Чтобы подтвердить вину, необходимы первоначальные доказательства. Производные же доказательства служат для проверки первоначальных и самостоятельной ценности не имеют».

Ссылку на Горина и Горитовского защитник назвал производным, то есть не имеющим самостоятельной ценности доказательством.

На повторном процессе по второму уголовному делу Алексея Пичугина *Цигельник и Решетников вдруг «вспомнили»: якобы, имела место и личная(!) их* (и их подельника Шапиро) *встреча с руководством ЮКОСа, на которой обсуждались преступные планы.*

На этом неожиданные признания Цигельника и Решетникова не закончились.

Адвокаты Алексея Пичугина предоставляли суду следственные материалы прокуратуры Ханты-Мансийского автономного округа, датированные 1999 годом. Из них следует, что истинными убийцами Владимира Петухова были Приходько и Попов, члены камышинской организованной преступной группировки. Имеются показания многочисленных свидетелей, видевших этих киллеров на месте преступления и впоследствии опознавших их по фотографиям, а также признательные показания самого Приходько. Николай Билан, занимавший в 90-е годы должность нефтеюганского межрайонного прокурора, не сомневался в виновности Попова и Приходько. Однако под суд эти лица не попали, поскольку погибли.

В отличие от Попова и Приходько, Цигельника и Решетникова на месте убийства мэра не видели. Обознаться невозможно: помимо прочих несовпадающих примет, все очевидцы вспоминали светлые волосы одного из киллеров, а Цигельник и Решетников темноволосые. К тому же свидетели говорили о мужчинах со славянской внешностью, а у Решетникова восточный тип лица.

На предыдущем (2006 года) судебном процессе прокуроры так и не смогли объяснить это очевидное противоречие. Однако на повторном процессе *Цигельник очень кстати для гособвинения «вспомнил»: оказывается, они с Решетниковым, когда совершали преступление, надевали парики, и один парик был светлого цвета! Правда, стройную картину несколько смазал Решетников, признавшийся, что они с напарником надевали парики, когда следили за другим потерпевшим – Евгением Рыбиным. На прямой же вопрос прокурора Киры Гудим: «А при совершении преступления в отношении Владимира Петухова вы надевали парики?» – Решетников ответил отрицательно.*

Любопытная статистика: адвокат Алексея Пичугина Дмитрий

Курепин подсчитал, что *Цигельника допрашивали 24 раза, а Решетникова – 26 раз. И ни разу ранее они не давали показаний об изменении внешности.*

Показания Геннадия Цигельника против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина

Геннадий Цигельник, известный также под фамилией Шевцов, на момент суда над Алексеем Пичугиным уже имел пять судимостей за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия.

11 июля 2006 года, выступая в Мосгорсуде, он признал себя виновным в убийстве Владимира Петухова, в покушении на Виктора Колесова, а также в двух покушениях на Евгения Рыбина. *Заказчиками данных преступлений Цигельник назвал Леонида Невзлина и Алексея Пичугина.* О том, что заказчиками являются именно эти лица, Цигельнику, якобы, сообщили все те же Горин и Горитовский.

На повторном судебном процессе по второму уголовному делу Алексея Пичугина Геннадий Цигельник вновь дал показания против него и руководства ЮКОСа.

Примечательно, что в разное время Цигельник по-разному описывал не только собственную роль в преступлениях, но и роли Решетникова, Горитовского и других фигурантов.

Так, на судебном заседании 22 мая 2007 года он *заявил, что изначально планировалось не только убийство Евгения Рыбина, но и его похищение, а раньше утверждал только об убийстве. На вопрос адвокатов: «Угрожали ли вам работники СИЗО 99/1 в связи с тем, чтобы вы не давали показаний против ЮКОСа?» – сейчас Цигельник ответил отрицательно. А прежде он сообщал о подобных своих опасениях. Также защитники Алексея Пичугина спрашивали Цигельника, давали ли ему следователи распечатку, якобы, телефонных переговоров руководителей ЮКОСа, где шла речь о его физическом устранении. 22 мая 2007 года Цигельник затруднился с точным ответом на данный вопрос, а раньше отвечал утвердительно.*

Кроме того, в ответ на вопрос защиты Пичугина Цигельник сообщил, что после вынесения в отношении него обвинительного приговора, с 17 августа 2006 года по настоящее время (то есть 22 мая 2007 года), *в СИЗО 99/1 его посещали оперативные сотрудники, которые задавали вопросы об Алексее Пичугине.* Эти вопросы, как сказал Цигельник, были «по другому делу, не по

этому». Более подробных и точных пояснений свидетель не дал.

После таких слов Цигельника гособвинители заявили ходатайство, в котором попросили суд прервать допрос осужденного, мотивируя это усталостью. Это ходатайство было удовлетворено председательствующим Петром Штундером.

На следующий день, 23 мая 2007 года, на вопрос представителя гособвинения *Цигельник дал диаметрально противоположные показания в отношении Владимира Петухова, которые он никогда не давал.*

В своей кассационной жалобе, адресованной в коллегию Верховного Суда РФ, в которой Цигельник оспаривал свое осуждение и квалификацию своих действий по статье 105 части 2 УК РФ («убийство двух или более лиц»), а также выступая по телемосту на заседании кассационной инстанции, Цигельник утверждал, что *заказ на Петухова был один: избить или ранить. То же самое Цигельник говорил на предварительном следствии.*

Однако на судебном заседании 23 мая 2007 года в ответ на вопрос прокурора Камиля Катаева *Цигельник стал говорить, что заказ был на избиение, ранение, а в конечном итоге – «убьете, так убьете».*

В связи с этим адвокат Алексея Пичугина Георгий Каганер заявил о проведенной с Цигельником беседе. «Я мог бы заявить об истребовании документов из СИЗО 99/1 о том, кто посещал Цигельника между вчерашним вечером и сегодняшним утром, но есть много способов не фиксировать такие посещения», – сказал защитник.

Сторона обвинения выразила свое несогласие с этим заявлением, после чего Цигельник продолжил дополнять свои показания фактами, о которых ранее никогда не упоминал.

В частности, *Цигельник заявил о том, что покушение на Владимира Петухова он и Решетников осуществляли, надев на головы парики для изменения своей внешности (между тем Решетников утверждал, что парики надевались при совершении преступления в отношении Евгения Рыбина).*

Кроме того, Цигельник сказал, что у Сергея Горина был брат, с которым он познакомился в 2000 году, когда ездил к Горину вместе с Горитовским. И у этого брата, якобы, были друзья в Камышине. Как сказал Цигельник: «Попов, а вторую фамилию забыл». Сразу после этого прокурор Кира Гудим задала свидетелю вопрос: «Знакома ли вам фамилия Приходько?» На что Цигельник ответил: «Да, вторая фамилия была Приходько».

Между тем, раньше Цигельник утверждал, что фамилии Попов и Приходько ему не известны.

На судебном заседании по делу Леонида Невзлина 21 апреля

2008 года Геннадий Цигельник *отказался от показаний против Леонида Невзлина и Алексея Пичугина.* В частности, *он заявил: «Я оговорил Пичугина и Невзлина по просьбе следователей Генеральной прокуратуры Буртового, Банникова, Жебрякова и оперативного работника Смирнова. Мне обещали защиту и минимальный срок, а дали максимальный».*

Показания Владимира Шапиро против Алексея Пичугина и Леонида Невзлина

Владимир Шапиро – бывший сотрудник милиции. Проходил по второму делу Алексея Пичугина в качестве одного из обвиняемых.

Владимир Шапиро в самом начале первого судебного процесса по второму уголовному делу Алексея Пичугина, 16 мая 2006 года, потребовал сделать его закрытым. Данное требование он мотивировал тем, что опасается за личную безопасность и жизнь членов своей семьи.

Алексей Пичугин, его защита и некоторые другие обвиняемые выступили против такой меры, которая, по их мнению, нарушила бы права подсудимых. Адвокаты Пичугина Ксения Костромина и Георгий Каганер призвали в сложившейся ситуации ограничиться закрытием только тех заседаний, на которых будет давать показания сам Шапиро. Председательствующий судья Владимир Усов признал их доводы справедливыми, удовлетворив, таким образом, ходатайство Шапиро лишь частично.

Владимир Шапиро обвинялся в убийстве Валентины Корнеевой. Против него свидетельствовал муж Корнеевой Дмитрий Корнеев. Согласно показаниям этого свидетеля, в январе 1998 года его жена была застрелена на лестничной клетке их дома Владимиром Шапиро.

Подсудимый полностью признал свою вину и заявил, что раскаивается в содеянном.

На судебном заседании 24 мая 2007 года, в рамках повторного процесса по второму делу Алексея Пичугина, все показания, которые когда-либо давал Владимир Шапиро (в том числе на закрытом заседании Мосгорсуда летом 2006 года), были оглашены по ходатайству защиты Алексея Пичугина.

Как следует из всей совокупности оглашенных материалов, *Шапиро неоднократно и существенно изменял свои показания.* В разное время, с 2004 по 2007 годы, Шапиро по-разному отвечал на вопросы о роли в совершенных преступлениях всех фигурантов дела, включая его самого, Цигельника, Решетникова,

Горитовского, Горина, а также Алексея Пичугина и Леонида Невзлина. *На допросе, проведенном в рамках закрытого судебного заседания Мосгорсуда летом 2006 года, Шапиро заявлял, что Алексея Пичугина и Леонида Невзлина не знал и никогда не видел, что непосредственным заказчиком убийства Валентины Корнеевой был Сергей Горин, а имена других заказчиков ему не известны. И что именно эти, его последние, показания следует считать соответствующими истине.*

В кассационной жалобе, адресованной в коллегию Верховного Суда, Владимир Шапиро утверждал о том же. А также о том, что *следователи обещали ему «манну небесную» за лжесвидетельство против Пичугина и Невзлина.*

Однако во время повторного процесса *24 мая 2007 года Владимир Шапиро снова вернулся к версии Генпрокуратуры о том, что преступления ему заказывали Алексей Пичугин и Леонид Невзлин.*

Зато *на судебном заседании по делу Леонида Невзлина 18 апреля 2008 года Шапиро на вопрос адвоката Дмитрия Харитонова: «Может быть, вам пообещали поблажки в сроке за оговор Пичугина и Невзлина?» – ответил недвусмысленно: «Я не хочу, чтобы меня убили».*

Зависимость присяжных заседателей от председательствующей

Первое уголовное дело Алексея Пичугина рассматривал суд присяжных заседателей. Первая коллегия, по мнению адвокатов и самого Пичугина, склонялась к оправдательному вердикту. В итоге она была распущена под надуманным предлогом председательствующей судьей Натальей Олихвер.

Давление на суд со стороны прокуратуры

Вторая коллегия присяжных, по убеждению подсудимого и его защиты, находилась в зависимости от прокуратуры. Косвенно это подтвердил и гособвинитель Камиль Кашаев, который на пресс-конференции проговорился, что в суд заседателей доставлял специальный автобус.

Еще на стадии предварительного расследования по второму уголовному делу 5 июля 2005 года заместитель Генерального прокурора Владимир Колесников выступил на телеканалах ОРТ и НТВ с заявлениями о виновности Алексея Пичугина в

инкриминированных ему преступлениях.

Также еще на стадии предварительного расследования 11 сентября 2005 года в передаче Андрея Караулова «Момент истины» на канале ТВЦ с заявлениями о виновности Алексея Пичугина в инкриминированных ему преступлениях выступил руководитель следственной группы Ю. А. Буртовой, в связи с чем обвиняемый был вынужден отказаться от рассмотрения дела судом присяжных.

На втором судебном процессе Алексея Пичугина 7 июня 2006 года прокурор Кира Гудим на адресованное ей замечание адвоката Георгия Каганера: «Кира Станиславовна, давайте будем более точно цитировать материалы дела. Все-таки судьба человека решается», – ответила: «Уже решена».

Давление на Мосгорсуд со стороны Верховного Суда РФ

21 февраля 2007 года Верховный Суд РФ отменил приговор Алексею Пичугину от 17 августа 2006 года фактически по жалобе его адвокатов. При этом Верховный Суд РФ указал в своем определении, что Пичугину нужно назначить более строгое (чем 24 года лишения свободы) наказание. Тем самым Верховный Суд РФ нарушил в отношении Пичугина принцип презумпции невиновности.

Давление на суд со стороны высших должностных лиц государства

После ареста Алексея Пичугина и Платона Лебедева, но еще до ареста Михаила Ходорковского, в сентябре 2003 года, Владимир Путин заявил: «Что касается расследования уголовного дела, связанного с компанией “ЮКОС”, – это частный случай», – сказал Путин, отметив, что «компания большая, но не единственная в России». «Никакого пересмотра итогов приватизации не будет, но если были нарушения закона и прокуратура реагирует на это, я не могу воспрепятствовать», – подчеркнул он, отметив, что это находится за рамками его полномочий. По словам Путина, одно из направлений расследования – это возможная причастность отдельных личностей к убийствам в ходе слияния и роста компании. «Как же можно мешать прокуратуре работать на этом направлении», – сказал глава государства.

notes

Заметки

1

Я верю в добро // HRO.org. – 2007. – 3 октября.

2

Я уверен, что Алексей Пичугин будет на свободе // Новая газета. – 2010. – 23 июля (№ 79).

3

Для осужденных к пожизненному заключению.

Слуцкий, Вадим. Знакомство с Алексеем Пичугиным // Эльф. – 2009. – № 8.

5

Я уверен, что Алексей Пичугин будет на свободе // Новая газета. – 2010. – 23 июля (№ 79).

Прага: Human Rights Publishers, 2008.

Я верю в добро // HRO.org. – 2007. – 3 октября.

Я верю в добро // HRO.org. – 2007. – 3 октября.

9

После приговора Алексею Пичугину я стал уважать его еще больше // HRO.org. – 2010. – 18 июня.

10

После приговора Алексею Пичугину я стал уважать его еще больше // HRO.org. – 2010. – 18 июня.

11

После приговора Алексею Пичугину я стал уважать его еще больше // HRO.org. – 2010. – 18 июня.

В том числе управления безопасности, службы безопасности добывающих, перерабатывающих и сбытовых объединений, заводов и организаций, входящих в структуру НК «ЮКОС».

Васильева, Вера. Без свидетелей? Дело Невзлина: записки очевидца заочного процесса. – Прага: Human Rights Publishers, 2009.

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

15

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

Я верю в добро // HRO.org. – 2007. – 3 октября.

17

Адвокаты Алексея Пичугина подавали две жалобы в Страсбург: на нарушения его прав, допущенные в рамках первого и второго уголовных дел соответственно. В данном случае Ксения Костромина имеет в виду первую жалобу, касающуюся дела по обвинению в организации убийства супругов Ольги и Сергея Гориных, покушений на Виктора Колесова и Ольгу Костину. В 2007 году эта жалоба прошла процедуру коммуникации. Это значит, что ЕСПЧ признал ее приемлемой, задал представителям РФ и защите Пичугина вопросы и получил от них ответы. Что касается второй жалобы, связанной со вторым уголовным делом Алексея Пичугина, то она была подана в 2007 году и на момент написания книги еще ждала коммуникации. Кроме фактов нарушения Россией в отношении Алексея Пичугина ст. 5 Европейской конвенции адвокаты указывали на факты нарушения ст. 6 («право на справедливое судебное разбирательство») и ст. 3 («запрет пыток») в связи с применением к заключенному психотропных средств в СИЗО «Лефортово» 14 июля 2003 года.

18

После вынесения Алексею Пичугину приговора по первому уголовному делу эта первоначальная жалоба была дополнена фактами нарушения права подсудимого на справедливое правосудие.

19

Сутягин Игорь Вячеславович, 1965 года рождения, кандидат исторических наук, заведующий сектором военно-технической и военно-экономической политики Отдела военно-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук. Допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не имел. Работал, анализируя открытые источники, опубликованную информацию. Обвинен ФСБ в шпионаже и разглашении сведений о военном потенциале. В апреле 2004 года приговорен к 15 годам лишения свободы. 26 апреля 2004 года «Международная амнистия» (“Amnesty International”) признала Игоря Сутягина политическим заключенным. 7 июля 2010 года стало известно о том, что Игоря Сутягина планируют выслать в Лондон в обмен на российских граждан, арестованных в США по подозрению в шпионаже, среди которых наибольшую известность впоследствии получила Анна Чапман. 9 июля 2010 года Президент РФ Дмитрий Медведев издал указ о помиловании ученого. В этот же день СМИ передали, что обмен заключенными состоялся. 14 июля 2010 года Игорь Сутягин получил вид на жительство в Великобритании. 3 мая 2011 года Европейский суд по правам человека постановил, что судебное разбирательство по делу Игоря Сутягина не было справедливым и что ученый недопустимо долго содержался под стражей во время предварительного следствия, то есть Россия нарушила в отношении него статьи 5 и 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

20

Нелегальная связь между камерами в тюрьме, осуществляемая с помощью «коней» – тонких веревок, натянутых между окнами и несущих на себе записки-«малявы» или упакованные в маленькие свертки посылочки.

Васильева, Вера. Без свидетелей? Дело Невзлина: записки очевидца заочного процесса. – Прага: Human Rights Publishers, 2009.

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

23

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

24

Там же.

25

Управляющая компания пакетами акций предприятий, принадлежавших банку «МЕНАТЕП».

Васильева, Вера. Особенности национального правосудия // Каспаров.ру. – 2008. – 4 августа.

Васильева, Вера. Покушение на правосудие // Грани.ру. – 2009. – 26 января.

По данным СМИ, поводом для этого послужила статья Александра Подрабинека «Как антисоветчик антисоветчикам...», опубликованная в «Ежедневном журнале» 21 сентября 2009 года. «Наши» разыскивали Александра Подрабинека у него дома и в редакции «Новой газеты», с которой журналист сотрудничает. И не просто так, а с целью «серьезно с ним разобраться», как сообщалось в интернет-блоге издания.

29

Патрушев Николай Платонович – директор ФСБ с 1999 по 2008 год.

30

Алексей Кондауров: «Следователь сказал, что Пичугин и Невзлин хотели меня убить» // Известия – 2004. – 9 августа.

31

Васильева, Вера. «Им было нужно руководство ЮКОСа...» // HRO.org. – 2008. – 23 апреля.

32

Касьянов Михаил Михайлович – российский государственный и общественно-политический деятель, председатель правительства РФ с 2000 по 2004 год.

33

Черномырдин Виктор Степанович (09.04.1938-03.11.2010) – советский и российский хозяйственный и государственный деятель, председатель правительства РФ с 1992 по 1998 годы, посол России на Украине с 2001 по 2009 годы. С11 июня 2009 года до конца жизни – советник президента РФ, специальный представитель президента РФ по вопросам экономического сотрудничества с государствами СНГ.

34

Волошин Александр Стальевич – политик и государственный деятель, бывший руководитель администрации президента РФ.

Васильева, Вера. «Им было нужно руководство ЮКОСа...» // HRO.org. – 2008. – 23 апреля.

Я верю в добро // HRO.org. – 2007. – 3 октября.

37

Имеется в виду книга: Третий суд Алексея Пичугина. Хроники «дела ЮКОСа». – Прага: Human Rights Publishers, 2008.

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

39

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

Там же.

41

Ковалевский, Игорь. Автобус правосудия // Новая газета. – 2006. – 23 марта (№ 21).

С Владимиром Шапиро ситуация сложнее: он неоднократно и существенно изменял свои показания. В разное время, с 2004 по 2007 годы, Шапиро по-разному отвечал на вопросы о роли в совершенных преступлениях всех фигурантов дела, включая его самого, Цигельника, Решетникова, Горитовского, Горина, а также Алексея Пичугина и Леонида Невзлина. Подробнее этой темы мы коснемся ниже.

43

АО «МММ» – самая известная российская финансовая «пирамида», просуществовавшая с 1992 по 1994 годы, основателем которой являлся Сергей Мавроди.

Васильева, Вера. Талантливый мистер Рыбин // Каспаров.ру. – 2009. – 1 октября.

Напомню, Владислав Левин обвинялся по другому эпизоду, связанному с Геннадием Цигельником и не имеющему отношения к Алексею Пичугину, и, соответственно, не свидетельствовал ни за, ни против последнего. Левину вменили соучастие вместе с Цигельником в разбойном нападении 19 марта 2003 года на дом бизнесмена Каплиева в селе Дубовское Ростовской области. В результате были ранены хозяин и его жена. В момент совершения преступления Левину было 22 года, криминального прошлого он не имел. При этом насильственных действий по отношению к хозяевам дома подсудимый лично, по собственному утверждению, не совершал. В суде он, несмотря на то, что содержался в СИЗО, всегда появлялся в отглаженном костюме и белоснежной рубашке. На заседании 11 июля 2006 года Владислав Левин заявил, что Геннадий Цигельник, сидя рядом в клетке зала суда, требовал не свидетельствовать против него. В противном случае Цигельник, якобы, обещал «повесить всех собак» на Левина. Впоследствии Цигельник, будучи неоднократно судимым и в два раза старше Левина, действительно назвал его главным преступником. В итоге, Владислав Левин был признан судом виновным и приговорен к 7,5 годам заключения.

Для Геннадия Цигельника и Евгения Решетникова Камиль Кашаев требовал 17 и 16 лет колонии строгого режима соответственно.

Напомню, 30 марта 2005 года Наталья Олихвер приговорила Алексея Пичугина к 20 годам заключения в колонии строгого режима.

Напомню, Алексей Пичугин служил в военной контрразведке и уволился в 1994 году в звании майора; Алексей Кондауров – генерал-майор КГБ СССР в отставке.

Я верю в добро // HRO.org. – 2007. – 3 октября.

Там же.

51

Я уверен, что Алексей Пичугин будет на свободе // Новая газета. – 2010. – 23 июля (№ 79).

52

Для допроса в качестве свидетеля на судебном процессе по делу Леонида Невзлина.

53

Напомню, Геннадий Цигельник получил 18 лет лишения свободы в колонии строгого режима.

Васильева, Вера. Отказались от лжесвидетельства // HRO.org. – 2008. – 21 апреля.

Васильева, Вера. Пять лет расправы, сопротивления и надежды // HRO.org. – 2008. – 19 июня.

56

30 декабря 2010 года судья Виктор Данилкин признал Михаила Ходорковского и Платона Лебедева виновными в хищении нефти ЮКОСа и «отмывании» денежных средств и постановил приговорить ихк14 годам заключения в колонии общего режима.

То есть, вынесения неправосудного, по мнению Алексея Пичугина, приговора.

58

11 марта 2011 года в Японии произошло сильнейшее землетрясение. В результате него, а также последовавшего затем цунами погибли, по данным на момент написания этой книги, около 14 тысяч человек.

Зои Крахмальниковой. Зоя Александровна Крахмальникова (14.01.1929-17.04.2008) – писатель, участник диссидентского движения, бывшая политзаключенная. В 1982 году она была арестована за издание православного альманаха «Надежда». Год Зоя Крахмальникова провела в следственной тюрьме КГБ и пять лет в ссылке, отказавшись писать прошение о помиловании. Автор нескольких литературоведческих книг и нескольких десятков статей. Занималась переводами. Член Союза журналистов СССР. Была замужем за известным диссидентом, писателем Феликсом Световым. В 1966 году поэт Булат Окуджава посвятил Зое Крахмальниковой свою песню «Прощание с новогодней елкой».

60

Я уверен, что Алексей Пичугин будет на свободе // Новая газета. – 2010. – 23 июля (№ 79).

61

Ширяев, Валерий. Суд мести: Первая жертва дела ЮКОСа. – М.: ОГИ, 2006.

Автор этой книги.

63

Здесь Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер допустила небольшую неточность. На самом деле эта записка, по версии следствия, была найдена за обложкой паспорта Сергея Горина, который, в свою очередь, следователи, якобы, обнаружили в автомобиле пропавшего бизнесмена. Примечательно, что в материалах дела паспорта нет, есть только упоминание этого документа, и где он находится – неизвестно. Не менее интересно и то, что записка неожиданно нашлась много позже, чем сам паспорт, уже когда дело было в Генпрокуратуре.

Перевод автора.

Елена Георгиевна Боннэр скончалась в Бостоне (США) 18 июня 2011 года, когда эта книга готовилась к печати.

Васильева, Вера. Пять лет расправы, сопротивления и надежды // HRO.org. – 2008. – 19 июня.

Васильева, Вера. Пять лет расправы, сопротивления и надежды // HRO.org. – 2008. – 19 июня.

Васильева, Вера. Пять лет расправы, сопротивления и надежды // HRO.org. – 2008. – 19 июня.

69

Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право <...> на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона <...>.